К. МОЧУЛЬСКІЙ

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ГОГОЛЯ

YMCA PRESS

PARIS 1934

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ГОГОЛЯ

К. МОЧУЛЬСКІЙ

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ГОГОЛЯ

YMCA PRESS
Paris 1934

Printed in Estonie.

Imprimerie „O./ü., K. Mattieseni trükikoda“, Tartu Estonie, 1934.

1. Предисловіе.

„Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человѣка, чѣмъ литератора“, писалъ Гоголь матери въ 1844 году.

Исполнили ли біографы Гоголя это пожеланіе? Оцѣнили ли по справедливости его религіозный подвигъ, то „прочное дѣло жизни“, которое писатель считалъ важнѣе своего литературнаго творчества? Можно съ разныхъ точекъ зрѣнія подходить къ жизненной задачѣ, поставленной Гоголемъ; можно сочувствовать ей или ее оспаривать, но игнорировать ее нельзя.

Гоголь былъ не только великимъ художникомъ: онъ былъ и учителемъ нравственности, и христіанскимъ подвижникомъ, и мистикомъ.

Исторію этого Гоголя мы и пытаемся разсказать, пользуясь, какъ матеріалами, перепиской, религіозно-нравственными сочиненіями Гоголя и свидѣтельствами современниковъ; эстетическая оцѣнка художественныхъ произведеній автора „Мертвыхъ Душъ“ не входитъ въ нашу задачу; мы привлекаемъ ихъ къ разсмотрѣнію только какъ психологическіе и идеологическіе документы.

До сихъ поръ въ литературѣ о Гоголѣ повторяется или молчаливо допускается мнѣніе, что призваніе его было исключительно литературное, что, „ударившись въ мистику“, онъ загубилъ свой талантъ и „занялся не своимъ дѣломъ“; что весь духовный путь писателя былъ однимъ прискорбнымъ недоразумѣніемъ. Но почему же

религіозно-нравственныя идеи Гоголя легли въ основу „учительства“ всей великой русской литературы и почему значительность его христіанского пути съ каждымъ годомъ раскрывается намъ все яснѣе?

Послѣ пережитаго нами опыта войны и революціи мы другими глазами смотримъ на Гоголя — „мученика христіанства“, какъ назвалъ его С. Т. Аксаковъ; и по новому звучатъ для насъ слова его Завѣщанія:

„Будьте не мертвыя, а живыя души. Нѣтъ другой двери, кромѣ указанной Іисусомъ Христомъ“.

Парижъ, 29 Октября 1933 г.

2. Дѣтство.

Гоголь происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода, временно уклонившагося въ католичество. Его прадѣдъ, уже православный, былъ священникомъ. Дѣдъ, Афанасій Демьяновичъ — бурсакъ, „на кондиціи“ похитившій дочь помѣщика Лизогуба, Татьяну Семеновну, и получившій нобилитацію въ 1788 г. Въ семьѣ Лизогубовъ — напряженная религіозность, наслѣдственный мистицизмъ.

Отецъ Гоголя, авторъ народныхъ фарсовъ на малороссійскомъ языкѣ, режиссеръ и главный актеръ любительскаго театра въ имѣніи екатерининскаго вельможи Д. П. Трощинскаго, передалъ сыну свой юморъ и литературную одаренность. Но онъ умеръ, когда Гоголю было всего 16 лѣтъ. Съ девятилѣтняго возраста мальчикъ живетъ не дома, учится сначала въ Полтавѣ, потомъ въ Нѣжинѣ. Отца онъ знаетъ мало, и въ своемъ душевномъ развитіи отъ него не зависитъ. Когда отецъ умираетъ въ 1825 году, онъ пишетъ матери соболѣзнующее письмо въ эффектно-риторическомъ стилѣ; это — сентиментально-романтическая декламація на тему сыновней любви и скорби. Но едва-ли Гоголь любилъ отца.

Мать Гоголя, Марья Ивановна — женщина набожная, суевѣрная, со странностями. С. Т. Аксаковъ говоритъ о ней, какъ о „добромъ, нѣжномъ, любящемъ существѣ, полномъ эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ кроткаго юмора“. Это — свѣтлая сторона ея образа.

Но есть и темная. Марья Ивановна была больна страхомъ. Ея искренняя и подлинная религіозность окрашена боязнью надвигающихся бѣдствій и смерти. Она вѣрила въ Промыслъ и трепетала передъ злыми духами. Счастливая семейная жизнь ея началась съ мистическаго видѣнія: „Выдали меня четырнадцати лѣтъ, вспоминаетъ мать Гоголя, за моего добраго мужа, въ семи верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему“. Всю свою жизнь Марья Ивановна прожила въ необъяснимыхъ, мучительныхъ тревогахъ. Ея мнительность, подозрительность, недовѣрчивость были унаслѣдованы Гоголемъ. „Жизнь моя была самая спокойная, разсказываетъ она, характеръ у меня и у мужа былъ веселый. Мы окружены были добрыми сосѣдями. Но иногда на меня находили мрачныя мысли. Я предчувствовала несчастія, вѣрила снамъ.“ Это мѣсто изъ Записокъ Маріи Ивановны подтверждается слѣдующимъ свидѣтельствомъ современника: „Иногда Марья Ивановна, не сходя съ мѣста цѣлые часы, думала неизвѣстно о чемъ. Въ такія минуты самое выраженіе лица ея измѣнялось: изъ добраго и привѣтливаго, оно становилось какимъ-то безжизненнымъ: видно было, что мысли ея блуждаютъ далеко. Съ мужемъ она очень сходилась въ мнительности; по самому ничтожному поводу ей представлялись нерѣдко большіе страхи и безпокойства. Отъ этой же причины она отличалась крайней подозрительностью...“

Гоголь похожъ на свою мать: то веселый и жизнерадостный, то „безжизненный“, какъ будто съ дѣтства запуганный и испугавшійся на всю жизнь.

Помѣщичій бытъ въ Васильевкѣ, напоминавшій міръ Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, отличался обрядовой, патріархальной религіозностью. Ребенка-Гоголя водили въ церковь, возили по богомольямъ въ Диканьку, Булищи, Лубны, заставляли поститься и слушать чтеніе Четьи-Миней. Въ послѣдствіи, онъ рѣзко

осудилъ религіозное воспитаніе, полученное имъ въ дѣтствѣ:

„Къ несчастью родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ . . . На все я глядѣлъ безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь, потому что мнѣ приказывали, или носили меня; но, стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился, потому что видѣлъ, что всѣ крестятся."

Гоголь не принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ, которые рождаются съ любовью къ Богу; патріархальная религіозность, окружавшая его дѣтство, осталась ему чуждой и даже враждебной. Вѣра должна была прійти къ нему другимъ путемъ: не отъ любви, а отъ страха. Вотъ какъ зародилось въ душѣ его религіозное чувство:

„Одинъ разъ, пишетъ Гоголь матери, я живо, какъ теперь, помню этотъ случай, — я просилъ Васъ разсказать мнѣ о Страшномъ Судѣ и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли."

Конечно, въ этомъ разсказѣ удареніе падаетъ не на описаніе наградъ за добродѣтель, а на изображеніе мукъ грѣшниковъ. Страшная картина, нарисованная болѣзненымъ воображеніемъ мистически одаренной матери, „потрясла" Гоголя. Объ этомъ потрясеніи онъ уже никогда не забудетъ; его религіозное сознаніе выростетъ изъ суроваго образа Возмездія.

Разсказъ Маріи Ивановны встрѣтилъ подготовленную почву: Гоголь росъ слабымъ, впечатлительнымъ и неуравновѣшеннымъ ребенкомъ. Картина страшнаго Суда позволила оформиться смутнымъ страхамъ, которые мучили его съ дѣтскихъ лѣтъ. И раньше

онъ уже испытывалъ припадки стихійнаго ужаса, приливы непонятной тоски. Теперь онъ зналъ, чего боится: смерти и наказанія за гробомъ.

Въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ Гоголь съ необыкновенной силой описываетъ свой мистическій опытъ дѣтскихъ лѣтъ.

„Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его и послѣ котораго слѣдуетъ немедленно смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный: ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечики въ это время переставали кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду, и тогда только успокаивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.“

Въ душѣ Гоголя первичны: переживаніе космическаго ужаса и стихійный страхъ смерти; и на этой языческой основѣ христіанство воспринимается имъ, какъ религія грѣха и возмездія.

---

3. Лицей.

Въ 1821 году Гоголь поступаетъ въ нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ и проводитъ въ ней семь лѣтъ. Отрочество его — время сложной и глубокой внутренней работы. Къ сожалѣнію, объ этомъ періодѣ намъ приходится судить только по письмамъ его къ роднымъ, а это — источникъ недостаточный и недостовѣрный; недостаточный, потому что Гоголь — замкнутая и скрытная натура и о самомъ значительномъ или сообщаетъ намеками или совсѣмъ умалчиваетъ; съ матерью онъ не откровененъ; недостовѣрный, потому что письма Гоголя никогда не отражаютъ точно его душевнаго состоянія. Образъ его, преломляясь въ перепискѣ, претерпѣваетъ двойное искаженіе: литературной манеры и психологической позы. Гоголь въ двадцатые годы зачитывается романтическими журналами, усваиваетъ модную фразеологію и видитъ себя въ образѣ Рене и Чайльдъ-Гарольда: онъ загадочный, одинокій и гонимый свѣтомъ мечтатель: „Я почитаюсь загадкой для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно, пишетъ Гоголь матери въ 1828 году... Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ — уменъ, у другихъ — глупъ."

А вотъ и обязательныя „гоненія свѣта“: „Я больше испыталъ горя и нужды, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія.“ (Къ матери 1828 г.). Гдѣ въ этихъ признаніяхъ кончается литература и начинается дѣйствительность? Жизнь и фантазія такъ переплетены въ душѣ Гоголя, что раздѣлить ихъ невозможно. Юный авторъ если и обманываетъ другихъ, то прежде всего обманывая самого себя. Онъ дѣйствительно чувствуетъ себя романтическимъ героемъ, хотя, конечно, никакого горя, никакихъ несправедливостей и презрѣнія не испыталъ. Правда товарищи поддразнивали замкнутаго, заносчиваго и неряшливаго юношу, но любили его и добродушно переносили его насмѣшки и приставанія.

„Товарищи его любили, пишетъ самый близкій лицейскій другъ Гоголя А. С. Данилевскій, но называли „таинственный карла.“ Онъ относился къ товарищамъ саркастически, любилъ посмѣяться и давалъ прозвища. Надъ нимъ много смѣялись, трунили.“ У Гоголя было два-три пріятеля, которые образовывали кругъ избранниковъ; всѣ остальные были „существователи“, и къ нимъ онъ относился съ традиціоннымъ романтическимъ презрѣніемъ поэта къ черни. Еще въ Нѣжинѣ былъ написанъ „Ганцъ Кюхельгартенъ“. Герой этой поэмы — почти автопортретъ.

Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твердъ средь сихъ живыхъ обломковъ,
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.

Своему другу Г. И. Высоцкому Гоголь пишетъ (1827 г.): „Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодоволія, высокое назначеніе человѣка... И между этими существователями я долженъ пресмыкаться!“

Конечно, противоставленіе героя толпѣ — романтическій шаблонъ, но доля реальности есть и здѣсь. Жители Нѣжина, дѣйствительно, были „мертвыми душами“, и живой, восторженный юноша, дѣйствительно, страдалъ отъ ихъ „земности“. Дыша поэтическимъ воздухомъ двадцатыхъ годовъ, съ ихъ культомъ героя — поэта, вождя, пророка, съ ихъ индивидуализмомъ и гражданственностью, Гоголь съ дѣтскихъ лѣтъ сталъ мечтать о подвигѣ, о миссіи, о службѣ людямъ.

Въ основѣ этихъ мечтаній — страстная жажда самоутвержденія. Страхъ смерти принимаетъ форму страха передъ погребеніемъ заживо, передъ „мертвой“ жизнью на „черной квартирѣ неизвѣстности въ мірѣ“.

„Какъ тяжко быть з а р ы т у вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе м е р т в о е“. (Высоцкому 1827 г.).

„Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ: быть въ мірѣ и не означить своего существованія — это было для меня ужасно“. (П. П. Косяровскому 1827 г.).

Вѣра въ свое великое призваніе, въ свою свыше предназначенную миссію возникаетъ у Гоголя подъ вліяніемъ романтической поэтики, но вовсе этимъ вліяніемъ не исчерпывается. Съ лицейской скамьи онъ былъ вдохновляемъ таинственной увѣренностью въ своемъ „служеніи“. Въ чемъ будетъ заключаться это служеніе, представлялось ему очень смутно. Въ письмѣ къ дядѣ П. П. Косяровскому (1827 г.) онъ пишетъ,

что рѣшилъ быть судьей, т. к. видитъ, что „здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только онъ будетъ истинно полезенъ человѣчеству". А черезъ годъ тому же П. П. Косяровскому сообщаетъ: „Весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху ни духу нѣсколько лѣтъ". Данилевскій, близкій товарищъ Гоголя, вспоминаетъ, что тотъ одно время собирался въ Америку. Однако, во второмъ письмѣ къ дядѣ о юстиціи уже не упоминается. Гоголь ѣдетъ въ Петербургъ, совершенно не представляя себѣ, чѣмъ онъ будетъ зарабатывать себѣ на жизнь. Онъ увѣренъ, что „хлѣбъ у него будетъ всегда", и не можетъ не похвастаться передъ дядей: „Вы еще не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ. Я знаю кое-какіе ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфрескою живописью, работаю на кухнѣ, и много кой-чего уже разумѣю изъ повареннаго искусства". Гоголь въ лицеѣ немного рисовалъ, но, конечно, ни поваромъ, ни портнымъ никогда не былъ. Здѣсь мы сталкиваемся съ очень важной особенностью гоголевской психики: отсутствіемъ чувства реальности, неспособностью отличать правду отъ вымысла и наклонностью къ преувеличенію. Строй души его — напряженный, патетическій; съ раннихъ лѣтъ уже наблюдается та двусмысленность чувствъ, та недостовѣрность и темная сложность душевныхъ движеній, которыя создадутъ впослѣдствіи загадочный обликъ автора „Мертвыхъ Душъ".

Гоголь важно объявляетъ дядѣ: „Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ; теперь занимаюсь отечественными". А въ дѣйствительности въ лицеѣ читался элементарный курсъ законовѣдѣнія, которымъ Гоголь не интересовался.

Но какъ ни осторожно должны мы относиться къ утвержденіямъ Гоголя, его исконная, несокрушимая

вѣра въ свое призваніе несомнѣнна. До отъѣзда въ Петербургъ она еще безпредметна, слѣпа, ирраціональна. Поприще будущаго служенія простирается отъ кабинета министра юстиціи до кухни повара. Но Гоголь вѣритъ въ себя; эта вѣра больше, чѣмъ романтическое честолюбіе и мечтательный идеализмъ юности; она по природѣ своей мистична. Стоя на порогѣ новой жизни, представляя себѣ „веселую комнатку, окнами на Неву“, нѣжинскій лицеистъ пишетъ матери слова, звучащія громче и торжественнѣе всего имъ доселѣ писаннаго. „Испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни себѣ подобныхъ и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія... Черезъ годъ вступлю я въ службу государственную“.

---

4. Петербургъ (1829—36 г.).

Въ 1829 году двадцатилѣтній Гоголь попадаетъ въ Петербургъ. Столица встрѣчаетъ его непривѣтливо. Онъ поселяется на четвертомъ этажѣ большого мрачнаго дома. Петербургъ „показался ему вовсе не такимъ, какъ онъ думалъ“. Дороговизна жизни приводитъ его въ уныніе; онъ живетъ „какъ въ пустынѣ“. По пріѣздѣ не сразу пишетъ матери и объясняетъ свое молчаніе тѣмъ, что „на него напала хандра или другое подобное“ и что онъ „уже около недѣли сидитъ поджавши руки и ничего не дѣлая“, Неудачи съ поисками службы заставляютъ Гоголя вспомнить о поэмѣ „Ганцъ Кюхельгартенъ“, написанной еще въ 1827 году въ Нѣжинѣ. Онъ издаетъ ее на послѣднія деньги подъ псевдонимомъ Алова. Послѣ жестокой расправы „Московскаго Телеграфа“ и „Сѣверной Пчелы“. Гоголь „бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ экземпляры, нанялъ нумеръ въ гостиницѣ и сжегъ всѣ до единаго“. (Н. Кулишъ. Записки о жизни Н. В. Гоголя СПБ. 1856 г.)

И тутъ первой мыслью оскорбленнаго автора было: бѣжать. Воспользовавшись деньгами, присланными матерью для уплаты процентовъ въ опекунскій совѣтъ, Гоголь садится на корабль и уѣзжаетъ въ Любекъ. Въ связи съ этой авантюрой мы располагаемъ двумя психологическими документами исключительнаго значенія: письмами Гоголя къ матери отъ 22 Мая и 24 Іюля 1829 года.

Ему нужно было получить согласіе матери на путешествіе и убѣдить ее въ разумности своего страннаго поступка.

Письмо отъ 22 Мая, писанное еще до катастрофы съ „Ганцомъ Кюхельгартеномъ", подготовляетъ почву. Гоголь говоритъ, что ему представляется случай поѣхать за границу. „Но вообразите мое несчастіе: нужно же этому случиться! Великодушный другъ мой, доставлявшій мнѣ все это, скоропостижно умеръ... Я имѣлъ одно существо, къ которому истинно привязался было навсегда, и Небу угодно было лишить меня его".

Біографамъ Гоголя не трудно было выяснить, что исторія съ „великодушнымъ другомъ" была выдумана. Черезъ два мѣсяца выдумка разростается: фабула о несчастной дружбѣ превращается въ повѣсть о несчастной любви.

„Я видѣлъ ее ... нѣтъ, не назову ее ... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня. Я бы назвалъ ее ангеломъ, но это выраженіе — не кстати для нее . . . Это божество, но облеченное слегка въ человѣческія страсти . . . Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ душѣ моей . . . Нѣтъ, это не любовь была . . . я, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ подобной любви . . . Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь".

Въ дѣйствительности никакой любви не было. Передъ нами — упражненіе въ романтическомъ лирическомъ стилѣ, напоминающее статью „Женщина", написанную Гоголемъ два года позднѣе.

Въ этихъ письмахъ къ матери слѣпая вѣра Гоголя въ себя впервые прозрѣваетъ: изъ смутнаго мистическаго ощущенія она становится осознаннымъ религіознымъ чувствомъ. Душевному движенію найдена мотивація: Гоголя ведетъ Божественный промыслъ; Богъ внушаетъ ему страсти, диктуетъ рѣшенія, наказываетъ

за непослушаніе. Въ письмахъ 1829 г. писатель говоритъ уже тѣмъ торжественнымъ и мистическимъ тономъ, который такъ поразилъ современниковъ въ 1847 году, когда вышли „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

„Богъ указалъ мнѣ путь въ землю чужую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности . . . и я осмѣлился откинуть Божественные промыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими“.

Здѣсь — возникновеніе вѣры Гоголя въ особое, преимущественное попеченіе о немъ Промысла Божія.

Но почему же все-таки ему нужно уѣхать въ чужіе края? Бѣдная Марья Ивановна читая, что Богъ наказываетъ ея сына за то, что онъ противъ своей воли и воли Провидѣнія отправился въ Петербургъ и рѣшился служить тамъ „въ угодность ей больше“, должна была прійти въ смятеніе; едва ли оно уменьшилось, когда она прочла, что цѣль заграничнаго путешествія ея сына: „воспитывать страсти въ тишинѣ“ и одновременно, „въ шумѣ вѣчнаго труда“. Чувствуется, что Гоголь писалъ это письмо въ нервической спѣшкѣ и въ увлеченіи страсти. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ всю эту сложную систему мотиваціи забываетъ, и въ „Авторской Исповѣди“ объясняетъ юношескую авантюру совершенно по другому:

„Не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проэктъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣе, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи и добуду любовь къ ней вдали отъ нея.“

Оглядываясь черезъ восемнадцать лѣтъ на свое прошлое, Гоголь допускаетъ анахронизмъ: онъ пред-

ставляетъ поѣздку въ Любекъ въ свѣтѣ своего міровоззрѣнія сороковыхъ годовъ. Мотивъ аскетическаго подвига (чтобы полюбить, родину, нужно покинуть ее) — происхожденія болѣе поздняго. Въ двадцатыхъ годахъ Гоголь мечталъ о культивированіи страстей, а не объ аскезѣ.

* * *

Пріѣхавъ въ Любекъ, онъ какъ будто отрезвляется: съ удивленіемъ видитъ себя въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей, языка которыхъ не понимаетъ. И впервые задумывается надъ самимъ собой, надъ загадкой собственной натуры.

„Часто я думаю о себѣ, пишетъ онъ матери изъ Любека, зачѣмъ Богъ, создавъ сердце можетъ единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?“

Послѣ запутанной и сбивчивой риторики, — вдругъ точная и ясная самохарактеристика.

Въ концѣ сентября бѣглецъ возвращается въ Петербургъ, поступаетъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ, знакомится съ литераторами и сотрудничаетъ въ журналахъ. Въ 1831 году выходятъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и приносятъ ему славу.

Въ концѣ 44 года въ письмѣ къ А. О. Смирновой Гоголь проситъ не выводить никакихъ заключеній о немъ самомъ на основаніи его юношескихъ сочиненій. Писанныя „во время глупой молодости“, они говорятъ о „писателѣ еще не утвердившемся ни въ чемъ твердомъ“. И дальше слѣдуетъ примѣчательная оговорка: „Въ нихъ, точно, есть кое-гдѣ *хвостики душевнаго состоянія* моего тогдашняго, но безъ моего

собственнаго признанія ихъ никто и не замѣтитъ и не увидитъ".

Этими словами опредѣляется наше отношеніе къ произведеніямъ Гоголя тридцатыхъ годовъ; мы попытаемся замѣтить эти „хвостики душевнаго состоянія".

* * *

Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" Гоголь слѣдуетъ двумъ разнороднымъ традиціямъ, стараясь связать ихъ единствомъ стиля. Первая традиція — нѣмецкая романтическая демонологія, вѣдьмы, черти, заклинанія, колдовство, съ которыми Гоголь былъ знакомъ по повѣстямъ Тика и Гофмана; вторая — украинская народная сказка, съ ея исконнымъ дуализмомъ, борьбой Бога и дьявола. Повѣсти можно расположить по степенямъ наростающей мрачности. Въ „Пропавшей грамотѣ" и „Заколдованномъ мѣстѣ" — чертовщина уморительная и „домашняя": обѣ повѣсти являются своего рода демонологическими анекдотами. Въ „Майской ночи" и „Ночи передъ Рождествомъ" — борьба добра со зломъ уже труднѣе: нужна святая панночка, чтобы побѣдить страшную вѣдьму, нуженъ благочестивый кузнецъ-иконописецъ, чтобы одолѣть чорта. И, наконецъ, въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала" и въ „Страшной мести" — смѣхъ совсѣмъ замолкаетъ. Забавное уступаетъ мѣсто ужасному. Независимо отъ народной традиціи авторъ создаетъ чудовищные и зловѣщіе образы Басаврюка и колдуна, отца Катерины.

Описаніе мертвецовъ, выходящихъ лунною ночью изъ могилъ на берегу Днѣпра, разсказъ о схваткѣ колдуна съ всадникомъ, сцена вызова души Катерины, — самыя сильныя страницы въ „Вечерахъ". Это первые звуки не заученной, а своей художественной рѣчи. Именно здѣсь, въ страшномъ и мрачномъ, слѣдуетъ искать „хвостики душевнаго состоянія" автора. Вспомнимъ его признаніе въ „Авторской Исповѣди": „На

меня находили припадки тоски мнѣ самому необъяснимой . . . Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать“. Но смѣшное постепенно переставало быть смѣшнымъ, а мрачность его „меланхолическаго отъ природы характера“ упивалась изображеніемъ зла и смерти.

Вас. Гиппіусъ (Гоголь. 1924 г.), анализируя композицію „Вечеровъ“, приходитъ къ заключенію, что шесть изъ нихъ варьируютъ одну тему. „Это, пишетъ онъ, вторженіе въ жизнь людей демоническаго начала и борьба съ нимъ“. На исходъ этой борьбы авторъ смотритъ съ безнадежностью: въ „Вечерѣ накануне Ивана Купала“ побѣждаетъ Басаврюкъ; въ „Страшной мести“ всѣ, прикоснувшіеся къ злой силѣ, осуждены на гибель (Данило, Катерина, ея маленькій сынъ). Единственное убѣжище — церковь и монастырь, но и они нерѣдко безсильны. Авторъ сознательно отступаетъ отъ народной сказки съ ея наивной вѣрой въ конечное торжество добра.

* * *

Читатели “Вечеровъ“, очарованные юморомъ и веселостью Рудаго Панька, не обратили вниманія на лежавшую въ основѣ повѣстей мрачную демонологію. „Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго .. этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой“, писалъ Пушкинъ. Всѣ смѣялись, начиная съ наборщиковъ, которые, завидя автора „Вечеровъ“, „давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ.“ (Письмо Гоголя къ Пушкину 31 года).

Гоголь единодушно былъ признанъ замѣчательнымъ юмористомъ. Ему дорого пришлось расплачиваться за эту быструю славу. Читатели любятъ простые и ясные ярлыки: званіе юмориста осталось приклееннымъ къ писателю на всю жизнь. И этимъ отчасти объясняется

провалъ его „Переписки съ друзьями“ и вообще неудача его „душевнаго дѣла“. Когда Гоголь пересталъ смѣшить и заговорилъ о Богѣ, никто не повѣрилъ, что комическій писатель можетъ быть учителемъ.

Успѣхъ окрыляетъ Гоголя; вѣра вь Промыселъ крѣпнетъ въ немъ; въ письмахъ слышатся нотки самоувѣренности и хвастливости, напоминающія манеру Ивана Александровича Хлестакова. Нѣсколько примѣровъ:

„Въ письмѣ вашемъ между прочимъ безпокоитесь, что квартира моя на пятомъ этажѣ. Это здѣсь не значитъ ничего и вѣрьте, во мнѣ не производитъ ни малѣйшей усталости. Самъ Государь занимаетъ комнаты не ниже моихъ . . .“ (Матери, 1830 г.).

. . . „Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства“. (Матери, 1831 г.).

. . . „Прошу васъ принять эту небольшую книжку („Вечера“). Она есть плодъ отдохновенія и досужихъ часовъ отъ трудовъ моихъ. Она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ государыни . . .“ (Матери, 1831 г.).

„Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ . . . Почти кажлый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я“.

* * *

Тридцать второй годъ — счастливый въ жизни Гоголя: онъ выпускаетъ вторую часть „Вечеровъ“, начинаетъ работать надъ комедіей „Владиміръ 3-ьей степени“; лѣтомъ, проѣздомъ въ Васильевку, останавливается въ Москвѣ и знакомится съ Погодинымъ, С. Т. Аксаковымъ и актеромъ Щепкинымъ.

Осенью, полный надеждъ и замысловъ, возвращается въ Петербургъ и хочетъ приняться за работу, но вдругъ на него находитъ странное бездѣйствіе, апатія, „растерянность мыслей“. Сначала онъ относится къ этому шутливо. „Я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности.

Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Однимъ словомъ, умственный запоръ". (Погодину, февраль 1833 г.), Въ письмѣ къ матери онъ объясняетъ свое состоянiе тѣмъ, что „изъ дому вывезъ съ собою лѣнь" (8 февраля 1833 г.); та-же мотивацiя повторяется въ письмѣ къ Данилевскому (8 февраля 1833 г.), но здѣсь въ его словахъ уже начинаетъ звучать тревога: „Я вывезъ изъ дому всю роскошь лѣни и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ странномъ бездѣйствiи: мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое".

Мѣсяцъ проходитъ за мѣсяцемъ, а душевное состояние Гоголя становится все мучительнѣе. Онъ переходитъ отъ одного проэкта къ другому, судорожно хватается за самыя разнообразныя начинанiя; задумываетъ многотомную всеобщую исторiю, грандiозную всеобщую географiю („Земля и Люди"), собирается писать полную исторiю Украины. Всѣ эти работы дальше плановъ не идутъ; не лучше обстоитъ дѣло и съ художественнымъ творчествомъ. Начатая повѣсть „Страшная рука" остается неоконченной. Работа надъ „Владимiромъ 3-ей степени" вскорѣ прерывается. Въ iюлѣ въ письмѣ къ Максимовичу Гоголь горестно признается: „Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки".

Н. Кулишъ въ своихъ „Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя" пишетъ: „Въ промежутокъ между iюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное". И дѣлаетъ догадки: можетъ быть, это были непрiятности по службѣ или „по предмету его литературныхъ занятiй", но вѣрнѣе всего то была „забота юности — любовь". Бiографъ основываетъ свое предположенiе на словахъ Гоголя въ его письмѣ къ Погодину (28 Сентября):

„Какой ужасный для меня этотъ 1833 г..! Боже,

сколько кризисовъ! Настанетъ ли для меня благодатная реставрація? Сколько я начиналъ, сколько пережегъ, сколько бросилъ! Понимаешь ли ты ужасное чувство быть недовольну самимъ собой? О, не знай его!.. Человѣкъ въ которомъ вселилось это адъ-чувство, весь превращается въ злость... Онъ ужасно издѣвается надъ собственнымъ безсиліемъ". Свидѣтельство совершенно ясное. Какъ изъ этихъ словъ Кулишъ могъ вычитать, что у Гоголя были непріятности по службѣ или несчастная любовь? Вѣдь онъ опредѣленно говоритъ, что переживалъ кризисъ творчества, что мучился неудовлетворенностью своими писаніями. Въ ноябрѣ того же года онъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ о „переворотахъ" Максимовичу: „Если бъ вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережегъ, сколько перестрадалъ". Какъ характерно это сопоставленіе: „пережегъ — перестрадалъ".

Наконецъ, еще одно свидѣтельство, устраняющее послѣднія сомнѣнія: 11 Марта 1833 г. Плетневъ писалъ Жуковскому: „У Пушкина ничего новаго нѣтъ, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ".

Сопоставимъ: у Гоголя — „человѣкъ... весь превращается въ злость", у Плетнева — „съ досады". Рѣчь идетъ о томъ-же душевномъ состояніи; только у Гоголя, какъ всегда, все передано въ преувеличенной, патетической формѣ: каждая фраза съ восклицательнымъ знакомъ. Этотъ гиперболизмъ ввелъ въ заблужденіе довѣрчиваго Кулиша, и онъ рѣшилъ, что съ Гоголемъ случилось „нѣчто необыкновенное".

А въ дѣйствительности, писатель переживалъ за-

тишье передъ новымъ, поразительнымъ расцвѣтомъ творчества 34—36 годовъ; кризисъ происходилъ не отъ скудости, а отъ изобилія; это было мгновеніе неподвижности, которое предшествуетъ прыжку. Замыслы Гоголя были столь разнообразны и грандіозны, что парализовали другъ друга. Онъ не могъ приступить къ работѣ надъ исторіей, такъ какъ планы его неудержимо росли: сначала предполагалось написать исторію Украины, потомъ — малороссійскую и всемірную, потомъ исторію среднихъ вѣковъ, томовъ изъ восьми-девяти. Одни наброски сжигались и лихорадочно составлялись другіе. Работа надъ комедіей была не менѣе мучительной, такъ какъ „перо толкалось о такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ“. И Гоголь заключаетъ: „Итакъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена...“ (Погодину, 20 Февраля 1833 г.). Вотъ причина „адъ-чувства“, злости, недовольства собой и видимаго безплодія. Кризисъ 33 года былъ кризисомъ стремительнаго роста писателя, необъятнаго расширенія его задачъ, возмужанія его таланта.

* * *

Періодъ „неподвижности“ приходитъ къ концу и Гоголь пророчески чуетъ начало новой жизни; въ торжественно-лирическихъ словахъ привѣтствуетъ онъ возвращеніе своего Генія.

„Таинственный, неизъяснимый 1834! Гдѣ означу я тебя великими трудами?.. Я не знаю, какъ назвать тебя, мой Геній!.. О, не разлучайся со мной! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны... Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество! Я совершу!.. О, поцѣлуй и благослови меня“.

Ночь наканунѣ новаго 1834 года, когда была написана эта патетическая молитва, — зенитъ гоголевскаго

творчества. Все въ немъ достигло полноты и напряженія. За слѣдующіе два года (1834—35) писатель создаетъ или задумываетъ все, что ему дано было создать; впослѣдствіи онъ только осуществляетъ болѣе ранніе замыслы, передѣлываетъ и обрабатываетъ прежде написанныя произведенія. Въ 1834 году сочинены „Миргородъ“ и Арабески“; въ 1835 — „Женихи“ и „Носъ“, начаты „Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“.

Гоголь полонъ надеждъ; вдохновеніе не изсякаетъ. „Я восхищаюсь заранѣе, пишетъ онъ Пушкину (1833 г.), когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ!“

„Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! Да какихъ крупныхъ! полныхъ, свѣжихъ!“, сообщаетъ онъ Погодину (1834).

Какъ плодотворно было вдохновеніе Гоголя въ этотъ періодъ выясняется изъ сопоставленія двухъ датъ: 7 Октября Гоголь проситъ Пушкина дать ему сюжетъ для комедіи, а 6 Декабря онъ сообщаетъ Погодину, что комедія уже готова; „Ревизоръ“ былъ написанъ меньше чѣмъ въ два мѣсяца!

Въ концѣ 35 года Гоголь освобождается отъ занятій исторіей, которыя становились для него все болѣе тягостными. Послѣ неудачнаго опыта преподаванія исторіи въ Петербургскомъ Университетѣ, онъ выходитъ въ отставку и съ этихъ поръ безраздѣльно посвящаетъ себя литературѣ.

* * *

Обратимся къ произведеніямъ 34—35 годовъ. Какое свидѣтельство дадутъ они объ авторѣ? Объединено ли чѣмъ-нибудь ихъ пестрое разнообразіе? Разбирая „Вечера на хуторѣ“, мы указывали, что главной темой ихъ было вторженіе демоническихъ силъ въ жизнь человѣка. Въ основѣ повѣстей, помѣщенныхъ въ „Миргородѣ“ и „Арабескахъ“, ощущеніе безнадежности и обреченности расширяется и

углубляется. Гоголь по прежнему видитъ міръ во власти темныхъ силъ и съ безпощадной наблюдательностью слѣдитъ за борьбой человѣка съ дьяволомъ. За исключеніемъ „Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ всѣ повѣсти кончаются гибелью героевъ: умираютъ Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“, гибнетъ Тарасъ съ двумя своими сыновьями въ „Тарасѣ Бульбѣ“, сходитъ съ ума и умираетъ художникъ Чертковъ въ „Портретѣ“, сходитъ съ ума и перерѣзываетъ себѣ горло художникъ Пискаревъ въ „Невскомъ Проспектѣ“, сходитъ съ ума чиновникъ Поприщинъ въ „Запискахъ сумасшедшаго“.

Изъ страшнаго міра, въ которомъ властвуетъ зло и царитъ смерть — уйти некуда. Даже если удалиться отъ суеты жизни и тревоги страстей и похоронить себя заживо въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу, въ полной тишинѣ и уединеніи, и тутъ „злой духъ“ настигнетъ и однимъ своимъ дыханіемъ разрушитъ хрупкій игрушечный рай. Въ началѣ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, изображая „сферу этой необыкновенно уединенной жизни“, Гоголь пишетъ: „Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія з л о г о д у х а, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи“.

Но какъ непрочны частоколы и плетни, ограждающіе идиллическій, любовный мірокъ старичковъ! Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна живутъ въ невинности и блаженствѣ. И вотъ, „злой духъ“ проникаетъ въ ихъ рай подъ видомъ тощей, одичавшей кошки; входитъ смерть и страданіе. Для изображенія темныхъ силъ, Гоголь не нуждается больше въ маскахъ украинскаго вертепа; но куда страшнѣе мяуканье

сѣренькой кошечки, предвѣщающей смерть, чѣмъ приплясыванье чорта, у котораго „мордочка оканчивалась, такъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ". („Ночь передъ Рождествомъ"). Даже нагроможденіе страховъ и ужасовъ „Страшной Мести" не такъ потрясаетъ воображеніе, какъ таинственный зовъ среди яснаго и солнечнаго дня, отъ котораго умираетъ Афанасій Ивановичъ.

Въ четырехъ повѣстяхъ: „Вій", „Тарасъ Бульба", „Невскій Проспектъ" и „Записки Сумасшедшаго, Гоголь съ различныхъ сторонъ подходитъ къ проблемѣ зла въ любви и въ красотѣ. Онъ остро ощущаетъ трагизмъ любви и двусмысленность красоты въ нашемъ мірѣ и задолго до Достоевскаго знаетъ о существованіи двухъ идеаловъ — идеала Мадонны и идеала Содомскаго. Какимъ путемъ пришелъ Гоголь къ этому сжигающему душу прозрѣнію? Намъ извѣстно только, что это событіе случилось между 31 и 34 годомъ. Что-то произошло съ душой Гоголя; во всякомъ случаѣ пережитый имъ страшный опытъ мало имѣлъ общаго съ той „заботой юности — любовью", которую придумалъ Кулишъ.

Въ 31 году Гоголь еще по сю сторону роковой черты; онъ — романтикъ-идеалистъ, воспѣвающій божественную основу любви и облагораживающее вліяніе красоты.

Въ статьѣ „Женщина" онъ пишетъ: „Мы зрѣемъ и совершенствуемся: но когда? когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину?" и дальше: „Что такое любовь? — Отчизна души... Когда душа потонетъ въ эфирномъ лонѣ души женщины, когда отыщетъ въ ней своего отца — вѣчнаго Бога... тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь".

Такъ восторженно и добросовѣстно пересказываетъ Гоголь романтическую философію любви.

А черезъ годъ въ письмѣ къ Данилевскому Гоголь дѣлаетъ важное признаніе: до сихъ поръ любви онъ не зналъ; два раза онъ былъ готовъ полюбить, но оба раза удержалъ себя силой воли. Почему? Вотъ его слова: „Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей (Данилевскій писалъ ему о своей влюбленности), хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе“.

До самой смерти Гоголь не зналъ любви, этого, по его словамъ, „перваго блага въ свѣтѣ“. Это — фактъ громадной важности, объясняющій многія особенности характера и творчества писателя. Но безвкусны и произвольны домыслы нѣкоторыхъ изслѣдователей о сексуальной жизни Гоголя. Догадываться о томъ, какимъ порокомъ страдалъ писатель, примѣнять къ нему методъ Фрейда — занятіе безполезное. Достаточно показать, что мысли Гоголя о демонической природѣ красоты и гибельности любви основаны на его личномъ психологическомъ опытѣ: онъ испытывалъ ужасъ передъ любовью, предчувствуя ея страшную разрушительную силу надъ своей душой; натура его была такъ чувственна, что „это пламя превратило бы его въ прахъ въ одно мгновеніе“.

Въ этомъ пунктѣ мы можемъ прослѣдить самый механизмъ превращенія личнаго и очень интимнаго переживанія въ художественные образы: Гоголь только боялся сгорѣть въ пламени страстей, а псарь Микита въ „Віѣ“ сгораетъ дѣйствительно. Влюбившись въ вѣдьму-панночку, онъ позволяетъ ей положить на него свою ножку. „Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, ду-

рень, нагнулъ спину и, схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю". И кончилось это такъ: „Когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою".

Едва-ли въ письмѣ къ Данилевскому Гоголь понималъ свои слова буквально; „превратиться въ прахъ" — было для него метафорой гибели; въ повѣсти — метафора обрастаетъ плотью и дѣлается реальнымъ пожаромъ: „сгорѣлъ самъ собою".

Эпизодъ съ псаремъ Микитой — параллеленъ главному разсказу о философѣ Хомѣ Брутѣ. На немъ тоже ѣздитъ верхомъ панночка п это тоже влечетъ за собой его гибель. Чувственныя ощущенія Хомы несомнѣнно отражаютъ въ какой-то степени любовное „пламя" автора. „Вій" — самое эротическое изъ всѣхъ произведеній Гоголя. И псарь Микита, и Хома околдованы „чарой", они горятъ темнымъ, гибельнымъ огнемъ сладострастія. То, что они испытываютъ, не любовь, а дьявольское навожденіе похоти. Хома не только не любитъ панночки — онъ ненавидитъ и боится ее. Чувства, описанныя въ этой повѣсти, роковыя, безчеловѣчныя, стихійныя. Они слѣпы, какъ самъ „Вій"; у нихъ, какъ и у него, лица желѣзныя. Понятенъ ужасъ Гоголя передъ этимъ адскимъ пламенемъ, оправданъ его аскетизмъ.

Хома Брутъ скачетъ съ панночкой на спинѣ. „Онъ чувствовалъ какое-то томительное, непріятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу". „Но тамъ что? вѣтеръ или музыка? звенитъ, звенитъ и вьется, и подступаетъ и вонзается въ душу какой-то нестерпимой трелію... Онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе".

Такими магическими словами описана дьявольская подмѣна любви-вожделѣніемъ. Не менѣе замѣчательно описаніе „страшной“ красоты:

„Передъ нимъ лежала красавица, какая когда-либо бывала на землѣ. Казалось никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ . . . Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную“. (Первая ночь въ церкви).

„Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкая красота усопшей казалась страшной. Можетъ быть, даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго; оно было живо...“ (Вторая ночь въ церкви.).

Въ этихъ словахъ загадка красоты показана съ такой остротой, что и Достоевскій не сможетъ ничего къ ней прибавить. Красота страшна, потому что жива, потому что дана въ своемъ предѣльномъ совершенствѣ.

Въ „Віѣ“ Гоголь только ставитъ вопросы, но не пытается на нихъ отвѣтить; въ планѣ романтическаго „страшнаго романа“, въ какомъ эта повѣсть написана, настоящаго отвѣта и быть не можетъ; а формальный отвѣтъ: красота панночки страшна, потому что покойница-вѣдьма, конечно, ничего не объясняетъ.

Слѣдующій шагъ — окончательный разрывъ съ народной фантастикой и перенесеніе проблемы въ плоскость современной, вполнѣ реальной дѣйствительности. Демоническія силы развоплощаются; рога, копыта и мордочки съ пятачкомъ исчезаютъ. Мы въ мірѣ взрослыхъ и образованныхъ людей, которые въ черта не вѣрятъ. Отнынѣ Гоголь будетъ изображать не веселую сума-

тоху, поднимаемую „бѣсовскимъ племенемъ“, а невидимыя глазомъ „порожденія злого духа, возмущающія міръ“. Въ „Віѣ“ Хома Брутъ гибнетъ не столько отъ чаръ красоты, сколько отъ мести вѣдьмы, въ „Невскомъ Проспектѣ въ жизнь художника Пискарева злые духи не вмѣшиваются непосредственно: онъ гибнетъ отъ силы женской красоты, отъ естественно присущаго ей демонизма.

Художникъ Пискаревъ, романтикъ-идеалистъ и дѣвственный мечтатель, принимаетъ женщину съ Невскаго Проспекта за „святыню“ и „божество“. Для его эстетическаго сознанія, красота есть высшая цѣнность, абсолютъ; она — откровеніе Бога на землѣ; поклоненіе красотѣ, любовь къ прекрасной женщинѣ равно религіозному служенію. И вотъ Пискареву раскрывается иная правда: въ этомъ мірѣ „божественныя черты“ могутъ принадлежать развратницѣ, ведущей „низкую и презрѣнную жизнь“.

„Красавица, такъ околдовавшая бѣднаго Пискарева, была дѣйствительно чудесное, необыкновенное явленіе . . . Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга . . . Она бы составила божество въ многолюдномъ залѣ . . . Но увы! она была какою-то ужасной волею адскаго духа, жаждущаго разрушить гармонію жизни, брошена съ хохотомъ въ эту страшную пучину“.

Въ нашей „ужасной жизни“ сама красота, эта небесная гостья, находится во власти злыхъ силъ; обреченная на гибель, она губитъ всѣхъ, кто къ ней приближается; на такую дѣйствительность Пискаревъ не согласился: сначала онъ пытался уйти отъ нея въ сны, потомъ въ видѣнія, порожденныя опіумомъ; но бѣгство не спасло его. „Пріемы опіума еще болѣе раскалили его мысли и если былъ когда-нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный

былъ онъ". Кончилось тѣмъ, что Пискаревъ былъ однажды найденъ съ перерѣзаннымъ горломъ.

Въ чемъ тайна красоты? спрашивалъ Гоголь въ „Віѣ". И въ „Невскомъ Проспектѣ" онъ отвѣчаетъ: красота — божественнаго происхожденія; но въ нашей „ужасной жизни" она извращена „адскомъ духомъ". Принять такую жизнь нельзя. Если нужно выбирать между „мечтою" и „существенностью", то художникъ выберетъ мечту. И Гоголь приходитъ къ полному эстетическому идеализму: „Лучше бы ты (красавица) вовсе не существовала! не жила въ мірѣ, а была созданіе вдохновеннаго художника". Злая красота нашего міра губитъ, возбуждая въ сердцахъ людей „ужасную, разрушительную" силу — любовь.

Варіаціи этой темы даны въ „Тарасѣ Бульбѣ" и въ „Запискахъ Сумасшедшаго". Для Андрія зовъ красоты сильнѣе чести, вѣры, родины. Отъ одного ея дыханія рушатся всѣ нравственные устои; красота по самой своей природѣ аморальна. Для бѣднаго Поприщина любовь къ директорской дочкѣ — причина сумасшествія. „Женщина влюблена въ чорта. И она выйдетъ за него, выйдетъ", мелькаетъ въ его потухающемъ сознаніи. Наконецъ, въ „Портретѣ" (редакціи 35 года) Гоголь подводитъ итоги творчеству перваго періода: впервые, онъ старается осознать и мотивировать свою мистическую интуицію. До сихъ поръ онъ только мучительно „чувствовалъ" зло; теперь онъ пытается построить религіозное міровоззрѣніе. Оно — эсхатологично. Міръ во злѣ, потому что наступаютъ послѣднія времена, срокъ рожденія антихриста; вѣрные Христу потерпятъ великія муки. Антихристъ и теперь уже рождается частично: онъ воплощается въ людяхъ, овладѣвая ихъ душами. Психика человѣка — единственный путь проникновенія въ міръ злого начала. Художникъ, ставшій орудіемъ антихриста и замолившій свой грѣхъ въ суровомъ монашескомъ подвигѣ, говоритъ

сыну: „Дивись, сынъ мой, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа, живущаго невидимо, безъ образа на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помышленій".

Въ этихъ словахъ поставлена проблема искусства. Если такъ могущественно зло и если въ мірѣ оно проникаетъ въ святыя помышленія и даже въ вдохновеніе, то какъ тяжка и страшна отвѣтственность художника, геній котораго можетъ, незамѣтно для него самого, стать орудіемъ антихриста! И кто опредѣлитъ грань между добромъ и зломъ въ искусствѣ? По какимъ достовѣрнымъ признакамъ художникъ можетъ заключить, что его вдохновеніе чисто и что онъ не впалъ въ прелесть?

Страшныя сомнѣнія, предвѣщающія трагическую судьбу самого Гоголя... Наступитъ день, когда и авторъ „Мертвыхъ Душъ" повѣритъ въ свою одержимость и „въ строгомъ постѣ и молитвѣ, съ высокимъ религіознымъ смиреніемъ" будетъ замаливать свои грѣхи.

Но въ 35 году Гоголь еще далекъ отъ этого сознанія. Загадка искусства рѣшается имъ въ томъ же планѣ эстетическаго идеализма, въ какомъ онъ рѣшалъ въ „Невскомъ Проспектѣ" загадку красоты. Міровоззрѣніе его рѣзко дуалистично; существуютъ двѣ дѣйствительности: одна — дѣйствительность искусства, мечты, идеала, воображенія; другая — „ужасная дѣйствительность" („Портретъ") или „ужасная жизнь" („Невскій Проспектъ"), царство Князя міра сего. Искусство должно изображать только первую дѣйствительность (вымышленную), и не заглядывать въ другую (настоящую). Приведемъ полностью это замѣчательно мѣсто: „Или для человѣка есть такая черта,

до которой доводитъ высшее познаніе искусства и черезъ которую шагнувъ онъ уже похищаетъ не создаваемое трудомъ человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ? Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность, — та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, — ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка".

Гоголь-человѣкъ аскетически отвергаетъ злой міръ, ужасается и содрогается передъ „отвратительнымъ человѣкомъ"; Гоголь-писатель — отрицаетъ всякій реализмъ въ искусствѣ и совѣтуетъ художнику подъ страхомъ гибели своей души, не покидать заоблачныхъ пространствъ поэтическаго вымысла. И это говоритъ авторъ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ" и „Шпоньки", основатель натуральной школы въ нашей литературѣ! Въ сознаніи писателя уже начался разладъ мечты и дѣйствительности. Но Гоголь еще не догадывается, что именно ему суждено изображать „отвратительнаго человѣка".

* * *

Тридцать шестой годъ Гоголь называетъ: „великимъ переломомъ, великой эпохой моей жизни". Возстановить картину этого перелома — задача нелегкая, такъ сложенъ и запутанъ этотъ періодъ жизни писателя. О „переломѣ" есть у насъ два свидѣтельства 47-го года: „Авторская Исповѣдь" и письмо къ Жуковскому.

Выяснимъ прежде всего степень ихъ достовѣрности.

Въ „Авторской Исповѣди“ Гоголь схематически дѣлитъ свою жизнь на двѣ половины: первая — веселая молодость, когда „умному человѣку приходятъ въ голову глупости“; въ эти годы онъ „сочинялъ, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза“; вторая половина — зрѣлость: въ нее Гоголь вступилъ съ помощью Пушкина. „Можетъ быть, продолжаетъ авторъ, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя, веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно“. Онъ похвалилъ способность Гоголя „угадывать человѣка“ и посовѣтовалъ ему „приняться за большое сочиненіе“. При этомъ онъ далъ ему сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ и мысль „Ревизора“. Гоголь „задумался серьезно“ и рѣшилъ, что нужно смѣяться не даромъ, а надъ тѣмъ, что „дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго“. Въ „Ревизорѣ“ онъ придумалъ „собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое тогда зналъ,.. и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ“. Такъ описывается переломъ въ „Авторской Исповѣди“. То же событіе въ письмѣ Жуковскому (Декабрь 1847 г.) излагается иначе. Переломъ наступилъ тогда, когда Гоголь съ изумленіемъ замѣтилъ, что на него „обижаются и даже сердятся цѣликомъ сословія и классы общества“. Онъ задумался. „Если сила смѣха такъ велика, что ея боятся, стало быть, ее не слѣдуетъ тратить по-пустому.“ „Я рѣшился, продолжаетъ онъ, собрать все дурное, какое только зналъ, и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться — вотъ происхожденіе „Ревизора“! Это было первое мое произведеніе, замышленное съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество“... Итакъ: въ „Авторской Исповѣди“ Гоголь утверждаетъ, что онъ обязанъ Пушкину 1) сюжетами двухъ главныхъ своихъ произведеній „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, 2) измѣненіемъ направленія всего

своего творчества (изъ празднаго зубоскальства оно становится служеніемъ человѣчеству) и 3) самымъ фактомъ своего писательства (безъ Пушкина „оно можетъ быть исчезнуло бы“).

А въ письмѣ къ Жуковскому, изображая тотъ же переломъ и переписывая дословно цѣлыя фразы изъ „Исповѣди“, Гоголь о Пушкинѣ не упоминаетъ вовсе. Тамъ онъ, казалось, былъ обязанъ ему всѣмъ, здѣсь — ничѣмъ.

Какъ объяснить это сознательное и намѣренное умолчаніе? Вотъ, что мы читаемъ въ примѣчаніи къ „Авторской Исповѣди“ редактора сочиненій Гоголя В. В. Каллаша: „Вызвана неудачей „Выбранныхъ мѣстъ“. Начата въ маѣ 1847 г. Должна была войти во второе изданіе „Выбранныхъ мѣстъ“ вмѣсто „Завѣщанія“, вмѣстѣ съ письмомъ В. А. Жуковскому: „Искусство есть примиренье съ жизнью.“

Исправимъ ошибку В. В. Каллаша. „Исповѣдь“ и письмо не могли войти во второе изданіе „Выбранныхъ мѣстъ“ вмѣстѣ, такъ какъ они другъ друга исключаютъ. Впрочемъ, въ припискѣ къ письму къ Жуковскому Гоголь говоритъ ясно: „Если письмо это найдешь не безъ достоинствъ, то прибереги его. Его можно будетъ при второмъ изданіи „Переписки“ поставить впереди книги на мѣсто „Завѣщанія“. Объ „Исповѣди“ здѣсь не упоминается.

Мы полагаемъ, что „Авторская исповѣдь“ и письмо суть два варіанта апологіи писателя. Потрясенный враждебнымъ пріемомъ, встрѣченнымъ „Перепиской“, Гоголь наспѣхъ пишетъ самооправданіе и тутъ же придумываетъ довольно неточную и произвольную схему своего писательскаго пути (Въ маѣ 1847 года). 29 декабря того-же года, передъ самымъ отъѣздомъ въ Святую Землю онъ набрасываетъ другой варіантъ въ письмѣ къ Жуковскому. Почему ему показалось необходи-

мымъ умолчать о роли Пушкина въ исторіи своего творчества? Поразмысливъ на досугѣ надъ „Авторской исповѣдью“, Гоголь остался ею неудовлетвореннымъ и рѣшилъ не печатать: онъ выставлялъ себя въ этомъ сочиненіи въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Выходило, что въ теченіи перваго періода своей литературной дѣятельности онъ былъ легкомысленнымъ балагуромъ, писавшимъ „глупости“; что не будь Пушкина, онъ бы такъ не догадался о своемъ великомъ призваніи, и даже пересталъ бы писать. А слѣдовательно — писательскій путь его не органиченъ, не начертанъ свыше, а вполнѣ случаенъ. Отправляясь ко гробу Господню просить благословенія на великій трудъ, возложенный на него Богомъ, Гоголь долженъ былъ пожертвовать своей зависимостью отъ Пушкина.

Такъ возникъ варіантъ письма къ Жуковскому; его недостовѣрность очевидна: до постановки „Ревизора“ даже подозрительный Гоголь не могъ предполагать, что на его сочиненія „сердятся цѣлые классы“.

Остается варіантъ „Исповѣди“; достовѣрность ея тоже очень относительна. Въ этомъ апологетическомъ произведеніи событія тридцатыхъ годовъ подогнаны — иногда насильственно — подъ идейную схему сороковыхъ годовъ.

Поэтому оставимъ „Исповѣдь“ и попытаемся возстановить исторію перелома 36-го года на основаніи источниковъ того-же времени. Въ теченіи 35 года Гоголь постепенно охладѣваетъ къ занятіямъ исторіей. Многотомныя историческія изслѣдованія не двигаются съ мѣста; въ Университетѣ онъ вяло дотягиваетъ свой курсъ передъ опустѣвшей аудиторіей. Въ концѣ года увольняется вь отставку и примиряется съ мыслью, что историческое поприще — не его призваніе.

„Я расплевался съ Университетомъ, пишетъ онъ Погодину въ декабрѣ 35 года, и черезъ мѣсяцъ опять

беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души".

Самолюбивому Гоголю трудно было сознаться въ „безславіи": съ лицейской скамьи онъ мечталъ о службѣ на благо родины и человѣчества, и университетская каѳедра представлялась ему именно такимъ мѣстомъ общественнаго служенія. И вотъ послѣ неуспѣха на научномъ и академическомъ поприщѣ онъ осознаетъ свою миссію комическаго писателя. Къ театру его влекло съ дѣтскихъ лѣтъ. По словамъ С. Т. Аксакова („Исторія моего знакомства съ Гоголемъ") уже въ 1832 году „русская комедія его сильно занимала". Въ критическій 1833 годъ Гоголь работалъ надъ комедіей „Владиміръ 3-ей степени". Ко времени ухода изъ Университета у него были уже готовы „Жеиитьба" и „Ревизоръ". Обѣ онѣ были написаны до перелома и задуманы, кахъ смѣшные фарсы. Прося у Пушкина сюжетъ для комедіи, Гоголь писалъ (7 октября 1835 г.): „Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ: духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ и, клянусь, — куда смѣшнѣе чорта". И вотъ, „безславно" сойдя съ университетской каѳедры, Гоголь рѣшаетъ ставить „Ревизора". Въ связи съ этой постановкой, онъ пишетъ въ 1836 году двѣ статьи „Петербургская сцена въ 1835/36 г." и „Петербургскія записки 1836 года", въ которыхъ доказывается, что театръ есть тоже каѳедра. „Театръ это такая каѳедра, читаемъ мы въ „Петербургскихъ Запискахъ", съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся порокъ . . ."

Такимъ образомъ, психологическая связь между кон-

цомъ профессорской дѣятельности Гоголя и началомъ театральной вполнѣ безспорна.

Наконецъ, разрѣшается и послѣднее сомнѣніе: Гоголь съ лицейской скамьи не представлялъ себѣ своего служенія человѣчеству иначе, какъ въ видѣ государственной службы. Должность адъюнкта отвѣчала этому требованію. А театръ? Можно ли дѣло комическаго писателя считать тоже государственной службой? Въ статьѣ „Петербургская сцена въ 1835/36 г.“ Гоголь отвѣчаетъ утвердительно:

„Благосклонно склонится око Монарха къ тому писателю, который, движимый чистымъ желаніемъ Добра, предпріиметъ уличить низкій порокъ . . . и этимъ подастъ помощь и крылья Его правдивому закону“. Итакъ, комическій писатель — сотрудникъ Государя.

Картина, возстановленная нами съ помощью матеріаловъ тридцатыхъ годовъ, очень отличается отъ версіи „Исповѣди“. Возникаетъ вопросъ: какую же роль игралъ Пушкинъ въ исторіи творчества Гоголя? Что онъ далъ ему сюжеты „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ -- подтверждается рядомъ свидѣтельствъ. Но мало правдоподобно, чтобы авторъ „Поэта и черни“ внушилъ Гоголю моральное направленіе творчества и совсѣмъ невѣроятно, что безъ вмѣшательства Пушкина Гоголь бросилъ бы писать. Къ самому факту близкой дружбы Гоголя съ Пушкинымъ, послѣдніе біографы его (В. Каллашъ, Б. Лукьяновскій, А. Долининъ и В. Гиппіусъ) относятся недовѣрчиво. Связь между двумя писателями, повидимому, была самая внѣшняя: за шесть лѣтъ знакомства Пушкинъ написалъ Гоголю три незначительныхъ записки; послѣ лѣта въ Царскомъ, когда, по словамъ Гоголя, онъ „почти каждый вечеръ“ проводилъ съ Пушкинымъ, Гоголь путаетъ имя жены поэта (въ письмѣ къ Пушкину онъ называетъ Наталью Николаевну Надеждой Николаевной); передъ отъѣздомъ Гоголя за границу у него, повидимому, вышла размолвка съ

Пушкинымъ и онъ уѣхалъ, даже не попрощавшись съ нимъ.*)

* * *

19 Апрѣля 1836 года „Ревизоръ“ былъ представленъ на петербургской сценѣ. Анненковъ въ „Воспоминаніяхъ“ разсказываетъ, что послѣ перваго акта было „недоумѣніе“, которое возрастало съ каждымъ актомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздавался общій смѣхъ; въ четвертомъ актѣ было „напряженное вниманіе“, въ пятомъ „всеобщее негодованіе“.

„По окончаніи спектакля, Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу въ раздраженномъ состояніи духа.

Хозяинъ вздумалъ поднесть ему экземпляръ „Ревизора“, только что вышедшій изъ печати, со словами: „полюбуйтесь на сынка“. Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво: „Господи Боже! Ну если бы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“.

Этотъ мотивъ: „всѣ, всѣ“ повторяется и въ перепискѣ Гоголя 36-го года.

„Всѣ противъ меня.., пишетъ онъ Щепкину. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а ц ѣ л ы я с о с л о в і я“.

„Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. (Письмо къ Погодину отъ 10 мая). Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь в с ѣ с о с л о в і я, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ“.

„Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ

---

*) Подтвержденіе этому мы находимъ у Нащокиa. (П. И. Бартеневъ. Разсказы о Пушкинѣ. М. 1925). „По словамъ Нащокина, Гоголь никогда не былъ близкимъ человѣкомъ къ Пушкину. Но Пушкинъ, радостно и привѣтливо встрѣчавшій всякое молодое дарованіе, принималъ къ себѣ Гоголя, оказывая ему покровительство . . .“

подрывомъ государственной машины. (Письмо къ Погодину отъ 15 мая). Сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту — значитъ, въ переводѣ опозорить всѣ сословія".

Гоголь переживаетъ пріемъ, оказанный его пьесѣ, какъ возстаніе противъ него всѣхъ сословій, какъ возмущеніе всей Россіи: для него постановка „Ревизора" — крушеніе всѣхъ надеждъ, почти личная катастрофа.

Что-же было въ дѣйствительности? На первомъ представленіи было и недоумѣніе, и даже негодованіе, но одновременно вызовы автора, „напряженное вниманіе", шумныя обсужденія.

„Пьеса имѣла успѣхъ колоссальный". (Панаевъ. Литературныя воспоминанія). „На сценѣ комедія имѣла огромный успѣхъ". (С. Т. Аксаковъ).

„Ревизоръ" имѣлъ полный успѣхъ на сценѣ: общее вниманіе зрителей, рукоплесканія, задушевный и единогласный хохотъ, вызовъ автора . . . ни въ чемъ не было недостатка". (Кн. П. А. Вяземскій).

Но Гоголь ничего не видитъ и не слышитъ: онъ потрясенъ „возстаніемъ противъ него Россіи" и спѣшитъ бѣжать за границу. Разбитый душой и тѣломъ, уѣзжаетъ въ чужіе края „разгулять свою тоску". Отношеніе автора къ бурѣ, поднятой „Ревизоромъ", можетъ показаться непонятнымъ. Чѣмъ вызвано его страшное душевное потрясеніе? Всѣ обычно приводимыя причины недостаточны; правда, Гоголь былъ мнителенъ и критику на „Ревизора" могъ воспринять, какъ бунтъ всѣхъ сословій; правда, онъ былъ оскорбленъ въ своей безкорыстной любви къ соотечественникамъ, на которую они отвѣтили такой неблагодарностью, и все-же „душевнаго потрясенія" этими причинами нельзя объяснить.

Но припомнимъ, что Гоголь былъ идеалистомъ, раздѣлявшимъ взгляды Шиллера на преображающую

міръ силу искусства. Подобно Новалису и Шлегелю онъ вѣрилъ въ то, что искусство можетъ творить чудеса (магическій идеализмъ).

Нельзя ли предположить, что Гоголь расчитывалъ, можетъ быть полусознательно, что „Ревизоръ“ произведетъ какое-то немедленное и рѣшительное дѣйствіе? Россія увидитъ въ зеркалѣ комедіи свои грѣхи и вся, какъ одинъ человѣкъ, рухнетъ на колѣни, зальется покаянными слезами и мгновенно переродится!

И вотъ, ничего подобнаго не произошло; было произведено „большое и шумное дѣйствіе“, были восторги и осужденія, были толки вкривь и вкось, и это все. Разочарованіе вызываетъ въ авторѣ душевный переломъ, совпадающій съ отъѣздомъ за границу и знаменующій новую эру въ его жизни.

---

5. За границей и въ Россiи (1836—1842 г.).

Гоголь покидалъ родину, чувствуя себя непризнаннымъ пророкомъ; въ немъ развивалась манія преслѣдованія; ему казалось, что враги хотятъ его погубить, ославивъ бунтовщикомъ, „подрывающимъ государственную машину“. Эта мысль особенно его возмущала, потому что на свою литературную работу онъ смотрѣлъ, какъ на государственную службу. Онъ хотѣлъ „подать помощь правдивому закону Монарха“, — и вдругъ его объявили крамольникомъ!

Но не успѣлъ Гоголь ступить на нѣмецкую землю, какъ душевное состояніе его рѣзко измѣнилось; все вдругъ стало ему понятно; въ самой глубинѣ мрака зажегся свѣтъ и душа наполнилась торжественной радостью. Недавняя немощь внезапно обратилась въ „львиную силу“ и въ свѣтѣ этого озаренія ему открылся „непостижимо-изумительный смыслъ“ всей его жизни. И Гоголь пишетъ друзьямъ, что онъ возблагодарилъ „Великій Промыслъ, ниспославшій все на его воспитаніе“. „Замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства... въ юношескій возрастъ... Это великій переломъ, великая эпоха моей жизни“. Все, доселѣ имъ написанное, кажется ему „давнею тетрадью ученика“ и онъ восклицаетъ:

„Пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ“. (Жуковскому, 28 іюня 1836 г.). Это дѣло — писаніе „Мерт-

выхъ душъ“, начатое въ Петербургѣ и прерванное на третьей главѣ. Но тогда онъ сочинялъ безъ плана, для забавы, а теперь: „Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ... Какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Вся Русь явится въ немъ!“ и страницей ниже: „Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его... Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ“. (Жуковскому, 12 ноября 1836 г.). Изъ этихъ словъ становится понятенъ характеръ „великаго перелома,“ происшедшаго въ Гоголѣ. Постановка „Ревизора“, воспринятая какъ пораженіе, заставила его переоцѣнить свое творчество. Передъ Гоголемъ всталъ вопросъ: почему его не поняли соотечественники? почему на него возстали „цѣлыя сословія“? И онъ на это отвѣтилъ: моя вина. Все что онъ доселѣ писалъ было ребячествомъ: онъ относился не серьезно къ своему писательскому призванію и неосторожно обращался со смѣхомъ. Поэтому и могло выйти, что его обвинили въ осмѣяніи Россіи, въ клеветѣ на родину. Вина его была, конечно, не въ сознательной хулѣ на Россію, а въ „нерадѣніи и лѣни“, въ легкомысленномъ отношеніи къ божію дару — таланту. За то Провидѣніе и послало ему „непріятности и огорченія“, чтобы воспитать его. Теперь онъ знаетъ, какъ опасна односторонность изображенія, и ставитъ себѣ цѣлью полноту. Вся Россія должна отразиться въ его поэмѣ: „Весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которыя находятся въ немъ, также преимущественно передъ всѣми другими народами“. Эти слова изъ „Авторской Исповѣди“ заслуживаютъ нашего довѣрія.

На первый взглядъ можетъ показаться, что Гоголь преувеличиваетъ, говоря о „великомъ переломѣ“ 36 года.

Но нѣтъ: переломъ былъ, дѣйствительно, великъ, ибо въ это время у Гоголя родилось сознаніе, что онъ національный русскій писатель.

* * *

Въ первый за-граничный періодъ жизни (1836—1839) Гоголь полонъ жизнерадостности и беззпечности: онъ путешествуетъ по Германіи и Швейцаріи (Юмористическое письмо къ М. П. Балабиной изъ Веве), нѣсколько мѣсяцевъ живетъ въ Парижѣ, гдѣ увлекается театромъ и, наконецъ, въ мартѣ 1837 года попадаетъ въ Римъ. Начинается „римская эпоха", исторія медленной влюбленности Гоголя въ Римъ и погруженія души въ чистый эстетизмъ. Онъ зоветъ въ Италію Жуковскаго поклониться красотѣ. „Здѣсь престолъ ея, продолжаетъ онъ. Въ другихъ мѣстахъ мелькнетъ одно только воскраіе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ прямо въ очи своими пронзительными очами. — Я веселъ. Душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой". (Жуковскому, 30 октября 1837 г.). Въ Римѣ Гоголь живетъ среди художниковъ, изучаетъ изящныя искусства, занимается „чтеніемъ Рима", учится живописи.

„Въ душѣ небо и рай ... никогда я не былъ такъ веселъ, такъ доволенъ жизнью." (Данилевскому, 2 февраля 1838 г.). Это не мѣшаетъ ему постоянно жаловаться на мучительныя болѣзни, припадки хандры, періоды мертвенности и унынія. Нѣтъ почти ни одного письма, даже самаго жизнерадостнаго, гдѣ бы не звучала жалоба на недуги. Въ 36 году въ Веве „докторъ отыскалъ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморроидъ". Въ 37 г.: „Я былъ очень боленъ, теперь начинаю немного оправляться". (Плетневу). Въ 38 г.: „Моя геморроидальная болѣзнь вся обратилась на желудокъ." (Погодину). „Въ брюхѣ, кажется, сидитъ какой-то дьяволъ, который рѣшительно мѣшаетъ всему."

(Данилевскому). Въ 39 г.: „Слышишь, видишь, какъ вызываетъ все на жизнь, на чудное наслажденіе, а между тѣмъ у тебя въ брюхѣ сидитъ дьяволъ.“ (Данилевскому).

Любопытно сравнить эти слова съ показаніемъ Анненкова, жившаго съ Гоголемъ въ Римѣ: „Онъ имѣлъ даже особенный взглядъ на свой организмъ и весьма серьезно говорилъ, что устроенъ совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе люди, и, если не обманываетъ меня память, съ какимъ-то извращеннымъ желудкомъ“.

Самой серьезной изъ болѣзней Гоголя въ этотъ періодъ была мнительность.

* *
*

Съ пребываніемъ Гоголя въ Римѣ связанъ вопросъ о его увлеченіи католицизмомъ. Вотъ данные, которыми мы располагаемъ: 1) Въ Римѣ Гоголь бывалъ у кн. Зинаиды Волконской, вновь обращенной въ католичество и дружилъ съ М. П. Балабиной, которая тоже склонялась къ этой религіи; 2) черезъ Волконскую и Балабину онъ познакомился съ кардиналомъ Меццофанти, съ аббатомъ Ланчи и нѣсколькими другими священниками; въ письмѣ къ Балабиной (1838 г.) онъ называетъ кардинала „нашъ пріятель“ и разсказываетъ объ аббатахъ „вашихъ друзьяхъ“; 3) усердно посѣщалъ католическіе храмы, 4) и долженъ былъ успокаивать мать, встревоженную слухами о его переходѣ въ католичество. Вотъ что было въ дѣйствительности: Гоголь нѣкоторое время встрѣчался съ Петромъ Семененко и Іеронимомъ Кайсевичемъ, католическими ксендзами, участниками польскаго возстанія 1830—31 года. Они жили въ Римѣ, вербуя приверженцевъ своему учителю Богдану Яньскому, другу Мицкевича и основателю въ Парижѣ новаго католическаго монашескаго ордена „Воскресенія Господни“ (X. Pavel Smolikowski. Historia zgromadzenia zmartwychwstania panskiego, Krakow 1893).

Въ письмахъ Семененко и Кайсевича выражается надежда на обращеніе Гоголя въ католичество.

„Если современемъ глубже на него повліять, то можетъ быть онъ не окажется глухъ къ истинѣ и всею душею обратится къ ней. Княгиня (З. А. Волконская) питаетъ эту надежду"... (Петръ Семененко-Богдану Яньскому, 17 марта 1838 года изъ Рима).

„Познакомились съ Гоголемъ, малороссомъ, даровитымъ великорусскимъ писателемъ, который сразу высказалъ большую склонность къ католицизму и къ Польшѣ." (Іеронимъ Кайсевичъ. Дневникъ).

Но надежды польскихъ монаховъ не оправдались: какъ только княгиня Волконская уѣхала изъ Рима, Гоголь немедленно прекратилъ всякія сношенія съ учениками Яньского. Вполнѣ правдоподобно предположеніе В. Вересаева (Гоголь въ жизни. Academia 1933) что „скрытный и очень практичный въ житейскихъ дѣлахъ, Гоголь просто водилъ за носъ, охотившихся за нимъ польскихъ монаховъ. Единственная его цѣль была угодить богатой и знатной княгинѣ Волконской, фанатической католичкѣ." Гоголь и не думалъ никогда о перемѣнѣ вѣры: католическія церкви и богослуженіе плѣняли его прежде всего эстетически. Онъ изучаетъ художественные памятники Рима. „Если случится, что нѣтъ солнца, пишетъ онъ Плетневу (1837 г.), то идите по церквамъ. На каждомъ шагу и въ каждой церкви чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія". Гоголь не только любуется церквами, но и молится въ нихъ: отъ любованія легко переходитъ къ умиленію. Молится, растроганный красотой. „Отправлюсь помолиться за тебя въ одну изъ этихъ темныхъ, дышащихъ свѣжестью и молитвою церквей", пишетъ онъ Данилевскому (1838 г.). Для художника Гоголя поклоненіе красотѣ естественно переходило въ религіозное настроеніе. „Я рѣшился итти сегодня

же въ одну изъ церквей римскихъ (ибо въ одномъ только Римѣ молятся; въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся)“.

Слова въ скобкахъ могутъ вызвать недоразумѣніе; между тѣмъ Гоголь вовсе не хочетъ сказать, что только въ Римѣ — истинная религія; онъ просто отмѣчаетъ благочестивость римскаго населенія; онъ влюбленъ въ свой Римъ; все въ немъ, начиная природой и кончая молитвой вѣрующихъ — лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Онъ молится въ католическихъ церквахъ, потому что онѣ прекрасны, потому что въ нихъ царитъ прохладный полумракъ и, наконецъ, потому что онъ почти не различаетъ католичества отъ православія. На опасенія матери онъ отвѣчаетъ, что вѣры своей не перемѣнитъ, ибо „какъ религія наша, такъ и католическая, совершенно одно и то же и потому совершенно нѣтъ надобности перемѣнить одну на другую... Итакъ, насчетъ моихъ религіозныхъ чувствъ вы никогда не должны сомнѣваться.“ Это письмо достаточно убѣдительно. Когда представители польской секты „змартвыхвстанцевъ“ пытались обратить Гоголя, тотъ просто не понималъ, чего они отъ него хотятъ. Римъ способствовалъ усиленію въ немъ религіозности, но она носила эстетически-мистическій характеръ и была чужда всякой догматики.

* * *

Къ первому заграничному трехлѣтію относится расцвѣтъ дружбы Гоголя съ Данилевскимъ и съ Іосифомъ Вьельгорскимъ. Гоголь былъ способенъ на самоотверженную и пламенную дружбу: такова была его юношеская привязанность къ лицейскому товарищу Г. Высоцкому, тридцатилѣтняя дружба съ А. Данилевскимъ, возвышенное, полное нѣжной жалости чувство къ чахоточному Іосифу Вьельгорскому; таковы его отношенія съ А. О. Смирновой, А. М. Вьельгорской и М. П. Балабиной.

Быть можетъ, чувство дружбы было единственной доступной Гоголю формой любви; вѣдь нельзя назвать любовью то стыдное и страшное вожделѣніе, которое грозило „обратить его въ прахъ“ и которое онъ подавлялъ въ себѣ силой воли.

Дружба Гоголя съ Высоцкимъ была кратковременна: она не пережила лицейскихъ годовъ. Дружба съ А. С. Данилевскимъ прошла черезъ всю жизнь писателя. Данилевскій былъ родственникъ и сосѣдъ его по имѣнію; вмѣстѣ учились они въ нѣжинскомъ лицеѣ; въ школьныхъ любительскихъ спектакляхъ пріятель Гоголя исполнялъ женскія роли — такъ онъ былъ миловиденъ. Сестра Гоголя, Анна Васильевна, разсказывала:

„Братъ всегда былъ доволенъ и веселъ, когда къ нему пріѣзжалъ Данилевскій, а какъ красивъ былъ Данилевскій въ молодости, какой былъ пріятный и добрый!“

О своей юношеской дружбѣ вспоминаетъ Гоголь въ монологѣ „Ночи на виллѣ“:

... „Ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками, и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности, когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя.“ Гоголь путешествуетъ съ Данилевскимъ по Европѣ въ 1836 году; разставшись въ Парижѣ въ 1838 году, они оживленно переписываются. О тонѣ писемъ Гоголя можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ:

„Прощай, мой милый, мой добрый! Цѣлую тебя безсчетныя количества, шлю о тебѣ нескончаемыя молитвы... Прощай, мой ближайшій мнѣ!“ „Боже мой! если бы я былъ богатъ, я бы желалъ ... чего я бы желалъ? Чтобъ остальные дни мои я провелъ съ тобою

вмѣстѣ... Чувствую, что ты бы наполнилъ дни мои, которые теперь кажутся мнѣ пусты.“

Въ 1839 году Гоголь переживаетъ свою послѣднюю привязанность; быть можетъ самое чистое и возвышенное чувство всей своей жизни.

Въ Римѣ Гоголь познакомился съ семьей графа Вьельгорскаго и подружился съ двадцатитрехлѣтнимъ, умнымъ и талантливымъ Іосифомъ Вьельгорскимъ. „Благородно-высокая, младенчески-ясная душа“, „одинъ единственно прекрасный и возвышенно-благородный“, пишетъ Гоголь. Вьельгорскій былъ боленъ чахоткой; Гоголь просиживалъ безсонныя ночи у его постели. „Ночи на виллѣ“ напоминаютъ отрывки изъ дневника. Ихъ автобіографичность подтверждается письмами; онѣ стоятъ совершенно особо въ гоголевскомъ творчествѣ и не похожи ни на одно его произведеніе; это — сжатая, краткая запись словъ и движеній умирающаго; авторъ записываетъ самое важное, съ волненіемъ, дрожащей рукой; видитъ надвигающуюся смерть и торопится вырвать у нея послѣдніе звуки, послѣдніе жесты любимаго друга. Впечатлѣніе полной точности и правдивости.

„Онѣ были сладки и восхитительны эти безсонныя ночи. Онъ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ... Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него! Уже двѣ ночи какъ мы говоримъ другъ другу ты. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ! . . . .
Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе, скука выражались на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ; слегка махнулъ рукой.

— „Спаситель ты мой! сказалъ онъ мнѣ. Они еще донынѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова.

— Ангелъ ты мой! ты скучалъ?

— О, какъ скучалъ! отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались. Онъ все еще жалъ мою руку. . . . .
Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ бóльшую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безнадежнѣе увидѣлъ исчезающую мою жизнь.“

Смерть Вьельгорскаго — прощаніе Гоголя съ юностью; послѣ нея наступаетъ оцѣпененіе, которое онъ называетъ „мертвящей остылостью чувствъ“.

* * *

Кризисъ 40 года, если не вызванъ, то тѣсно связанъ со смертью Вьельгорскаго: столкнувшись впервые лицомъ къ лицу со смертью, Гоголь увидѣлъ ее уже не въ ореолѣ народной миѳологіи или романтической фантастики, а въ простой и страшной дѣйствительности.

„Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошаго на землѣ! Едва только оно успѣетъ показаться, — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что прекрасное, тотчасъ-же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы.“

Такимъ мрачнымъ признаніемъ завершается счастливое трехлѣтіе жизни за границей. Послѣ періода напряженной жизнерадостности и эстетическаго упоенія Италіей — смерть Вьельгорскаго пробуждаетъ Гоголя отъ „райскаго сна“.

Красота должна погибнуть и любовь уходитъ изъ стынущаго сердца... Нельзя до конца понять дальнѣйшій мистико-аскетическій путь Гоголя, если не помнить, что для него, въ одинъ прекрасный день, отъ всего міра понесло „запахомъ могилы“.

Между смертью Вьельгорскаго и кризисомъ 40 года приходится путешествіе въ Россію, во время котораго Гоголь былъ поглощенъ семейными и денежными хлопотами. Онъ тоскуетъ по своей „душенькѣ Италіи“ и, не пробывъ въ Россіи года, снова уѣзжаетъ заграницу (въ іюнѣ 1840 года).

Лѣто онъ проводитъ въ Вѣнѣ; на него находитъ вдохновеніе необычайной напряженности: онъ набрасываетъ трагедію изъ исторіи Запорожья, передѣлываетъ „Тараса Бульбу“ и одинъ отрывокъ изъ „Владиміра 3-ей степени“, пишетъ „Шинель“ и три новыхъ главы „Мертвыхъ Душъ“. Трудно повѣрить, что все это создается за мѣсяцъ съ небольшимъ! Творческое напряженіе, граничащее съ чудомъ; и послѣ него — срывъ. Гоголь заболѣваетъ. Вотъ, что онъ сообщаетъ М. П. Погодину (Октябрь 1840 года):

„Нервическое мое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженіе нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался... Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ остаться въ покойномъ положеніи ни на постели, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, что было ужасно, *это была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Вьельгорскаго въ послѣднія минуты жизни.*“ Гоголь пишетъ завѣщаніе и готовится къ смерти.

Подчеркнутыя слова ясно опредѣляютъ характеръ „тоски“, овладѣвшей Гоголемъ. Это былъ страхъ смерти.

Потрясающее впечатлѣніе, пережитое у постели умершаго друга, ложится поверхъ его нервнаго заболѣванія и превращаетъ его въ психическое переживаніе умиранія. Наивно было бы возражать, что болѣзнь Гоголя была не смертельна и, повидимому, даже не

опасна. Субъективно, въ своей внутренней реальности, Гоголь умиралъ. Онъ зналъ, что умираетъ, такъ какъ видѣлъ въ себѣ всѣ тѣ признаки, которые годъ назадъ съ отчаяніемъ наблюдалъ въ юномъ Вьельгорскомъ.

Человѣкъ, пережившій такой опытъ, сошедшій въ могилу и снова вернувшійся къ свѣту дня — возвращается неузнаваемымъ. Въ Гоголѣ рождается новая личность; конечно, вся его эмпирическая индивидуальность, всѣ его свойства, качества и особенности остаются въ немъ; мѣняется само метафизическое ядро „я", таинственная основа души. О томъ, что съ нимъ произошло въ страшный мигъ, когда онъ умиралъ, Гоголь говоритъ намеками. Онъ утверждаетъ одно: было божественное вмѣшательство, чудо милости Божіей.

„Теперь я пишу къ вамъ (къ Иванову, 1841 г.), потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни".

Таковъ мистическій опытъ Гоголя. Подлинность его подтверждается тѣмъ фактомъ, что послѣ 40 года, Гоголь, дѣйствительно, становится другимъ человѣкомъ. Этотъ новый человѣкъ не возникаетъ ex nihilo; онъ связанъ преемственно со всѣмъ прошлымъ Гоголя; но качественно онъ другой. Это чувствуется сразу: другой голосъ, другая интонація, другой тембръ. Для Гоголя въ предѣлахъ прежней жизни возникла иная: два несоизмѣримыхъ сознанія, уживающихся вмѣстѣ.

„Я не скажу, что я здоровъ, пишетъ онъ Жуковскому, нѣтъ, здоровье, можетъ быть, еще хуже, но я болѣе, нежели здоровъ. Я слышу часто чудныя минуты, чудной жизнью живу, внутренней, огромной, заключенной во мнѣ самомъ и никакого блага и здо-

ровья не взялъ бы. Вся жизнь моя отнынѣ — одинъ благодарный гимнъ".

Всякая попытка разсказать о „второмъ" сознаніи приводитъ къ алогизму („я не здоровъ, но болѣе чѣмъ здоровъ") и къ тусклымъ эпитетамъ („чудный"). Любопытно перерожденіе человѣка, пережившаго такой опытъ: мнительный, боязливый Гоголь ради новой „чудной жизни" готовъ пожертвовать даже здоровьемъ.

Но милость Божія, открывшаяся Гоголю въ чудѣ его исцѣленія, оказалась для него источникомъ соблазна и невообразимыхъ страданій. До конца объяснить это нельзя; въ этомъ глубинная и трагическая тайна души Гоголя, тайна его метафизической судьбы. Но въ психологическомъ планѣ толкованія возможны. Драма Гоголя начинается съ того момента, когда онъ слышитъ голосъ Божій, но не можетъ послѣдовать зову, то-есть вступить на путь подвижничества. Для этого ему нужно перестроить все свое сознаніе, перевернуть всю душу. Этой мучительной работой наполнены послѣдніе двѣнадцать лѣтъ его жизни. Гоголь выросъ въ атмосферѣ романтизма, съ его культомъ сильной личности и эгоцентризмомъ. И въ искусствѣ, и въ философіи романтизмъ былъ человѣкобожіемъ. Гоголь — крайній, напряженный индивидуалистъ; съ дѣтскихъ лѣтъ его ведетъ честолюбіе, самоутвержденіе, славолюбіе. Съ лицейской скамьи онъ повторяетъ: „Я послужу человѣчеству", и въ этой фразѣ удареніе падаетъ не на „человѣчество", а на „я". Поэтому, посланное ему откровеніе вызываетъ въ немъ не смиреніе, а гордыню. Онъ и раньше чувствовалъ себя избранникомъ, отмѣченнымъ особой заботой Промысла, а теперь впадаетъ въ явный соблазнъ: ему кажется, что онъ пророкъ, святой, почти мессія. Чтеніе Святого Писанія вліяетъ на его слогъ; библейской торжественностью звучатъ его слова:

„Но слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова, пишетъ онъ Данилевскому въ 1841 г., ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова. О вѣрь словамъ моимъ! Властью высшей облечено отнынѣ мое слово“.

Черезъ годъ тому же другу онъ пишетъ еще болѣе жуткія слова:

„Если же что въ жизни смутитъ тебя, наведетъ безпокойство, сумракъ на мысли, вспомни обо мнѣ, и при одномъ уже твоемъ напоминаньѣ — отдѣлится сила въ твою душу... Вмѣстѣ съ письмомъ симъ несется къ тебѣ благословеніе и сила“.

Въ письмѣ Прокоповичу (1842 г.) Гоголь сообщаетъ:

„Три — четыре слова, посланныя мною еще изъ Рима низвели свѣжесть въ его (Данилевскаго) душу. Очередь твоя. Имѣй въ меня каплю вѣры и живящая сила отдѣлится въ твою душу“.

На языкѣ аскетики такое состояніе называется „впаденіемъ въ прелесть“. Гоголь упоенъ своей мнимой святостью; онъ раздаетъ направо и налѣво благословенія. (Жуковскому: „Благословляю васъ. Благословеніе это не безсильно и потому съ вѣрой примите его“. — 1842 г.). Онъ доходитъ до кощунственнаго подражанія словамъ Христа:

„Никто изъ моихъ друзей не можетъ умереть, потому что онъ вѣчно живетъ со мной“. (Аксакову, 1840 г.). Но и въ соблазнѣ Гоголя бываютъ истинныя духовныя прозрѣнія. Онъ часто блуждаетъ въ ослѣпленіи, но оно — отъ свѣта. Онъ что-то знаетъ, что-то провидитъ, что-то предчувствуетъ: „Помните, пишетъ онъ Аксакову (въ 1842 г.), что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все и никто не вѣритъ чудесамъ, —

въ то время именно можетъ совершиться чудо, чудеснѣе всѣхъ чудесъ... Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленія нашего къ нему достаточно, чтобы Всевышней милостью Бога оно ниспустилось въ наши души".

* * *

Въ концѣ 1841 года Гоголь пріѣзжаетъ въ Россію печатать первый томъ „Мертвыхъ душъ".

С. Т. Аксаковъ находитъ въ немъ большую перемѣну:

„Въ этотъ годъ послѣдовала новая, большая перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ".

Пребываніе писателя на родинѣ было омрачено затрудненіями по изданію „Мертвыхъ душъ", цензурными придирками, болѣзненнымъ состояніемъ, матеріальными заботами. Но самое тягостное, что суждено было ему пережить за зто время, это сознаніе своей полной отчужденности отъ Россіи.

„Если бы ты зналъ, пишетъ онъ Максимовичу, какъ тягостно мое существованіе здѣсь въ моемъ отечествѣ." А въ письмѣ къ Балабиной говоритъ объ этомъ яснѣе: „Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ."

Гоголь охладѣлъ къ друзьямъ, возненавидѣлъ Москву и рѣшилъ уѣзжать, не закончивъ дѣлъ. „Меня томитъ и душитъ все, и самый воздухъ", говоритъ онъ. Рѣшеніе его было неожиданно для пріютившей его семьи Аксаковыхъ. „Часовъ въ семь послѣ обѣда, разсказываетъ С. Т. Аксаковъ, вдругъ вошелъ къ намъ Гоголь

съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ и просвѣтленнымъ лицомъ. Онъ сказалъ: „Я все ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ преосвященный Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко гробу Господню."

Лѣтомъ 1842 года Гоголь снова покидаетъ Россію, на этотъ разъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ; уѣзжаетъ озлобленный противъ своихъ соотечественниковъ и глубоко неудовлетворенный самимъ собой. Какъ могъ онъ такъ ошибиться въ себѣ? Онъ ѣхалъ въ Россію, чтобы остаться въ ней навсегда и восторженно писалъ С. Т. Аксакову:

„Теперь я вашъ; Москва моя родина. Въ началѣ осени прижму васъ къ моей русской груди." И вотъ не прошло и восьми мѣсяцевъ, какъ онъ снова въ дорожномъ экипажѣ на пути въ Италію.

Въ концѣ 1842 года Гоголь подготовляетъ къ печати полное собраніе своихъ сочиненій въ четырехъ томахъ. Этой датой замыкается послѣдній литературный періодъ его жизни. Остальные десять лѣтъ — онъ медленно и неуклонно уходитъ отъ искусства.

---

6. Снова за границей (1842—1847 г.).

Загадка собственной природы занимала Гоголя съ юношескихъ лѣтъ. Уже въ 1829 году онъ замѣчалъ въ себѣ „страшную смѣсь противорѣчій“; въ началѣ сороковыхъ годовъ противорѣчія эти обострились; душа его какъ будто раскололась на двѣ части; она начинаетъ жить въ двухъ планахъ, двумя разными жизнями. Этотъ разладъ становится для писателя источникомъ мучительной борьбы. О Гоголѣ можно было бы написать двѣ біографіи; стоитъ только распредѣлить матеріалы о немъ на двѣ части: свѣтлое лицо и темное. Въ сущности біографы, начиная съ самыхъ раннихъ, Кулиша и Шенрока, такъ и поступали. Вотъ почему у насъ до сихъ поръ нѣтъ единаго Гоголя. Слѣдовало бы наконецъ признать противорѣчивость натуры Гоголя и оставить попытки примиряющаго синтеза. Подводить автора „Мертвыхъ Душъ“ подъ „гармонію“ значитъ подмѣнять его личность собственнымъ вымысломъ.

Лѣто 1842 года Гоголь проводитъ въ Германіи, а въ октябрѣ поселяется въ Римѣ вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ. По вечерамъ, у постели больного поэта собирались — Гоголь, художникъ Ивановъ и Ф. В. Чижовъ. Римскіе друзья сразу замѣтили перемѣну, происшедшую въ Гоголѣ: онъ не ходилъ больше къ Фалькону (ресторанъ Al Falcone), гдѣ раньше любилъ плотно покушать; былъ угрюмъ и молчаливъ. Иногда часами не произносилъ ни одного слова или же разсказывалъ анекдоты,

„почти всегда довольно сальные“. „Это можно объяснить тѣмъ, продолжаетъ свои воспоминанія Ф. В. Чижовъ, что тогда въ душѣ Гоголя была сильная внутренняя работа, поглотившая его совершенно и овладѣвшая имъ самимъ. „Внутренняя работа“ и „сальные анекдоты“ — двѣ половины гоголевскаго лица.

Въ Римѣ онъ жилъ совсѣмъ по студенчески, безъ слуги; говаривалъ, что нѣтъ участи выше монашеской. Однажды заболѣла пріятельница Чижова. Гоголь спросилъ его: „Была ли она у Святителя Митрофана?“ Чижовъ отвѣчалъ, что не знаетъ. „Если не была, продолжалъ Гоголь, то скажите ей, чтобъ она дала обѣтъ помолиться у его гроба. Сегодняшнюю ночь за нее здѣсь сильно молился одинъ человѣкъ и передайте ей его убѣжденіе, ч т о о н а б у д е т ъ з д о р о в а.“

Конечно, „одинъ человѣкъ“ — самъ Гоголь. И какая самонадѣянность!

Въ началѣ 1843 года въ Римъ пріѣхала А. О. Смирнова, близкій другъ Гоголя. Онъ водилъ ее по Риму и „хвасталъ Римомъ такъ, какъ будто это его открытіе“. (Воспоминанія А. О. Смирновой). На страстной недѣлѣ Гоголь говѣлъ и пріятельница его замѣтила его религіозный подъемъ. „Онъ становился обыкновенно поодаль отъ другихъ и до такой степени бывалъ погруженъ въ молитву, что, казалось, не замѣчалъ никого вокругъ себя.“

Между тѣмъ, со времени пріѣзда Смирновой, писатель совсѣмъ забросилъ своихъ друзей; художниковъ (до насъ дошли рѣзкіе отзывы о немъ Ф. Іордана и А. Иванова); даже вывезеннаго имъ изъ Россіи больного Языкова, не знавшаго по итальянски и поэтому вдвойнѣ безпомощнаго, онъ по недѣлямъ оставлялъ одного. Языковъ писалъ: „Холодно мнѣ и скучно и даже досадно, что я согласился на льстивыя слова Гоголя и поѣхалъ въ Римъ, гдѣ онъ хотѣлъ и обѣщался устроить меня, какъ нельзя лучше, на дѣлѣ вышло не то.“

Дружба Гоголя съ Смирновой была особенная, ревнивая и нѣжная. Въ Россіи ходили слухи — совершенно вздорные — о томъ, что Гоголь влюбленъ въ Смирнову. Лѣтомъ они встрѣтились въ Баденѣ; Гоголь каждый день у нея обѣдалъ, а послѣ обѣда регулярно читалъ ей Иліаду въ переводѣ Гнѣдича. Въ декабрѣ онъ вслѣдъ за ней пріѣхалъ въ Ниццу и также почти ежедневно у нея обѣдалъ; „но ужъ не читалъ больше послѣ обѣда „Иліады", а вытаскивалъ изъ кармана толстую тетрадь выписокъ изъ Святыхъ Отцовъ". Смирнова вспоминаетъ далѣе, что у Гоголя въ небольшомъ чемоданѣ было „только необходимое для того, чтобы быть чистымъ." Однажды онъ сказалъ: „Я замѣтилъ, что у меня въ чемоданѣ завелась ненужная вещь; я вамъ ее подарю. И на другой день онъ принесъ рисунокъ Иванова."

Письма этого періода вполнѣ согласуются съ разсказомъ А. О. Смирновой. Они показываютъ намъ Гоголя въ состояніи громадной внутренней перестройки.

Первый томъ „Мертвыхъ Душъ" вышелъ въ свѣтъ; Гоголь приступалъ къ работѣ надъ вторымъ — и передъ нимъ вставалъ вопросъ: какъ продолжать? Какъ выполнить всѣ тѣ величественные замыслы, о которыхъ загадочно упоминалось въ первомъ томѣ? Осознавъ себя послѣ „великаго перелома" 1836 года національнымъ русскимъ писателемъ, онъ задумался надъ русской природой и пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, слѣдуетъ узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще. Съ этихъ поръ человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда либо предметомъ наблюденій". Такъ схематически изображаетъ Гоголь въ „Авторской Исповѣди" свой путь отъ романтической фантазіи къ психологическому реализму. Этой цѣли можно было достигнуть двумя путями: внѣшнимъ — читая „книги законодателей, душе-

вѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка", и внутреннимъ — работая надъ познаніемъ и воспитаніемъ собственной души.

Авторъ „Ревизора" не преувеличиваетъ, говоря о своемъ невѣжествѣ и о томъ, что ему приходилось начинать съ самыхъ первоначальныхъ книгъ; изъ лицея онъ не вынесъ никакихъ знаній, читать не любилъ, философіей и богословіемъ никогда не занимался. Теперь онъ смотритъ на себя, какъ на школьника; запасается книгами и начинаетъ серьезно учиться. Мы уже знаемъ, что Гоголь читалъ Смирновой Гомера, котораго считалъ величайшимъ мудрецомъ и душевѣдцемъ. Постепенно въ кругъ его чтенія входятъ книги духовныя и вытѣсняютъ писателей свѣтскихъ. Онъ рекомендуетъ Языкову чтеніе церковныхъ книгъ и проситъ прислать ему произведенія Дмитрія Ростовскаго, Лазаря Барановича, Стефана Яворскаго и Христіанское Чтеніе за 1842 годъ. Въ 1844 г. онъ выписываетъ изъ Москвы — „Добротолюбіе, Иннокентія и сочиненія Святыхъ Отцовъ. С. Т. Аксакову посылаетъ „Подражаніе Христу" и проситъ читать его каждый день по одной главѣ. Въ письмахъ чувствуется вліяніе святоотечественной литературы и встрѣчаются цитаты изъ нея (напр. изъ Іоанна Златоуста).

Но внѣшній путь, при неполномъ и случайномъ подборѣ книгъ и неподготовленности Гоголя къ богословской наукѣ, не могъ его удовлетворить. Главное вниманіе его, поэтому, направилось на путь внутренній — духовное самовоспитаніе. Какъ понималъ Гоголь эту задачу?

Въ письмахъ 1842—44 годовъ онъ постоянно возвращается къ этой идеѣ. Постепенно, изъ расплывчиваго понятія она превращается въ религіозно-моральную теорію. Основа „душевнаго дѣла" — церковность; Гоголь придаетъ большое значеніе посѣщенію церковныхъ службъ, говѣнію, исполненію обрядовъ. Вотъ

письмо къ Языкову (1843 г.): „Дай мнѣ слово говѣть, пріѣхавши въ Москву, при первомъ случаѣ ... Сдѣлай также слѣдующее заведеніе: всякую субботу ввечеру отслужи у себа всенощную". (Языковъ, прикованный къ постели, не могъ ходить въ церковь). Гоголь нуждается въ твердости устава, канона, обряда; чтобы разобраться въ своей душевной сложности и противорѣчивости ему необходимъ „камень вѣры", благолѣпіе богослуженія, незыблемость „закона". Онъ любитъ и для себя самого и для своихъ друзей составлять правила, росписаніе времени, обязательныя чтенія и упражненія. (Въ письмѣ къ Л. К. Вьельгорской въ 1844 г. Гоголь спрашиваетъ, читаетъ ли она тѣ правила, которыя онъ ей оставилъ.)

Послѣ церковной и домашней дисциплины слѣдуетъ познаніе своей грѣховности. Къ 42 году у Гоголя начали появляться сомнѣнія въ своемъ избранничествѣ; когда моменты мистическихъ восторговъ проходили, увѣренность въ своемъ пути къ святости ослабѣвала; онъ видѣлъ свою „темную сторону": грѣховность, „душевную черствость." Авторъ „Мертвыхъ душъ" ощущалъ въ собственной душѣ начало зла и смерти. И вотъ начинаются упорные и кропотливые розыски недостатковъ и пороковъ. Гоголь склоняется надъ своей душой, какъ надъ темной пропастью, на днѣ которой кишатъ страшные, ему самому невѣдомые гады. Какъ бороться съ грѣхами, которыхъ даже не сознаешь? Единственное средство — обращеніе за помощью къ ближнему.

Выходъ въ свѣтъ „Мертвыхъ Душъ" кажется ему благопріятнымъ случаемъ; онъ проситъ друзей, литераторовъ и просто читателей критиковать его произведеніе возможно строже.

„Чѣмъ больше отыщешь ты и выставишь моихъ недостатковъ и пороковъ, тѣмъ болѣе будетъ твоя заслуга, пишетъ онъ Шевыреву (1842 г.)... Нѣтъ,

можетъ быть, въ цѣлой Россіи человѣка, такъ жаднаго узнать всѣ свои пороки и недостатки".

Жуковскому онъ пишетъ уже не о „недостаткахъ", а о „грѣхахъ".

„Грѣховъ, указанья грѣховъ желаетъ и жаждетъ теперь душа моя! Если бъ вы знали, какой теперь праздникъ совершается внутри меня, когда открываю въ себѣ порокъ, дотолѣ не примѣченный мною!"

То же повторяется въ письмѣ къ Смирновой (1842 г.): онъ проситъ ее записывать все, что говорятъ въ публикѣ о „Мертвыхъ Душахъ"; „хула и осужденіе для меня слишкомъ полезны".

И, наконецъ, въ письмѣ къ Плетневу (1842 г.) Гоголь объясняетъ причину своего страннаго любопытства:

„Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ передъ всѣмъ свѣтомъ. Безъ этого сознанія не можетъ быть исправленія".

Духовный путь Гоголя начинается съ выставленія самого себя на всенародное обличеніе и посрамленіе. Передъ лицомъ всей Россіи онъ готовъ выслушать обличеніе своихъ грѣховъ и принести покаяніе. Говоритъ онъ объ этомъ искренно, со смиреніемъ и полнымъ отсутствіемъ самолюбія. Въ этой жаждѣ обнажить свою душу передъ всѣми, выставить на показъ всѣ свои мерзости, есть и безстыдство и юродство. Съ одной стороны, униженіе паче гордости, съ другой — духовный подвигъ. Друзья Гоголя приняли это за чудачество, за тщеславное любопытство, за нелѣпый капризъ. А читатели просто недоумѣвали. И не мудрено. Гоголь явно смѣшивалъ три разныхъ плана: для него были равнозначущи его недостатки писателя, пороки человѣка и грѣхи христіанина. Какъ будто критики и читатели художественнаго произведенія могли, вмѣстѣ съ эстетическимъ разборомъ, преподать ему нравственное

и религіозное назиданіе! Къ такому отожествленію художника съ христіаниномъ не были подготовлены друзья Гоголя. Только въ 47 году сталъ извѣстенъ въ печати взглядъ Гоголя на „Мертвыя Души“, какъ на „исторію души“ самого автора, и на героевъ поэмы, какъ на воплощеніе его собственныхъ пороковъ.

Съ 42 года начинается недоразумѣніе между писателемъ и его друзьями, взаимное отчужденіе между Гоголемъ и русскимъ обществомъ; трещина все расширяется и вокругъ души автора „Ревизора“ растетъ пустота; къ 47 году (годъ появленія „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“) становится ясно, что Россія не понимаетъ и не принимаетъ „ученія“ Гоголя.

Почему „душа человѣка“ стала предметомъ изученія Гоголя? Почему онъ занялся собственнымъ „душевнымъ дѣломъ“, духовнымъ самовоспитаніемъ? Уходъ ли это отъ литературы? Измѣна ли искусству? Такіе вопросы задавали Гоголю его петербургскіе и московскіе друзья. Въ отвѣтъ на ихъ тревогу Гоголь пытался подѣлиться съ ними истиной, которая недавно ему открылась. Но въ эстетической и романтической атмосферѣ эпохи это религіозное ученіе было неожиданно и странно, и слова Гоголя просто не доходили.

Гоголь говорилъ: чтобы творить красоту, нужно самому быть прекраснымъ; художникъ долженъ быть цѣльной и нравственной личностью; его жизнь должна быть столь же совершенна, какъ и его искусство. Служеніе красотѣ есть нравственное дѣло и религіозный подвигъ. Чтобы исполнить долгъ передъ человѣчествомъ, возложенный на него, писатель долженъ просвѣтить и очистить свою душу. Однимъ словомъ, чтобы закончить „Мертвыя Души“, автору нужно стать праведникомъ.

Такова основная идея Гоголя; ей онъ принесъ въ жертву свой талантъ и свою жизнь. Онъ былъ муче-

никомъ идеи. Уѣхавъ изъ Россіи въ 1842 году, Гоголь въ словахъ торжественныхъ и вдохновенныхъ пишетъ Жуковскому о „воспитаніи души своей“. Тонъ — взволнованный и лирическій; можно думать, что письмо написано непосредственно послѣ озаренія, когда въ душѣ еще не остылъ восторгъ „открытія“.

„Много труда и пути и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горнаго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвигъ и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія“.

Образъ художника и образъ человѣка сливаются во-едино. Двойнымъ смысломъ звучатъ слова „подвигъ“ и „поприще“: аскетическій путь и созданіе поэмы, — единая лѣстница, ведущая къ Богу.

Черезъ годъ (въ 1843 г.) тѣ-же мотивы развиваются въ письмахъ къ Шевыреву и Плетневу.

„Я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе, сообщаетъ Гоголь Шевыреву, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринялъ къ воспитанію моему“.

А Плетневу: „Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій.“ И дальше Гоголь впервые употребляетъ выраженіе, ставшее впослѣдствіи его любимымъ: „внутреннее хозяйство“.

Онъ подчеркиваетъ практическій, житейскій характеръ своего дѣла. Это не взлеты въ потустороннія міры, не мистическія созерцанія, а ежедневная, прозаическая „черная“ работа. Не отрѣшенность отъ житейскаго, а напротивъ полная въ него погруженность. Нужно „устроить“ свою душу, навести порядокъ во

„внутреннемъ хозяйствѣ“. Аскетическій подвигъ, смиренно понимаемый, какъ нѣкое „домоводство“.

Неразрывная связь эстетики съ религіей въ міровоззрѣніи Гоголя ясно показана въ письмѣ къ Плетневу (1844 г.):

„Я знаю, что нужно чистоты душевной и лучшаго устроенія себя и почти небесной красоты нравовъ. Безъ того не защитишь ни самого искусства, какъ и всего святого, которому оно служитъ подножіемъ.“

Эта цѣпь утвержденій, проходящая черезъ 42, 43 и 44 годы — сводится къ великой мысли о цѣлостности христіанской культуры. Душа человѣка изъ раздробленности и затемненности грѣховнаго состоянія должна подняться къ свѣтлой цѣльности; дѣлу своей жизни человѣкъ долженъ отдаться весь, духомъ и тѣломъ. Исполняя свой подвигъ, онъ призванъ стремиться къ небесной красотѣ и божественному совершенству. До насъ дошли молитвы, которыя читалъ Гоголь во время работы надъ „Мертвыми Душами“. Приведемъ одинъ отрывокъ:

„Боже, соприсутствуй мнѣ въ трудѣ моемъ, для него же призвалъ меня въ міръ... Вѣрю, яко не отъ моего произволенія началось сіе самое дѣло, надъ нимъ же работаю во славу Твою. Ты же заронилъ и первую мысль... Ты же одинъ дашь силы и окончить, все строя ко спасенію моему...“

Это міровоззрѣніе — закончено и глубоко духовно. Никакого „мрачнаго мистицизма“ нѣтъ въ немъ, есть трезвость и практичность. Гоголь открылъ для себя истину о религіозномъ смыслѣ человѣческой жизни и повѣрилъ въ нее пламенно и всецѣло. Необычность его поведенія, столь поразившая современниковъ, заключалась единственно въ томъ, что эту истину онъ сталъ проводить въ жизнь. Увидѣвъ въ призваніи художника путь къ спасенію души, Гоголь покорно до

могилы донесъ страшную тяжесть своей отвѣтственности. Эта тяжесть раздавила его.

* * *

Къ началу 1844 года въ перепискѣ Гоголя появляются новыя черты. Исчезаетъ прежнее самодовольство; Гоголь становится сдержаннѣе, углубленнѣе. Кончается первый этапъ духовнаго пути: чувство радостной легкости и увѣренности въ своихъ силахъ; изученіе души привело къ острому ощущенію первороднаго грѣха; наблюденіе надъ міромъ породило ужасъ передъ могуществомъ зла. Раньше писателю казалось, что онъ поднялся высоко по лѣстницѣ совершенства, теперь онъ снова видитъ себя на первой ступени; чувствуетъ естественное влеченіе человѣческой души ко злу и сопротивленіе ея добру. На своемъ личномъ опытѣ понимаетъ, что Царство Божіе берется только усиліемъ.

„Мы такъ устроены, пишетъ онъ Данилевскому (1844 г.), что все должны пріобрѣтать насильно и ничего не дается намъ даромъ. Даже истинной веселости духа не пріобрѣтешь до тѣхъ поръ, пока не заставишь себя насильно быть веселымъ."

Тоже и въ письмѣ къ матери (1844 г.):

„Скажу вамъ о себѣ, что до сихъ поръ мнѣ не удалось ни одного полезнаго дѣла сдѣлать, не принудивъ прежде къ тому себя насильно."

О себѣ Гоголь говоритъ съ презрѣніемъ, отыскивая въ себѣ все новыя „гадости" и „мерзости". Но самое примѣчательное въ письмахъ 44 года — мѣсто, которое отводится въ нихъ дьяволу. Аскетическій подвигъ обострилъ духовное зрѣніе Гоголя: его прирожденная чувствительность ко злу принимаетъ форму распознаванія демоническихъ силъ въ мірѣ. Порой шутливо, порой вполнѣ серьезно, пишетъ онъ друзьямъ объ „общемъ пріятелѣ" — чортѣ.

Характерно письмо къ Аксакову (1844 г.):

„Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, — именно чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья...

... Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ... Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ, и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя ли какъ-нибудь привести въ уныніе... Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе — это его дѣло.

... Я сдѣлался нѣсколько умнѣй, вижу яснѣй многія вещи и называю ихъ прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортомъ."

Въ этомъ шутливомъ тонѣ чувствуется личная мука и ненависть. Аскетическая литература научила Гоголя бороться съ „бѣсовскимъ уныніемъ", этимъ „порожденіемъ" злого духа. И все-же, въ теченіи этого періода какъ часто въ его письмахъ повторяются жалобы на тоску и припадки унынія!

Мотивъ дьявола повторяется — но уже въ серьезномъ тонѣ въ письмѣ къ матери (1844 г.). „Какъ только уже слишкомъ твердо на что-нибудь рѣшишься, тогда только убѣжитъ лукавый духъ, слыша, что самъ Богъ идетъ къ намъ на помощь." Языкову Гоголь пишетъ, что на болѣзнь нужно смотрѣть, какъ на сраженіе съ дьяволомъ; Погодину сообщаетъ, что очень тяготился его гостепріимствомъ (Гоголь, въ 1841 году жилъ въ Москвѣ въ домѣ Погодина), такъ какъ ему казалось, что въ Погодина „поселился духъ тьмы", и прибавляетъ: „Я увѣренъ, что я тебѣ казался тоже одержимымъ нечистою силою."

Выписокъ этихъ достаточно, чтобы представить себѣ „душевный пейзажъ" Гоголя: несчастное человѣческое сознаніе, повисшее между двумя безднами: бездной

міра, владѣемаго дьяволомъ, и бездной души, растлѣнной осознанными и неосознанными грѣхами. Внизу — пламя ада, вверху — Неподкупный Судія; вездѣ дыханіе Смерти, и впереди — Страшный Судъ. Картина, напоминающая сцену средневѣковой мистеріи. И это сходство неслучайно: міроощущеніе Гоголя — средневѣковое.

Но это только одна сторона духовной жизни Гоголя — царство грѣха; его мраку противостоитъ свѣтъ другой стороны — царство благодати. Гоголь вовсе не былъ изможденнымъ постникомъ и мрачнымъ аскетомъ. Несмотря на постоянныя недомоганія, тонъ его настроенія въ эти годы — радостный. Смирнова пишетъ, что въ 1843 г. въ Ниццѣ Гоголь „былъ веселъ", такъ же свѣтелъ его духъ въ 1844 году, когда онъ живетъ во Франкфуртѣ съ Жуковскимъ. Ему было дано познать не только содроганіе передъ міровымъ зломъ, но и радость о Богѣ. Въ письмѣ къ Смирновой (1844 г.) Гоголь говоритъ о „благодатныхъ состояніяхъ", предостерегаетъ отъ излишняго упоенія ими и въ его словахъ чувствуется личный опытъ. Онъ знаетъ, что въ „минуты благоволенія Божія" человѣкъ можетъ возгордиться и забыть, что эти знаки небесной милости „даются вовсе не за заслуги." „Просите (у Бога) только дать возможность произвести больше подвиговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ просите только о томъ, чтобы Онъ не награждалъ насъ за нихъ въ этой жизни."

Слова глубокой мудрости и смиренія.

Гоголь зналъ и другую опасность, подстерегающую вступившаго на духовный путь: привнесеніе земной страстности въ любовь ко Христу, сублимацію чувственности. „Берегитесь всего страстнаго, учитъ онъ свою пріятельницу, берегитесь даже въ божественное внести что-нибудь страстное. Совершеннаго небеснаго безстрастія требуетъ отъ насъ Богъ."

Трудна была борьба Гоголя съ самимъ собою; на мѣстѣ искорененныхъ пороковъ выступали новые, еще

болѣе тяжкіе; взлетъ къ смиренію оканчивался паденіемъ въ вящую гордость; любовь къ людямъ на дѣлѣ часто выражалась въ холодныхъ поученіяхъ, обвиненіяхъ, самолюбивыхъ обидахъ и ссорахъ. Каждый шагъ давался цѣною судорожныхъ усилій. Свѣтлыя минуты смѣнялись долгими періодами сердечной засухи, душевной черствости, „безблагодатности". И — параллельно — такъ же мучительно, медленно и неудовлетворительно влачилась работа надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ". У Гоголя бывали минуты смертельной тоски и отчаянія. Казалось, что вдохновеніе навсегда его покинуло, что все потеряно, и счастье жизни, и спасеніе души. Во время такихъ страшныхъ искушеній онъ молился. И тогда „злой духъ" отступалъ отъ него и онъ чувствовалъ, что путь его истинный.

Есть въ письмѣ Гоголя къ Языкову (1844) указаніе на то, какъ нужно молиться. Этотъ небольшой отрывокъ могъ быть написанъ только высоко-духовнымъ человѣкомъ; онъ достоинъ виднаго мѣста въ русской религіозной литературѣ. „Все ведетъ къ тому, пишетъ Гоголь, чтобы мы крѣпче, чѣмъ когда либо прежде, ухватясь за крестъ, плыли вопрекъ скорбей. Есть средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданія душевныя или тѣлесныя бываютъ невыносимо мучительны; его добылъ я сильными душевными потрясеніями, но тебѣ его открою. Если найдетъ такое состояніе, бросайся въ плачъ и слезы. Молись рыданіемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившійся за послѣднюю доску."

Впечатлѣніе страшное и величественное: внезапный свѣтъ освѣщаетъ тайную исторію души Гоголя; мы слышимъ его молитву въ „плачѣ и слезахъ", то, что онъ самъ называлъ „вопль душевный".

* * *

1844 годъ закончился для Гоголя сложными недоразумѣніями съ друзьями. Торопясь уѣхать изъ Россіи въ 1842 году, онъ поручилъ изданіе собранія сочиненій своему нѣжинскому товарищу Прокоповичу. Тотъ по неопытности далъ себя обмануть типографамъ. Гоголь пришелъ въ негодованіе отъ бумаги, печати и опечатокъ, сгоряча написалъ очень рѣзкое письмо Прокоповичу и потребовалъ отъ него отчета. Послѣдній доложилъ свои собственныя деньги и прекратилъ съ Гоголемъ переписку. Плетневъ вступился за обиженнаго Прокоповича и написалъ Гоголю письмо, въ которомъ обличалъ его въ „безграмотности", рекомендовалъ воспитывать въ себѣ нравственное чувство, пріучаться мыслить и „укрощать буйное невѣжество". „Но что такое ты? спрашивалъ Плетневъ; какъ человѣкъ, существо скрытное, эгоистическое, надменное, недовѣрчивое и всѣмъ жертвующее для славы". Тонъ письма незаслуженно оскорбительный и уничтожающій. Въ отвѣтъ Гоголь пишетъ смиренное и трогательное письмо, въ которомъ онъ даже и не пытается оправдаться. Ему хочется „утѣшить огорченнаго друга": „Брани меня; мнѣ будетъ пріятно всякое твое слово, даже еслибы оно было гораздо пожестче тѣхъ, которыя въ письмѣ твоемъ. Но не досадуй на меня въ душѣ". И Гоголь называетъ себя „страдальцемъ", всѣ слова котораго понимаются въ превратномъ значеніи; всѣ въ немъ усумнились, передъ нимъ закружился „цѣлый вихорь недоразумѣній".

Гоголь рѣшаетъ „не развязать, а разрубить узелъ"; онъ пишетъ одновременно Плетневу и Шевыреву о возникшемъ у него планѣ:

„Виноватъ во всемъ я, кромѣ всѣхъ прочихъ винъ, я произвелъ всю эту путаницу и ералашъ; я смутилъ и взбаламутилъ всѣхъ, произвелъ во всѣхъ до едина чувство неудовольствія... Виноватый долженъ быть наказанъ, и лучше наказать самого себя, чѣмъ ожидать

наказанія Божьяго. Я наказываю себя лишеніемъ денегъ, слѣдуемыхъ мнѣ за выручку собранія моихъ сочиненій... Всѣ деньги, вырученныя за нихъ, отнынѣ принадлежатъ бѣднымъ, но достойнымъ студентамъ.“

Этой жертвой онъ хотѣлъ вступить на путь религіознаго дѣланія и жизнью засвидѣтельствовать о происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ искренности и въ безкорыстіи Гоголя. Но великодушному замыслу не суждено было осуществиться: получивъ письмо Гоголя, Плетневъ въ замѣшательствѣ показалъ его Смирновой, а та собственнымъ умомъ порѣшила, что Гоголь не имѣетъ права обрекать на бѣдность себя и свою семью, и сообщила ему: „Туда (т. е. въ Васильевку) пошлется сколько можно, а остальное перешлется Вамъ“.

Просто не вѣрится, что самые близкіе къ Гоголю люди могли быть такъ безцеремонны, грубы и невнимательны къ нему. Гоголь пишетъ Смирновой усталое и скорбное письмо, въ которомъ „проситъ, молитъ и требуетъ именемъ дружбы исполнить просьбу“. Но онъ такъ и не допросился. Дѣло было замято и Гоголь покорился.

Разсмотрѣніе періода 1842—45 года можно заключить „душевнымъ воплемъ“ Гоголя, который на фонѣ всего разсказаннаго пріобрѣтаетъ особенно трагическій смыслъ.

„... Иногда положеніе человѣка можетъ быть такъ странно, что онъ похожъ на одержимаго летаргическимъ сномъ, который видитъ и слышитъ, что его всѣ, даже самые врачи, признали мертвымъ и готовятся его живого зарывать въ землю; и видя и слыша все это, не въ силахъ пошевельнуть ни однимъ суставомъ своимъ.“

Но всѣ эти обличенія, обиды и несправедливости, весь этотъ „вихорь недоразумѣній“ былъ только первымъ, еще слабымъ раскатомъ надвигавшейся грозы.

Что они по сравненію съ той „страшной анатоміей надъ живымъ тѣломъ“, которую предстояло пережить Гоголю послѣ выхода въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“?

* * *

„Перестройка“ и „ломка“, происходившія въ душѣ писателя въ это трехлѣтіе, отразились и на его творчествѣ; наряду съ медленной работой надъ „Мертвыми Душами“, Гоголь производитъ полную переоцѣнку своихъ сочиненій, перерабатываетъ, передѣлываетъ, комментируетъ и защищаетъ ихъ.

Въ 1842 появляется въ печати „Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи.“ Это — сатира на нелѣпые толки, вызванные постановкой „Ревизора“, и вмѣстѣ съ тѣмъ — апологія комедіи, какъ орудія общественнаго воспитанія. Въ монологѣ автора пьесы, которымъ начинается эта сцена, мы сразу же узнаемъ голосъ „кающагося“ Гоголя:

„О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки... Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ.“

И Гоголь въ лирической тирадѣ воспѣваетъ единственное честное и благородное лицо пьесы — смѣхъ. Онъ свѣтелъ, ибо излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, въ глубинѣ его таятся „горячія искры вѣчной могучей любви“ и „кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ...“

Нѣтъ, Гоголь не клеветалъ на Россію, не издѣвался надъ ней: онъ смѣялся отъ любви къ ней, желая ее спасти. Какъ же представлялось автору „Ревизора“ это спасеніе Россіи силою смѣха?

Здѣсь впервые Гоголь выражаетъ въ понятіяхъ то смутное ощущеніе, которое лежитъ въ основѣ всего его творчества: идею „мертвенности жизни“.

„Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца.“

Неужели Гоголь дѣйствительно вѣрилъ, что представленіе веселой комедіи можетъ „преобразовать“ Россію? спрашиваютъ біографы Гоголя и удивляются его наивной самонадѣянности. Конечно, надежда Гоголя была утопична, но нужно попытаться раздѣлить его горячую вѣру въ чудо и его страстную любовь къ родинѣ, чтобы понять его „наивность“.

Міръ полонъ „мертвыхъ обитателей“, жизнь которыхъ проходитъ въ „усыпленіи“; нужно встряхнуть ихъ, разбудить, чтобы содрогнулись ихъ пустынныя сердца, чтобы залились они живительными слезами. И Гоголь вѣритъ, что такое „потрясеніе“ способенъ произвести „свѣтлый смѣхъ“. Онъ поможетъ „взорваться и обнаружиться“ внутренней болѣзни, разъѣдающей Россію. Воспрянувъ отъ грѣховнаго сна, она покается и спасется. Гражданственность писателя — чисто религіозная и христіанская.

„Вы не хотите знать того, восклицаетъ Господинъ Б. въ „Театральномъ разъѣздѣ“, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ взлетѣть душей превыше презрѣннаго въ жизни.“

Удивительна цѣльность и прямолинейность міровоззрѣнія Гоголя: какъ самъ онъ начиналъ свой духовный путь съ публичнаго покаянія и страстной жажды обличеній и указаній грѣховъ, такъ и для Россіи желалъ онъ сознанія грѣховъ и исповѣди.

Но оправданіе „Ревизора“, данное въ „Театральномъ разъѣздѣ“, не удовлетворило автора. Онъ не могъ не

чувствовать искусственности этого построенія; комедія была написана, какъ рядъ веселыхъ, почти фарсовыхъ сценъ; единственно о чемъ заботился Гоголь, прося Пушкина дать ему сюжетъ, это сочинить пьесу „куда смѣшнѣе чорта“. Никакой нравственной цѣли онъ не преслѣдовалъ. Но совершенно неожиданно для автора — комедія произвела на зрителей совсѣмъ другое впечатлѣніе.

„Въ итогѣ остается что-то эдакое..., пишетъ Гоголь въ „Развязкѣ Ревизора“, ... я вамъ даже объяснить не могу, что-то чудовищно мрачное... Самое это появленіе жандарма, который точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ... Все это какъ-то необыкновенно страшно.“

Это загадочное превращеніе смѣшного въ „мрачное“, эта дьявольская подмѣна комедіи чѣмъ то „необыкновенно страшнымъ“ потрясли автора.

Отсюда усиліе объяснить зрителямъ и себѣ самому „свѣтлую“ основу пьесы, попытка оправдать и защитить свое произведеніе.

Теорія „свѣтлаго смѣха“, какъ добродѣтельнаго лица комедіи, слишкомъ не соотвѣтствовала безпощадно саркастическому тону комедіи и вотъ черезъ четыре года послѣ „Театральнаго разъѣзда“, авторъ снова возвращается къ мучительному для его совѣсти вопросу о пользѣ „Ревизора“.

Въ „Развязкѣ Ревизора“ Гоголь вступаетъ на путь аллегорическаго толкованія; городъ, выведенный въ пьесѣ — нашъ душевный городъ, ревизоръ — совѣсть, чиновники — страсти, Хлестаковъ — „вѣтреная свѣтская совѣсть“. Комедія учитъ зрителей осмотрѣть душевный городъ съ помощью настоящаго ревизора и изъять изъ него „душевныхъ лихоимцевъ“. „Есть средство, есть бичъ, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники“.

Въ этой аллегорической картинѣ подчеркивается суровая, обличительная сторона смѣха (смѣхъ скорѣе „бичъ“, чѣмъ „свѣтъ“); авторъ вѣритъ, что Россія — первая призвана къ религіозному служенію.

„Дружно докажемъ всему свѣту, что въ русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, кому все должно служить на землѣ, несется туда же, кверху, къ Верховной вѣчной красотѣ.“

* * *

Но ни „Ревизоръ“, ни „Мертвыя Души“ не пробудили Россіи отъ мертваго сна. Авторъ мучительно ищетъ причины своей неудачи: разгадалъ ли онъ тайну жизни, правильно ли опредѣлилъ болѣзнь Россіи? И что значитъ „мертвенность жизни“? Какъ понять этотъ парадоксъ: „жизнь есть смерть“? Гоголь не столько пишетъ „Мертвыя Души“, сколько рефлектируетъ надъ ними. До насъ дошли слѣды этихъ раздумій: замѣтки, относящіяся къ переработкѣ первой части поэмы.

„Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни.

Проходитъ страшная мгла жизни и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе?...

При бальномъ... при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти...“

Эти удивительныя слова даютъ намъ ключъ ко всей второй половинѣ творчества Гоголя; первая половина заканчивается 35 годомъ, появленіемъ „Миргорода“ и „Арабесокъ“. Она объединена лейтъ-мотивомъ: вмѣшательство злыхъ силъ въ жизнь человѣка. Вторая половина, съ 35 года, можетъ быть озаглавлена: „Мертвенная жизнь“.

Въ этомъ основная интуиція автора „Мертвыхъ Душъ“; Гоголь-человѣкъ воспринимаетъ ее, какъ страхъ смерти, какъ отвращеніе передъ всюду проникающимъ „запахомъ могилы“, Гоголь — художникъ воплощаетъ ее въ видѣ царства мертвыхъ душъ; Гоголь — христіанинъ ищетъ спасенія изъ этого ада у подножія Распятія.

Къ сороковымъ годамъ относятся еще двѣ замѣтки: „Размышленія о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома „Мертвыхъ душъ“ и „Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“. Онѣ дополняютъ предыдущій отрывокъ. Гоголь прослѣживаетъ процессъ превращенія живой души въ мертвую: постепенно человѣка обхватываютъ „пошлыя привычки свѣта, условія, приличія“, опутываютъ его, образуютъ твердую скорлупу вокругъ его души. „А какъ попробуешь добраться до души, продолжаетъ Гоголь, ея уже и нѣтъ; окременѣвшій кусокъ и весь превратившійся человѣкъ въ страшнаго Плюшкина, у котораго, если и выпорхнетъ иногда что-то похожее на чувство, то это похоже на послѣднее усиліе утопающаго человѣка.“ Такимъ спрутомъ, обвивающимся вокругъ человѣка и высасывающимъ изъ него его живую душу, могутъ быть пошлыя привычки, пороки, страсти.

Во второй замѣткѣ разбираются герои „Ревизора“ съ точки зрѣнія главной пожирающей ихъ страсти. Такой „гвоздь, сидящій въ головѣ, и составляющій постоянный предметъ мысли“, у городничаго — страсть къ наживѣ; у судьи — страсть къ псовой охотѣ, у Бобчинскаго и Добчинскаго — страсть переносить вѣсти. Всѣ такъ поглощены своими страстями, что живутъ во снѣ, въ мірѣ обмановъ и сами становятся какъ Хлестаковъ, „олицетвореннымъ обманомъ“. Омертвѣніе, окаменѣніе жизни символически выражено въ нѣмой сценѣ, съ ея неподвижностью и автоматизмомъ.

Тотъ же элементъ автоматизма подчеркнутъ гротескно и ирраціонально въ повѣсти „Носъ“, сентиментально и филантропически въ „Шинели“.

Д. Мережковскій („Судьба Гоголя“) удачно сравниваетъ Гоголя съ героемъ андерсеновской сказки, которому въ глазъ попалъ осколокъ дьявольскаго зеркала.

Гоголь увидѣлъ міръ sub specie mortis.*)

* * *

45 годъ — трагическій въ жизни Гоголя: „вихорь недоразумѣній“ съ Плетневымъ и Смирновой изъ-за проэкта помощи бѣднымъ студентамъ, мучительныя объясненія съ Погодинымъ, который оскорбилъ Гоголя самочиннымъ помѣщеніемъ его портрета въ „Москвитянинѣ“ и, самое главное, неуспѣшная работа надъ „Мертвыми Душами“ доводятъ писателя до тяжелаго нервнаго заболѣванія. Симптомы его были ужасны. „Мнѣ было такъ трудно, пишетъ онъ Смирновой (1845), что уже было пріуготовился совершенно откланяться и теперь я мало чѣмъ лучше скелета. Дѣло доходило до того, что лицо сдѣлалось зеленѣе мѣди, руки почернѣли, превратившись въ ледъ, такъ что прикосновеніе ихъ ко мнѣ самому было страшно и при 18 град. тепла въ комнатѣ, я не могъ ничѣмъ согрѣться.“

А въ письмѣ къ Языкову: „Лицо мое все пожелтѣло, а руки распухли и почернѣли“...

„Мертвыя Души“ не писались. Приходилось вымучивать каждую строку. Это была чудовищная пытка, кончавшаяся нервными припадками. „... Не въ силахъ писать и трудиться, и малѣйшая натуга повергаетъ меня въ болѣзнь“... Но Гоголь вѣритъ, что трудъ возложенъ на него Богомъ, и естественно приходитъ къ мысли, что помѣхи чинитъ ему самъ дьяволъ.

---

*) Эта мысль интересно развита въ книгѣ Б. Шлецера (B. de Schloezer. Gogol. 1932.)

„Признаюсь, уже не разъ подкараулилъ я, что это были нервы, а изъ-за нихъ, притаившись, работалъ и чортъ, который, какъ извѣстно, ищетъ всякимъ путемъ просунуть къ намъ носъ свой и если въ здоровомъ состоянiи нельзя, такъ онъ его просунетъ дверью болѣзни.“

Доктора не умѣли опредѣлить „странную“ болѣзнь Гоголя; онъ лечился купанiями, холодными обтиранiями, минеральными водами; больше всего ему помогала ѣзда: на самыхъ тряскихъ дорогахъ, въ самыхъ неудобныхъ экипажахъ онъ чувствовалъ себя спокойнѣе; онъ даже мечталъ о томъ, чтобы стать курьеромъ и всю жизнь скитаться по большимъ дорогамъ. Болѣзнь Гоголя таинственна: это — медленное оцѣпенѣнiе, остыванiе, замерзанiе; тѣло становится льдомъ и душа чувствуетъ себя „заживо погребенной“. Самъ Гоголь опредѣляетъ это состоянiе, какъ нѣкое „обстоянiе бѣсовское“, нѣкую дьявольскую одержимость. Самое мучительное въ этой болѣзни было ощущенiе надвигающейся неминуемой смерти. „Повторяю тебѣ еще разъ, пишетъ Гоголь Языкову (1845), что болѣзнь моя серьезна. Только чудо Божiе можетъ спасти. Силы исчерпаны“. Тоже и въ письмѣ къ Шереметевой: „Силы мои гаснутъ: отъ врачей и ихъ искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно.“

Дьяволъ пытаетъ его страхомъ смерти, полнымъ отчаянiемъ въ выздоровленiи и тоской, толкающей на самоубiйство. Классическая послѣдовательность искушенiй.

Вспоминая черезъ годъ о пережитой болѣзни, Гоголь говоритъ, что „въ то время повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое то лекарство и облегченiе“.

И несмотря на страшное испытанiе, страдалецъ сохраняетъ свѣтлость духа, покорность волѣ Божьей и смиренiе. Описывая Шереметевой свою болѣзнь, онъ

прибавляетъ: „Впрочемъ я провелъ время (въ Парижѣ) хорошо, былъ почти каждый день въ нашей церкви, которая хороша, и доставила мнѣ много утѣшенія.“ Онъ настойчиво подчеркиваетъ въ своихъ письмахъ, что больна его плоть, а не духъ, что минуты унынія и отчаянія приходятъ все рѣже и рѣже и что Богъ былъ милостивъ къ нему въ это время, какъ никогда дотолѣ. Онъ пишетъ Смирновой, что живетъ въ Парижѣ, какъ въ монастырѣ, и что „былъ сподобленъ Богомъ вкусить небесныя и сладкія минуты“. Возвращаясь во Франкфуртъ, несмотря на три ночи и четыре дня, проведенные въ дилижансѣ, онъ не чувствуетъ себя изнуреннымъ: „Временами было такъ на душѣ легко, какъ будто бы ангелы пѣли, меня сопровождая“.

Но какія страшныя муки приходилось преодолѣвать Гоголю! Вотъ потрясающая въ своемъ лаконизмѣ записка его къ протоіерею И. И. Базарову (Франкфуртъ, 1845).

„Пріѣзжайте ко мнѣ причастить: я умираю.“

Въ Великомъ Посту Гоголь ѣздилъ въ Штуттгардъ говѣть въ русской церкви; въ іюнѣ, чувствуя себя снова умирающимъ, онъ причащался еще разъ въ Веймарѣ.

Къ іюлю, по всѣмъ вѣроятіямъ, относится первое сожженіе второй части „Мертвыхъ Душъ“. Трагическое это событіе осталось для насъ окруженнымъ тайной: въ перепискѣ о немъ глухіе намеки.

Изъ испытаній 1845 года Гоголь вышелъ окрѣпшимъ и просвѣтленнымъ. Онъ чувствовалъ, что побѣдилъ, огнемъ страданій „выжигалъ“ свои грѣхи. Отъ горделиваго самоутвержденія романтика-индивидуалиста осталось немного: Гоголь знаетъ, какъ немощна его душа и какъ мало въ ней любви. Не желаніемъ смиренія, а настоящимъ смиреніемъ полны теперь его слова:

„Крестомъ сложивши руки и поднявъ глаза къ Нему, будемъ ежеминутно говорить: „Да будетъ воля Твоя“,

и все练 примемъ, благословляя и самую тоску и скуку и тяжкую болѣзнь". (Смирновой, 1845).

Гоголь идетъ дальше въ смиренномъ познанiи самого себя: „Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ минутъ моихъ, и ни за какiя сокровища не захотѣлъ бы я, чтобы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состоянiй".

Онъ понялъ, принялъ и благословилъ свой крестъ. И это дѣлаетъ его подлинно трагическимъ лицомъ.

„Въ нѣсколько разъ выше подвигъ того, пишетъ Гоголь, кто не получая благодати, не отстаетъ отъ Бога и выноситъ крестъ, тягчайшiй всѣхъ крестовъ — крестъ черствости душевной".

Припомнимъ, что мы говорили о дѣтствѣ Гоголя, о первичномъ для него чувствѣ космическаго ужаса и страха смерти. Не сыновняя любовь приводитъ его къ Богу, а страхъ передъ возмездiемъ. Религiозный путь его — каменистая пустыня, та „страшная сердечная пустыня", которую онъ чувствовалъ съ раннихъ лѣтъ послѣ таинственнаго зова среди бѣла дня; та „остылость и черствость", на которую онъ сѣтуетъ во время кризиса 1833 года. И эта жалоба проходитъ унылой нотой черезъ всю его жизнь: „вопль душевный" никогда не умолкаетъ. Послѣ постановки „Ревизора" въ 36 году, онъ уѣзжаетъ за границу „размыкать свою тоску", въ 39 году, переживъ послѣднюю вспышку любви, снова погружается въ „мертвящую остылость чувства", во время прiѣзда въ Россiю въ 1841—42 году пребываетъ въ полномъ душевномъ оцѣпенѣнiи; въ 1845 году сравниваетъ себя съ человѣкомъ въ летаргическомъ снѣ, котораго готовятся живого зарыть въ землю и наконецъ, доходитъ до сознанiя: „крестъ черствости душевной".

Гоголь, страстно возлюбившiй добро и принесшiй всего себя на служенiе ближнимъ, былъ лишенъ простой непосредственной любви къ людямъ. Онъ дол-

женъ былъ „насильно“ любить, „насильно“ быть добрымъ. Двѣ половинки его луши, свѣтлая и темная, были: любовь и безлюбость, религіозное горѣніе и безблагодатность. Это трагическое противорѣчіе можно прослѣдить въ отношеніяхъ Гоголя къ друзьямъ: то самоотверженное служеніе, то холодное доктринерство; жутко читать нѣкоторыя письма его къ Погодину, Аксакову, сестрамъ, но особенно поражаютъ перебои заботливости и безсердечности въ перепискѣ съ матерью.

Въ потѣ лица, „насильно“ приходилось ему добывать себѣ простыя человѣческія чувства. „Черствость душевная“ — въ этомъ его метафизическая вина. Онъ не виноватъ въ томъ, что Господь не далъ ему „млека любви“, и тѣмъ не менѣе несетъ за это отвѣтственность. Не виноватъ, но отвѣтственъ. Здѣсь человѣческая справедливость нѣмѣетъ передъ правдой Божіей. Гоголь принимаетъ свои страданія, какъ заслуженныя.

* *
*

Послѣ болѣзни у него, какъ всегда, наступилъ приливъ радостной вѣры, творческой жажды и энергіи. Вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ была сожжена. „Обрадовавшись тому, что расписался кое-какъ въ письмахъ къ моимъ знакомымъ и друзьямъ, я захотѣлъ тотчасъ же изъ этого сдѣлать употребленіе, и едва только оправился отъ тяжкой болѣзни моей, какъ составилъ изъ нихъ книгу... Я боялся самъ разсматривать ея недостатки... зная, что если разсмотрю я построже мою книгу, можетъ она будетъ также уничтожена, какъ я уничтожалъ „Мертвыя Души“ и какъ уничтожалъ все, что ни писалъ въ послѣднее время“.

Это свидѣтельство „Авторской Исповѣди“ подтверждается письмомъ къ Языкову (1846): „Я какъ разсмотрѣлъ все то, что писалъ разнымъ лицамъ въ послѣднее время, особенно нуждающимся и требовавшимъ

отъ меня душевной помощи, вижу, что изъ этого можетъ составиться книга, полезная людямъ страждущимъ на разныхъ поприщахъ. Страданія, которыми страдалъ я самъ, пришлись мнѣ въ пользу, и съ помощью ихъ мнѣ удалось помочь другимъ". Такъ возникли „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Они выросли изъ страданій автора и предназначались на помощь другимъ страждущимъ. Въ нихъ видѣлъ онъ смыслъ ниспосланныхъ ему испытаній; они были результатомъ всего его душевнаго воспитанія. Наконецъ-то онъ управился со своимъ внутреннимъ хозяйствомъ, позналъ душу человѣка, очистился отъ своихъ пороковъ, возлюбилъ сильно родину и можетъ говорить; теперь наконецъ онъ готовъ объяснить, хотя отчасти, „причину долгаго своего молчанія и своей внутренней жизни".

Въ торжественныхъ выраженіяхъ проситъ онъ графиню А. М. Віельгорскую (1846): „Молитесь Богу, чтобы послалъ мнѣ свѣтлыхъ минутъ, нужныхъ для того, чтобы наконецъ, сказать все то, для чего я воспитывался внутри, для чего ниспосылались мнѣ и самыя тяжелыя минуты, и самыя болѣзни, за которыя я безпрерывно долженъ молить Бога". (Подчеркнуто Гоголемъ).

Итакъ „Переписка" — или экзаменъ на духовную зрѣлость, окончательная провѣрка, увѣнчаніе всего „душевнаго дѣла", — или же полная катастрофа. Ради нея переносились испытанія и недуги, ради нея избранъ былъ аскетическій, страннический путь, ради нея сжигались „Мертвыя Души". Выпуская въ свѣтъ „Переписку", Гоголь ставилъ на карту всѣ свои страданіями заработанныя духовныя сокровища.

Онъ торопился, переписывая статьи до обморочнаго состоянія, такъ какъ зналъ, что книга не только нужна, но нужна немедленно. Въ этомъ порукой была „необыкновенная милость Божія". „Все мнѣ далось вдругъ

на то время, пишетъ Гоголь Плетневу (1846): вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ, и продолжалось все это по тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка. Это просто чудо и милость Божія..." Чудомъ возникшая, провиденціальная книга. Первая книга, въ которой онъ посмѣлъ заговорить о „самомъ существенномъ".

---

7. „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.“

Въ свободной формѣ писемъ на самыя разнообразныя темы Гоголь создаетъ стройную и полную систему религiозно-нравственнаго мiровоззрѣнiя. Ее можно принимать или отвергать, но нельзя отрицать ея значительности. „Переписка“ есть плодъ долголѣтней, напряженной нравственной рефлексiи, большого духовнаго опыта. Въ нравственной области Гоголь былъ генiально одаренъ; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу отъ эстетики къ религiи, сдвинуть ее съ пути Пушкина на путь Достоевскаго. Всѣ черты, характеризующiя „великую русскую литературу“, ставшую мiровой, были намѣчены Гоголемъ: ея религiозно-нравственный строй, ея гражданственность и общественность, ея боевой и практическiй характеръ, ея пророческiй паѳосъ и мессiанство. Съ Гоголя начинается широкая дорога, мiровые просторы. Сила Гоголя была такъ велика, что ему удалось сдѣлать невѣроятное: превратить пушкинскую эпоху нашей словесности въ эпизодъ, къ которому возврата нѣтъ и быть не можетъ. Своимъ кликушествомъ, своимъ юродствомъ, своимъ „священнымъ безумiемъ“ онъ разбилъ гармонiю классицизма, нарушилъ эстетическое равновѣсiе, чудомъ достигнутое Пушкинымъ, все смѣшалъ, спуталъ, замутилъ; подхватилъ вихремъ русскую литературу и помчалъ ее къ невѣдомымъ далямъ. Не-

прочнымъ оказался русскій „космосъ"; хаосъ, скованный пушкинской плеядой, снова воцарился. Послѣ надрывнаго „душевнаго вопля" Гоголя, въ русской литературѣ стали уже невозможны „звуки сладкіе и молитвы". Отъ Гоголя все „ночное сознаніе" нашей словесности: нигилизмъ Толстого, бездны Достоевскаго, бунтъ Розанова. „День" ея, — пушкинскій златотканный покровъ, — былъ сброшенъ; Гоголь первый „больной" нашей литературы, первый мученикъ ея. Можно жалѣть о столь быстро промелькнувшемъ днѣ и содрогаться передъ страшнымъ ночнымъ „карлой" — авторомъ „Мертвыхъ душъ", но нельзя отрицать того, что великая русская литература вышла изъ подъ плаща — изъ подъ „Шинели" — этого „карлы". Безъ Гоголя, быть можетъ, было бы равновѣсіе, антологія, благополучіе: безконечно длящійся Майковъ, а за нимъ безплодіе; послѣ Гоголя — „полное неблагополучіе", міровой размахъ и міровая слава.

Попытаемся резюмировать „систему" Гоголя. Этическая геніальность автора „Переписки" заключается въ небывалой силѣ и напряженности его нравственнаго сознанія. Каждый человѣкъ обладаетъ нравственной интуиціей, различеніемъ добра и зла; у Гоголя она граничила съ ясновидѣніемъ, съ пламеннымъ вдохновеніемъ библейскихъ пророковъ. У него было особое чутье, какъ бы особый органъ воспріятія зла въ мірѣ и въ самомъ себѣ. Для него зло — не абстрактное понятіе, а онтологическая сущность; онъ былъ подлинно и ортодоксально вѣрующимъ человѣкомъ, а слѣдовательно реалистомъ. „Дьяволъ выступилъ уже безъ маски въ міръ" („Свѣтлое Воскресеніе"). Эти слова нужно понимать въ самомъ прямомъ смыслѣ: если же не принять мистическаго реализма Гоголя, то ужъ дальше итти за нимъ нельзя. Тутъ основа всего его міровоззрѣнія. Дьяволъ наводитъ сонъ на людей, околдовываетъ ихъ скукой, пошлостью, тоской.

„И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже, пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ". Для того, чтобы показать, какъ „пусто и страшно" и были написаны „Мертвыя Души".

Еще мучительнѣе для Гоголя сознаніе зла въ самомъ себѣ. Публичная исповѣдь, принесенная имъ на страницахъ „Переписки", (Третье письмо по поводу „Мертвыхъ Душъ") не имѣетъ себѣ подобнаго въ русской литературѣ. Никто до Гоголя не говорилъ такимъ тономъ, такимъ языкомъ. Въ словахъ этихъ слышится дрожь отвращенія и упоеніе позоромъ: „Во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ... Если бы ... онѣ открылись вдругъ и разомъ передъ моими глазами, ... я бы повѣсился... Съ тѣхъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственной дрянью... Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего... онъ бы точно содрогнулся".

Какое обнаженіе, какая нарочитая грубость и какое отчаяніе!

Но различеніемъ добра и зла нравственное сознаніе не ограничивается. Гоголь переживаетъ въ самой напряженной формѣ чувство своей отвѣтственности за зло. Мы знаемъ, что съ дѣтства его преслѣдовали страшныя видѣнія суда и возмездія; онъ прожилъ жизнь подъ терроромъ загробнаго воздаянія. За каждое слово и дѣло отвѣтитъ человѣкъ послѣ смерти; но особенно велика отвѣтственность писателя, ибо „слово есть высшій подарокъ Бога человѣку". Послѣ выхода въ свѣтъ „Мертвыхъ Душъ" Гоголь ожидалъ, что онѣ

потрясуть Россію, разбудять ее отъ мертваго сна. Но никто не заговорилъ. Точно Россія была населена въ самомъ дѣлѣ мертвыми душами. За этотъ грѣхъ отвѣтять и писатель и читатели. „Знаю, пишетъ Гоголь, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла; но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе.“

Переживая столь патетически грѣхъ и наказаніе, Гоголь истязалъ себя страхомъ, доводя до припадковъ и нервныхъ заболѣваній. Въ одномъ письмѣ къ Смирновой 1846 г. передъ нами немного приподнимается завѣса надъ застѣнкомъ, въ которомъ пыталъ себя Гоголь. „Эти болѣзненные страхи, пишетъ онъ, эти непонятныя безпокойства, эти безпрестанныя ожиданія чего-то страшнаго, долженствующаго сей же часъ разразиться, все это уже у меня было.“

Религіозное сознаніе писателя апокалиптично: горитъ земля, свиваются небеса, встаютъ изъ гробовъ мертвецы, растутъ страшилища изъ сѣмянъ нашихъ грѣховъ. Вотъ запись одного изъ „кошмаровъ, которые давили его душу“:

„Соотечественники, страшно... Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ... Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ насъ подымутся...“

Когда нравственное сознаніе доходитъ до апокалиптической раскаленности, когда экстазы смѣняются кошмарами и „стонетъ весь составъ“, душа человѣка или гибнетъ или перерождается. Страхъ возмездія можетъ парализовать ее, толкнуть въ пропасть безумія или же, напротивъ удесятерить силы. Гоголь изъ своего „ада“ вышелъ закаленнымъ бойцомъ. Романтикъ-

мечтатель превратился въ практическаго дѣятеля. Въ немъ окрѣпла нравственная воля и воинственный духъ.

Открывъ въ себѣ „собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей“, Гоголь преодолѣлъ уныніе; въ душѣ его загорѣлась жажда добра; первое изъ качествъ, данныхъ ему Богомъ, было „желаніе быть лучшимъ“. Вотъ какъ звучитъ его бранный кличъ:

„Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ.“ Сначала „мерзости“ его смущали: „я приходилъ отъ многаго въ уныніе и мнѣ становилось страшно за Россію“ — но потомъ, всмотрѣвшись въ мерзости, онъ просвѣтлѣлъ духомъ: „передо мною стали обнаруживаться исходъ, средства и пути“. Онъ возлюбилъ темную Россію, понялъ, что Божья сила именно въ ея немощности и грѣховности. „Увѣряю Васъ, пророчествуетъ Гоголь, что придетъ время, когда многіе у насъ на Руси изъ чистенькихъ горько заплачутъ, закрывъ руками лицо свое, именно отъ того, что считали себя слишкомъ чистыми.“ И здѣсь онъ впервые даетъ словесное выраженіе одной изъ основныхъ идей русской литературы, развитыхъ впослѣдствіи Толстымъ и Достоевскимъ. Нѣтъ на свѣтѣ правыхъ н виноватыхъ: всѣ виноваты передъ Господомъ. „Правосудіе у насъ, пишетъ Гоголь, могло бы исполняться лучше, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ, потому что изъ всѣхъ народовъ только въ одномъ русскомъ заронилась эта вѣрная мысль, что нѣтъ человѣка праваго и что правъ одинъ только Богъ.“ Этой идеѣ о „правдѣ“ русскаго народа, противостоящей „праву“ другихъ государствъ, суждена была блестящая будущность.

Вооруженный вѣрой въ конечное торжество добра, Гоголь идетъ въ бой: „Мы вышли на битву, и нечего тутъ выбирать, гдѣ поменьше опасностей; какъ добрый

воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякій туда, гдѣ пожарче битва. Всѣхъ насъ озаряетъ свыше небесный Полководецъ . . .“

Воинственные, рыцарскіе образы соотвѣтствуютъ средневѣковому міровоззрѣнію Гоголя. Какъ странно должны были прогремѣть эти фанфары среди мирныхъ садовъ россійской словесности. Программа борьбы должна быть самая простая, практическая, утилитарная. Писатель призванъ служить своему отечеству, приносить реальную и непосредственную пользу людямъ, быть добрымъ гражданиномъ и усерднымъ работникомъ. Искусство, литература, эстетика — не автономны; существованіе ихъ оправдывается только пользой, которую они приносятъ человѣчеству. Вотъ знаменательныя слова Гоголя: „Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни.“

Чтобы подчеркнуть практическій, земной характеръ своего ученія, авторъ склоненъ даже отрицать свою мистическую одаренность: онъ пришелъ ко Христу путемъ самаго дѣлового, прозаическаго „расчета“, путемъ изслѣдованія и изученія. Его не занимаютъ идеологія и метафизика; онъ говоритъ о дѣлѣ, о жизни, о землѣ. Мы читаемъ въ предисловіи къ „Перепискѣ съ друзьями“: „Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна и что она можетъ быть полезна . . . Никогда еще доселѣ не питалъ такого сильнаго желанія быть полезнымъ“.

Вся русская литература послѣдовала за Гоголемъ: отъ него ея браннолюбивый, практическій и гражданственный характеръ. Отъ Гоголя — Некрасовъ, Тургеневъ, Щедринъ, Толстой, Достоевскій, народники, революціонеры, реформаторы нашей литературы. Гоголь

не хочетъ индивидуальнаго спасенія души; тоскуя по созерцательной монашеской жизни, онъ ни на минуту не соблазняется мыслью о бѣгствѣ изъ міра. Спасаться можно только всемъ міромъ, со всѣми братьями. Вдохновенно призываетъ онъ къ служенію Россіи. „Нѣтъ выше званія, какъ монашеское... Но безъ зова Божія этого не сдѣлать... Монастырь вашъ Россія. Облеките же себя умственно рясой чернеца и всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней... Другъ мой, или у васъ безчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русскаго Россія."

Аскетизмъ Гоголя — не для личнаго спасенія, а для служенія. Христіанинъ аскетически отвергаетъ себя для подвига гражданскаго. Любовь, не абстрактная — къ человѣчеству, а живая — къ ближнимъ. Въ предчувствіи близкой смерти Гоголь пишетъ въ „Завѣщаніи": „Соотечественники, я васъ любилъ, любилъ той любовью, которую не высказываютъ, которую мнѣ далъ Богъ, за которую благодарю Его, какъ за лучшее благодѣяніе".

Отмѣтимъ послѣ военно-рыцарскихъ образовъ, образы монашескіе. Битва и монастырь, воинъ и монахъ — характерные аттрибуты средневѣкового міросозерцанія.

Религія Гоголя — соборная. Люди — братья, живущіе другъ для друга, связанные общей виной передъ Господомъ, круговой порукой и отвѣтственностью. Всякій индивидуализмъ и эгоистическая обособленность отъ дьявола. Въ духовной области нѣтъ частной собственности: все Божіе, всѣ дары посылаются для всѣхъ.

„Кто пріобрѣлъ крупицу мудрости, тотъ уже не имѣетъ права скрывать ее въ себѣ отъ другихъ: она не твоя, а Божіе достояніе. Богъ ее выработалъ въ тебѣ; всѣ же дары Божіи даются намъ затѣмъ, чтобы мы служили ими собратьямъ нашимъ."

Въ этой гоголевской идеѣ соборности и „службы“ раскрывается глубочайшая истина восточнаго православія.

* * *

Намѣтивъ въ этихъ чертахъ программу „дѣла жизни“, Гоголь долженъ былъ опредѣлить свой путь. Онъ былъ ему подсказанъ его христіанскимъ сознаніемъ; путь этотъ — поученіе и нравственное вліяніе. „Богъ повелѣлъ, утверждаетъ Гоголь, чтобы мы ежеминутно учили другъ друга.“ Извѣстно до какихъ наивныхъ крайностей доходило его ученіе о моральномъ воздѣйствіи губернатора и губернаторши на общество, помѣщика на крестьянъ и бюрократа на чиновниковъ. Другихъ способовъ, кромѣ проповѣди и личнаго примѣра, Гоголь не допускалъ. Любопытно сравнить его съ Бѣлинскимъ, стоявшимъ на той же почвѣ общественнаго реформаторства. Бѣлинскій признаетъ только внѣшніе, государственные методы преобразованія общества: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣна тѣлеснаго наказанія, измѣненіе государственнаго строя; у Гоголя всѣ методы внутренніе, психологическіе: перевоспитаніе души человѣка. Для матеріалиста Бѣлинскаго — бытіе опредѣляетъ сознаніе, для спиритуалиста Гоголя — сознаніе опредѣляетъ бытіе. Линія Бѣлинскаго привела черезъ интеллигенцію, народниковъ и марксистовъ къ современному коммунизму. Линія Гоголя возрождается въ пореволюціонномъ религіозномъ сознаніи. Психологическій путь Гоголя обусловленъ спиритуализмомъ всего его міровоззрѣнія. Душа въ центрѣ міра; все отъ нея исходитъ и къ ней возвращается. Въ ней ключъ ко всему.

„Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, а вдали отъ него ... въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему, — найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ; когда же найдешь,

тогда этимъ же самымъ ключомъ отопрешь души всѣхъ.“ Вотъ почему Гоголю понадобились долгіе годы подготовки, удаленія въ душевную пустыню для изученія и очищенія собственной души. И только наладивъ свое внутреннее хозяйство, онъ рѣшилъ выступить на поприщѣ общественно-религіознаго служенія. Поле борьбы добра со зломъ — человѣческая душа; ее можно исправлять поученіемъ, на нее можно вліять примѣромъ. Вѣра Гоголя въ плодотворность нравственнаго воздѣйствія связана съ его взглядомъ на душевное зло. Мы уже знаемъ, что злую силу въ мірѣ Гоголь мыслитъ онтологически, какъ вполнѣ реальную личность дьявола. Напротивъ, въ человѣческой душѣ онтологическаго зла онъ не видитъ. Пессимистъ въ планѣ космическомъ, Гоголь неожиданно превращается въ оптимиста въ планѣ психологическомъ. Въ душѣ человѣка зло не имѣетъ сущности: оно случайно, эмпирично, а потому вполнѣ преодолимо. Работа проповѣдника сводится не къ уничтоженію зла, а къ исправленію испорченнаго, искаженнаго добра въ душѣ грѣшника. „Другъ мой, пишетъ Гоголь, мы призваны въ міръ не затѣмъ, чтобы истреблять и разрушать, но, подобно Самому Богу, все исправлять къ добру, — даже и то, что уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло. Нѣтъ такого орудія въ мірѣ, которое не было бы предназначено на службу Бога.“

Но какъ же примирить съ этимъ заявленіемъ художественное творчество самого автора? Какъ оправдать чиновниковъ изъ „Ревизора“, помѣщиковъ изъ „Мертвыхъ Душъ“? Неужели и это царство пошлости и смерти въ глубинѣ своей таитъ добро? Гоголь вынужденъ рѣшиться на подобную, крайне произвольную, переоцѣнку. Онъ не хочетъ признать, что до религіознаго перелома, онъ былъ живописателемъ зла, а вовсе не скрытымъ проповѣдникомъ добра. Ему нужно связать двѣ половинки своей личности и дѣятельности

и онъ вступаетъ на скользкій путь мотивировки post factum.

Какъ бы ни былъ низокъ и порочен человѣкъ, природа его благородна: онъ извратилъ ее, рѣдко по злой волѣ, а большей частью по познанію. Вотъ любопытное утвержденіе въ „Перепискѣ“:

„Если вы узнаете плута не только какъ плута, но и какъ человѣка вмѣстѣ, если вы узнаете всѣ душевныя его силы, данныя ему на добро и которыя онъ поворотилъ во зло или вовсе не употребилъ, тогда Вы сумѣете такъ попрекнуть его имъ же самимъ, что онъ не найдетъ себѣ мѣста, куда ему укрыться отъ самого же себя... и тогда вы почувствуете, какъ благородна наша русская порода даже въ плутахъ.“ Какъ же происходитъ это извращеніе добра въ душѣ человѣка? Главная причина — заключается въ болѣзни нашего времени, во всеобщемъ недовольствѣ. Каждый хочетъ быть не тѣмъ, что онъ есть; отсюда путанница, вихрь недоразумѣній, раздоры и всевозможные пороки. Діагнозъ неожиданный и своеобразный. Еще болѣе неожиданно слѣдующее утвержденіе: наша жажда быть не тѣмъ, что мы есть, „можетъ быть происходитъ отъ прекраснаго источника — быть лучше“.

Когда отъ сужденій нормативныхъ Гоголь переходитъ къ діагностикѣ, почва уходитъ изъ подъ его ногъ. Опредѣленіе русской болѣзни, какъ жажды быть не тѣмъ, что есть, заявленіе, что всѣ пороки проистекаютъ изъ желанія быть лучше — причудливое доктринерство. Такъ же фантастично разсужденіе о томъ, что въ настоящее время всѣ до единаго грѣшатъ не прямо, а косвенно; что грѣхи эти „не отъ разврата, а отъ невѣдѣнія“: стоитъ только проповѣднику показать „всю цѣпь косвенныхъ преступленій“, какъ грѣшникъ „облобызаетъ его, какъ спасителя“. Все несчастье въ томъ, что человѣкъ не знаетъ ни самого себя, ни жизни. „Велико незнаніе Россіи посреди Россіи“. Такимъ

образомъ моральная проповѣдь превращается въ лекціи по самообразованію и нравственность замѣняется познаніемъ. Трогательно и смѣшно изображеніе „честнаго, но близорукаго богача", у котораго „дыбомъ поднимется волосъ", если только ему показать картину голода въ Россіи; или модницы, которой „не пойдетъ на умъ какая нибудь шляпка или модное платье", стоитъ лишь объяснить ей, что изъ-за ея нарядовъ мужъ ея беретъ взятки. Такъ постепенно всѣ пороки и грѣхи русскаго человѣка сводятся къ „прекраснымъ источникамъ". Какъ отъ геніальныхъ прозрѣній въ области нравственности Гоголь могъ спуститься до такого наивнаго утопизма въ психологіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ показаться парадоксальнымь: Гоголь совсѣмъ не психологъ; у него былъ великій художественный талантъ и большая нравственная одаренность. Онъ художникъ слова, юмористъ, лирикъ, мастеръ гротеска и фантастики, но все его творчество — не въ психологическомъ планѣ; онъ не создалъ ни одной живой души, ни одного реальнаго характера. Маски и автоматы, сдѣланные имъ, такъ выразительны, такъ динамичны, что издали ихъ можно принять за настоящихъ людей; но попробуйте проанализировать Сквозника-Дмухановскаго или Чичикова и вы сразу почувствуете, что вмѣсто души у нихъ мѣшокъ съ отрубями. Гоголь съ дѣтства ощущалъ міровое зло, какъ начало омертвѣнія и смерти. Пока онъ оставался вѣренъ своей интуиціи, онъ геніально выдумывалъ мертвыя души, такъ геніально, что даже Пушкинъ повѣрилъ въ ихъ реальность. Гоголь разсказываетъ, что послѣ чтенія поэмы Пушкинъ произнесъ: „Боже, какъ грустна Россія". И прибавляетъ знаменательную фразу: „Меня это изумило: Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка".

Когда же, вопреки интуиціи, Гоголь пожелалъ всѣ

„мерзости“ свести къ „прекрасному источнику“ и путемъ нравственнаго воспитанія передѣлать мертвыя души въ живыя, онъ потерпѣлъ пораженіе. Психологическая теорія зла, какъ искаженія добра, изложенная въ „Перепискѣ“ оказалась холодной утопіей.

* * *

Психологія Гоголя тѣсно связана съ его соціологіей. Идеальный соціальный укладъ представлялся ему въ формѣ патріархальнаго крѣпостного права и натуральнаго помѣщицьяго хозяйства. Онъ искренне былъ увѣренъ, что появленіе „Одиссеи“ въ переводѣ Жуковскаго „произведетъ эпоху“ не только въ литературѣ, но и въ общественности; что поэма поразитъ „величавою патріархальностью древняго быта, простотою и несложностью общественныхъ пружинъ“. Вліяніе Гомера должно быть особенно сильно въ Россіи, ибо русская природа сохранила большое сродство съ древней патріархальностью. Этимъ уже опредѣляется соціальная программа Гоголя: консерватизмъ и легитимизмъ; не движеніе впередъ, а возвращеніе вспять, не реформы, а болѣе строгое исполненіе „обычаевъ старины и обрядовъ“. Все зло отъ безпокойнаго духа. „Всякому теперь кажется, что онъ могъ бы надѣлать много добра на мѣстѣ и въ должности другого, и только не можетъ его сдѣлать въ своей должности. Это причина всѣхъ золъ... Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ“.

Итакъ, преобразованіе общества начинается съ приказа: всѣмъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Не рвать ни одной традиціи, не измѣнять ни одного учрежденія. Ибо всѣ институты, законы, должности и установленія — совершенны. „Чѣмъ больше всматриваешься въ организмъ управленія губерній, чѣмъ болѣе

изумляешься мудрости учредителей: слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей".

Соціальное зло не въ законахъ и учрежденіяхъ, а въ извращеніи ихъ грѣшными людьми; посему каждую должность и каждое сословіе надлежитъ ввести въ законныя границы, а „всякаго чиновника губерніи въ полное познаніе его должности". Если, напримѣръ, объяснить дворянству, что Россія несчастна потому, что „низкіе разночинцы" опозорили разныя неприманчивыя мѣста и должности, то оно „встрепенется" и „отбою не будетъ отъ желающихъ вступить въ службу".

Преобразовать Россію можно не нововведеніями, а генералъ — губернаторами. „Въ Россіи можетъ этому дать начало всякій генералъ — губернаторъ ввѣренной его управленію области, и какъ просто, — ничѣмъ другимъ, какъ только собственной жизнью своей".

Когда должности и сословія войдутъ въ законныя границы, Россія вернется къ своему исконному патріархальному строю. Основа его — іерархія, основанная на любви. Губернаторъ — отецъ истинный всѣмъ своимъ подчиненнымъ; всѣ чиновники его дѣти; союзъ любви связываетъ самыя высокія общественныя ступени съ самыми низшими. Губернаторъ объясняетъ дворянамъ ихъ долгъ по отношенію къ крестьянамъ: „чтобы тѣ позаботились о нихъ (крестьянахъ) истинно, какъ о своихъ кровныхъ и родныхъ, а не какъ о чужихъ людяхъ, и такъ бы взглянули на нихъ, какъ отцы на дѣтей своихъ". Въ письмѣ „Русскій помѣщикъ" Гоголь излагаетъ своеобразную экономику: помѣщикъ — хозяинъ, отецъ своихъ крестьянъ, долженъ строить свое хозяйство на Св. Писаніи, растолковывая мужикамъ, что Самъ Богъ повелѣлъ имъ трудиться, примѣрныхъ мужиковъ хвалить, а „негодяевъ" распекать: „Ахъ ты, невымытое рыло!" Въ этомъ же письмѣ есть христіанское обоснованіе богатства: „Въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ

мужики лопатами гребутъ серебро"; и защита невѣжества: „Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги". Однимъ словомъ идеалъ христіанина — богатый хозяинъ, вродѣ Констанжогло или Муразова изъ второй части Мертвыхъ Душъ! Натуральное хозяйство, основанное на принудительномъ крестьянскомъ трудѣ, возглавляется главномъ хозяиномъ — царемъ, который долженъ отчитываться передъ Небеснымъ Хозяиномъ. И государство и общество Гоголь мыслилъ только въ планѣ хозяйственномъ. Его построеніе можно назвать Экономическимъ утопизмомъ.

* * *

Схему гоголевскаго соціальнаго строя можно представить себѣ въ видѣ іерархической лѣстницы, на которой расположены должности и сословія: стоящіе на одной ступени — отцы по отношенію къ низшей и дѣти по отношенію къ высшей. Снизу вверхъ изъ рукъ въ руки передается пламя любви, достигающее, наконецъ, престола. На немъ сидитъ Монархъ, возносящій любовь дѣтей своихъ къ Богу.

„Какъ это вѣрно, — восклицаетъ Гоголь, — что полная любовь не должна принадлежать никому на землѣ. Она должна быть передаваема по начальству, и всякій начальникъ, какъ только замѣтитъ ея устремленіе къ себѣ, долженъ въ ту же минуту обращать ее къ поставленному надъ нимъ высшему начальству, чтобы такимъ образомъ, добралась она до своего законнаго источника, и передалъ бы ее торжественно въ виду всѣхъ всѣми любимый царь самому Богу".

Мы уже неоднократно отмѣчали въ міровоззрѣніи Гоголя черты средневѣковья. Начертаніе этой лѣстницы

вполнѣ въ духѣ феодальнаго строя. Гоголь напрасно выставляетъ идеаломъ „Одиссею“; въ античности онъ видѣлъ только простоту нравовъ и патріархальность, т. е. тѣ черты, которыя соотвѣтствовали его средневѣковому сознанію. Соціальная пирамида остріемъ своимъ упирается въ небо; Царь — посредникъ между небомъ и землей. „Власть Государя, — пишетъ Гоголь, — явленіе безсмысленное, если онъ не почувствуетъ, что долженъ быть образомъ Божьимъ на землѣ . . . Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единаго человѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое, возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, Государь пріобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, которой одинъ только можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся человѣчеству“. Со всѣхъ ступеней общественной лѣстницы волны любви устремляются въ одну точку — къ трону; и навстрѣчу имъ стремится столь же сильный потокъ монаршей любви. Въ этой встрѣчѣ двухъ любовныхъ токовъ, въ концентраціи и объединеніи всего народа въ любви — и заключается смыслъ монархіи.

Какъ непохожъ этотъ апофеозъ власти у Гоголя на монархизмъ „Москвитянина“, на программу Шевырева и на уваровскую формулу! Это — не „реальная политика“, а чистая романтическая утопія, вродѣ произведенія Новалиса: „Вѣра и любовь, какъ король и королева“. Гоголь видѣлъ передъ собой не мрачную николаевскую Россію, а мистическое царство, нѣкій святой градъ Китежъ; царь представлялся ему не въ образѣ могущественнаго и грознаго властелина, а въ образѣ страдальца и молитвенника. Онъ воплощеніе небесной любви, образъ страдающаго Христа; гоголевскій монархъ, день и ночь „скорбящій, рыдающій и молящійся“ болѣе похожъ на средневѣко-

вого короля Людовика Святого, чѣмъ на русскаго самодержца Николая Перваго.

* * *

Религіозная концепція власти приводитъ Гоголя къ основной и завершающей идеѣ его книги: къ построенію единой христіанской культуры, къ религіозному обоснованію государства и хозяйства, къ полному оцерковленію міра. И если при построеніи христіанскаго царства Гоголю мѣшало его полное незнаніе русской дѣйствительности, то здѣсь въ ученіи о церкви этого препятствія для него не было: онъ зналъ церковь, глубоко чувствовалъ и понималъ духъ православія. Эта часть „Переписки" самая значительная. Никогда еще въ русской литературѣ не раздавался голосъ такой сыновней любви, скорби и благоговѣнія къ православной Церкви. Въ призывѣ къ церковной жизни Гоголь подавалъ руку Хомякову, Ивану Кирѣевскому и другимъ славянофиламъ и ставилъ передъ русской литературой проблему религіознаго оправданія культуры.

„Мы вообще знаемъ плохо нашу церковь, — пишетъ Гоголь. — Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. Церковь . . . одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши, можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, — и эта Церковь нами незнаема. И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь . . . Жизнью нашею мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть жизнь."

Гоголь мечтаетъ о руководящей, объединяющей, просвѣщающей роли Церкви; европейской цивилизаціи, основанной на естественныхъ наукахъ и техникѣ, онъ противоставляетъ подлинное, духовное просвѣщеніе.

„Просвѣтить, — пишетъ Гоголь, — не значитъ научить или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви . . . Архіерей, въ торжественномъ служеніи своемъ, подъемля въ обѣихъ рукахъ и троесвѣщникъ, знаменующій Троицу Бога, и двусвѣщникъ, знаменующій Его сходившее на землю Слово въ двойномъ естествѣ Его, и Божескомъ и человѣческомъ, всѣхъ ими освѣщаетъ, произнося: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“.

Авторъ сознаетъ, что его книгу не поймутъ и осудятъ, что не признаютъ ни его учительскаго, ни его пророческаго служенія. И онъ оправдываетъ свое дерзновеніе, какъ оправдывали его во всѣ времена всѣ пророки: призваніемъ свыше.

„Мнѣ ставятъ въ вину, говоритъ Гоголь, что я заговорилъ о Богѣ . . . Что же дѣлать, если говорится о Богѣ? Что же дѣлать, если наступаетъ такое время, что невольно говорится о Богѣ? Какъ молчать, когда камни готовы завопить о Богѣ“.

* * *

Въ заключеніе разсмотримъ взглядъ Гоголя на судьбы Россіи. Подъ вліяніемъ и въ полномъ согласіи со славянофилами Гоголь считаетъ Россію страной, особо избранной Промысломъ Божьимъ. Въ русской лирикѣ есть „что-то близкое къ библейскому“, и какое то „пророчество о Россіи“.

„Зачѣмъ же ни Франція, ни Англія, ни Германія не заражены этимъ повѣтріемъ и не пророчествуютъ о себѣ, а пророчествуетъ только одна Россія? Затѣмъ, что она сильнѣе другихъ слышитъ Божію руку на всемъ что ни сбывается въ ней и чуетъ приближеніе

иного царствія: оттого и звуки становятся библейскими у нашихъ поэтовъ". Россія ближе другихъ странъ подошла ко Христу; въ народной душѣ безсознательно живетъ правда Христова. Русское государство — христіанское, болѣе того „небесное государство", почти что царство Божіе. „Служить теперь долженъ изъ насъ всякъ не такъ, какъ бы служилъ онъ въ прежней Россіи, но въ другомъ небесномъ государствѣ, главой котораго уже Самъ Христосъ". Въ такой характерной для Гоголя гиперболической формѣ выражена русская мессіанская идея.

Въ заключительномъ письмѣ „Переписки съ друзьями", названномъ „Свѣтлое Воскресеніе" (несомнѣнно самомъ замѣчательномъ изъ писемъ), Гоголь спрашиваетъ, почему только въ одной Россіи такъ радостно и торжественно празднуется Свѣтлое Воскресеніе? Почему мы вѣримъ, что свѣтъ грядущей Пасхи загорится сначала въ Россіи и изъ нея разольется по всему міру? Мы не лучше другихъ народовъ и не ближе жизнью ко Христу, чѣмъ они. Но мы вѣримъ, что въ славянской природѣ есть „начало братства Христова", есть отвага покаянія и любви, есть неустройство наше, дающее намъ гибкость „расплавленнаго металла", есть единеніе всѣхъ сословій. „Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно русскаго и что освящено Самимъ Христомъ. Разнесется звонкими струнами поэтовъ, развозвѣстится благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшее — и праздникъ Свѣтлаго Воскресенія воспразднуется какъ слѣдуетъ прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ".

* * *

Въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" Гоголь явился провозвѣстникомъ идеи о цѣльности

духовной культуры[1]), о ея религіозномъ обоснованіи, объ устроеніи человѣческого общества на основахъ церковной соборности, о преображеніи міра путемъ внутренняго просвѣтленія человѣка, о іерархическомъ строеніи государства и мистическомъ смыслѣ верховной власти. Онъ хотѣлъ свернуть ходъ русской исторіи съ путей матеріализма на пути къ новому средневѣковью[2]). Въ области литературы, книга Гоголя знаменовала собой поворотъ отъ искусства къ религіи[3]). М. О. Горшензонъ называетъ ее самой общественной книгой въ русской литературѣ[4]).

Гоголь былъ правъ, считая свою книгу „пробнымъ камнемъ": она явилась той крупицей соли, отъ которой въ насыщенномъ растворѣ начинается кристаллизація; она проявила и обострила процессъ раздвоенія, который происходилъ втайнѣ въ глубинѣ русскаго сознанія. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ интеллигенція медленно отходила отъ религіи: западники въ лицѣ Бѣлинскаго, Герцена, Бакунина неудержимо стремились въ сторону лѣваго гегельянства, которое упиралось въ атеизмъ и матеріализмъ. „Переписка" Гоголя обнаружила, что русское общество уже распалось на два враждебныхъ лагеря и что разъединяютъ его не столько споры о Востокѣ и Западѣ (славянофилы и западники), не столько распри политическія (консерваторы и либералы), сколько проблема о религіозномъ призваніи Россіи. Гоголь утверждалъ, что смыслъ національнаго бытія Россіи — религіозный; что она страна мессіанская, призванная распространить по всему міру Свѣтъ Христова Просвѣщенія. На тезу Гоголя отъ лица русской интел-

1) Мысль эта развита подробно въ статьѣ В. В. Зѣньковскаго: „Gogol als Denker" (Zeitschrift für slavische Philologie. Band IX, Heft 1—2, 1932).

2) Выраженіе Н. А. Бердяева. См. его книгу „Новое средневѣковье". Берлинъ, 1924.

3) См. Д. Мережковскій „Судьба Гоголя", Новый Путь, 1903 г.

4) М. О. Гершензонъ. Историческія записки. Москва, 1910 г.

лигенціи отвѣтилъ Бѣлинскій; въ своемъ знаменитомъ Зальцбруннскомъ письмѣ онъ выставилъ обратную тезу: „Россія, — пишетъ Бѣлинскій, — видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піетизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія и гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ), не молитвы (довольно она твердила ихъ), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства . . .

. . . По вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь . . . Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко атеистическій народъ“.

Теза Гоголя — русскій народъ самый религіозный въ мірѣ столкнулась съ антитезой Бѣлинскаго — русскій народъ глубоко атеистическій. Споръ былъ вынесенъ на судъ всего общества: всѣ читали „Переписку съ друзьями“, а письмо Бѣлинскаго распространилось въ рукописномъ видѣ по всей Россіи и не было ни одного уѣзднаго фельдшера, ни одного городского учителя, которые не знали бы его наизусть. Этотъ „манифестъ русской революціи“ имѣлъ трагическое вліяніе на судьбу Россіи: въ немъ благородный и справедливый пафосъ свободы и человѣчности былъ незаконно соединенъ съ борьбою противъ церкви и религіи. Съ этихъ поръ въ сознаніи интеллигента-революціонера понятіе самодержавія связалось съ понятіемъ православія.

Тяжба между Гоголемъ и Бѣлинскимъ была рѣшена въ пользу послѣдняго. Призывъ Гоголя оказался гласомъ въ пустынѣ. Его услышала только горстка слвянофиловъ; за Бѣлинскимъ пошло громадное большинство. Россія вступала въ эпоху 50—60 годовъ, эпоху ликвидаціи идеализма, отреченія отъ духа и погруженія въ матерію; начиналось сниженіе идейнаго уровня, сумерки культуры. Но на голосъ Гоголя откликнулся Достоевскій.

8. Религіозный кризисъ (1847—1848 гг.).

Весь Январь мѣсяцъ 1847 года Гоголь провелъ въ хлопотахъ по изданію „Переписки съ друзьями“. Цензура не пропустила нѣсколько писемъ, которыя автору казались самыми значительными. Онъ проситъ Плетнева хлопотать передъ цензоромъ и, въ случаѣ неудачи, представить непропущенныя письма на просмотръ Государя, составляетъ „проэктъ всеподданнѣйшаго письма“ императору, обращается къ протекціи графа Вьельгорскаго, жалуется Смирновой, волнуется, отчаивается и, наконецъ, отъ тревоги заболѣваетъ. Извѣстіе о смерти Языкова лишаетъ его послѣднихъ силъ. Но несмотря на всѣ невзгоды и недуги, внутренне Гоголь торжествуетъ. Никогда онъ еще не испытывалъ такого самоудовлетворенія, такой радости исполненнаго долга, такой вѣры въ свое призваніе. Высокомѣрно и сурово наставляя мать и сестру въ истинно — христіанской жизни (письмо отъ 25 Января), онъ даетъ имъ понять свою непогрѣшимость и продолжаетъ въ тонѣ, въ какомъ никогда еще не писалъ, даже роднымъ: „Я именно затѣмъ и ѣду въ Іерусалимъ, чтобы имѣть право возвратиться въ Россію и начать, наконецъ, мою службу истинную отечеству, къ которой такъ долго приготовляюсь или лучше, къ которой готовитъ меня Самъ Богъ“.

Со скромностью великаго человѣка Гоголь отвѣчаетъ Плетневу: „Зачѣмъ ты называешь великимъ дѣломъ появленіе моей книги? Это и неумѣренно и несправедливо. Появленіе моей книги было бы дѣломъ не великимъ, но точно полезнымъ“...

Ни къ одному своему произведенію Гоголь не относился съ такой ревнивой любовью, какъ къ „Перепискѣ“. Она была дитятей его сердца. Болѣзненно переживаетъ онъ цензурныя урѣзки: „Съ меня сдираютъ не только рубашку, но и самую кожу“, пишетъ онъ Плетневу. „Точно какъ бы передъ глазами зарѣзали мое любимѣйшее дитя, такъ мнѣ тяжело бываетъ это цензурное убійство“. Онъ умоляетъ друзей собирать отзывы, толки и пересуды объ его книгѣ и даже откладываетъ отъѣздъ въ Святую Землю, желая дождаться „прекрасной жатвы“.

Наконецъ, „Переписка“ стала извѣстна въ Россіи. „Мнѣ прочли какъ-то два раза его книгу“, пишетъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія и продиктовалъ Гоголю небольшое, но жестокое письмо“.

Къ этому письму онъ приложилъ письма Свербеева и его жены. Вотъ, что въ нихъ прочелъ Гоголь. Свербеевъ нашелъ въ „Перепискѣ“: уничиженіе паче гордости, гордость смиренія и надувательство, а одинъ его пріятель „во всеуслышаніе объявилъ, что авторъ писемъ отнынѣ долженъ называться не Николаемъ, а Тартюфомъ Васильевичемъ“.

Свербеева нашла въ „Перепискѣ“ „странную гордыню“ и только „обманчивый отблескъ христіанскаго смиренія“.

Аксаковъ называлъ гордость Гоголя дьявольской и писалъ: „Книга Ваша вредна, она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій“.

Замѣтимъ, что такъ писали московскіе друзья, сла-

вянофилы, люди однихъ убѣжденій съ Гоголемъ. Что же скажутъ враги?

Эти письма произвели на Гоголя страшное впечатлѣніе: ударъ былъ столь неожиданный и жестокій, что Гоголь растерялся. Отъ упоенія собственнымъ величіемъ онъ съ невѣроятной быстротой переходитъ къ полному самоуничиженію. Правда, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ страдалъ безсонницей, и душевныя силы его были истощены, — но все же внезапность этого переворота поразительна. „Появленіе книги моей, — пишетъ Гоголь Жуковскому 6 Марта, — разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому... Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Какъ мнѣ стыдно за себя, какъ мнѣ стыдно передъ тобою, добрая душа... Право, есть во мнѣ что-то хлестаковское“. Тоже, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, повторяется въ письмѣ къ отцу Матвѣю (9 Мая): „Есть люди, которымъ нужна публичная, въ виду всѣхъ данная оплеуха. Это я сказалъ гдѣ-то въ письмѣ, хотя и не зналъ еще тогда, что получу самъ эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная оплеуха“.

Мучительно читать эти униженныя, постыдныя самообвиненія, это навязчивое повтореніе слова „оплеуха“. Есть что-то патологическое въ гоголевскомъ изступленномъ самобичеваніи. Онъ кается въ своей „незрѣлости“, „рѣзкости“, „дикости и заносчивости“, „въ самоувѣренности“, „самоослѣпленіи“, „невоспитаніи“; онъ болѣетъ „незнаніемъ многихъ вещей въ Россіи“, онъ возомнилъ о себѣ, что можетъ поучать другихъ, а на самомъ дѣлѣ все еще ученикъ и т. д. Но охотно и даже съ нѣкимъ наслажденіемъ обвиняя себя, Гоголь упорно защищаетъ свое дѣтище. Перечисливъ недостатки „Переписки“, онъ прибавляетъ: „Право, трудъ мой больше полезный и существенный, чѣмъ

думаютъ многіе“. По его мнѣнію, книга была полезна прежде всего самому автору; благодаря ей, онъ узналъ, какъ онъ еще далекъ отъ совершенства; не было бы ея, не посыпалось бы на него все это множество спасительныхъ для него упрековъ; безъ появленія „Переписки“ не устремилось бы за его душу столько чистыхъ молитвъ.

„Повѣрь, что безъ этой книги не было бы на чемъ испробовать нынѣшняго человѣка. А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, несмотря на всѣ ея недостатки — сокровище“. (Плетневу, 17 Апрѣля).

Между тѣмъ удары сыпались за ударами: русское духовенство, въ лицѣ архіепископа Иннокентія, о. Брянчанинова и о. Матвѣя Константиновскаго, сурово осудило переписку. Даже послѣ жестокаго письма о. Матвѣя Гоголь все еще не сдается: „Не могу скрыть отъ Васъ, — отвѣчаетъ онъ отцу Матвѣю, — что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе, и я дамъ за нее отвѣтъ Богу. Я нѣсколько времени оставался послѣ этихъ словъ въ состояніи упасть духомъ; но мысль, что безгранично милосердіе Божіе, меня поддержала... Цѣль моей книги была добрая“. Какъ могло случиться, что представители церкви ополчились противъ книги, въ которой заключалась вдохновенная защита православія? Почему славянофилы пришли въ „восторгъ отъ негодованія“? Гоголь правъ, жалуясь С. Т. Аксакову на „вихрь недоразумѣній“. „Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины — этого я и самъ не могу понять“,

Послѣ осужденія со стороны духовныхъ особъ посыпались безпощадные отзывы въ печати Павлова, Галахова, Бѣлинскаго. Статья послѣдняго въ „Современникѣ“ вызвала письмо Гоголя къ ея автору, въ отвѣтъ на которое Бѣлинскій написалъ свое извѣстное письмо отъ 3 Іюля изъ Зальцбрунна. По его мнѣнію —

Гоголь апостолъ кнута и невѣжества и не христіанинъ. „Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, — писалъ Бѣлинскій, — кому тяжко зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей, тотъноситъ Христа въ груди своей, и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненной боязнью смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги".

До насъ дошли черновики отвѣта Гоголя Бѣлинскому: они безсвязны и безпомощны. Гоголь не могъ болѣе защищать свою книгу; онъ былъ окончательно разбитъ. Только черезъ мѣсяцъ посылаетъ онъ Бѣлинскому короткое письмо, въ которомъ признаетъ свое пораженіе. „Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено. Могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженія еще прежде, нежели я получилъ письмо Ваше. Богъ вѣсть, можетъ быть въ словахъ вашихъ есть часть правды".

. . . .

Больной, измученный и душевно неуравновѣшенный, авторъ „Переписки" изъ одной крайности переходитъ къ другой. Онъ рѣшительно отрекается отъ своего учительскаго призванія. „Упреки же, равно какъ и совѣты мои, — пишетъ онъ матери 7 Іюля, — я прекратилъ потому, что увидѣлъ свое собственное безобразіе и почувствовалъ, что мнѣ необходимѣй дѣлать самому себѣ упреки и давать себѣ самому совѣты". То же отреченіе отъ нравственнаго служенія выражено въ письмѣ къ Жуковскому (Декабрь 1847 г.). „Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Мое дѣло говорить живыми образами, а не разсужденіями. Я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни".

Это отступничество стоило Гоголю страшныхъ страданій. Нѣкоторыя его письма — одинъ сплошной стонъ. „Ради самаго Христа, прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія . . . . . . изъ милосердія прошу васъ войти въ мое положеніе, потому что душа

моя изныла, какъ ни крѣплюсь...“ (Аксакову 10 Іюля) и въ „Авторской Исповѣди“: „Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ“.

* * *

Въ Маѣ 1847 года Гоголь пишетъ „Авторскую исповѣдь“, въ которой старается объяснить, почему онъ оставилъ искусство ради проповѣди, и разсказываетъ „повѣсть своего писательства“. Приписывая неуспѣхъ „Переписки“ своему незнанію современнаго русскаго человѣка, онъ спрашиваетъ себя: „Долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ писать?“ и отвѣчаетъ отрицательно. „Мнѣ, вѣрно, потяжелѣе, чѣмъ кому-либо другому отказаться отъ писательства, когда это составляетъ единственный предметъ всѣхъ моихъ помышленій... Но, повторяю вновь, какъ честный человѣкъ, я долженъ положить перо даже и тогда, если бы чувствовалъ позывъ къ нему“.

Это самый трагическій моментъ въ жизни Гоголя: все воздвигнутое имъ зданіе учительства, государственнаго служенія, общественной пользы — рушится сразу; возвращеніе къ художественному творчеству невозможно; „какъ честный человѣкъ“ онъ долженъ отказаться отъ всякаго писательства.

Что же у него остается послѣ двойного отреченія? Пройденный имъ тяжкій духовный путь? Купленный столькими страданіями мистическій опытъ? А что если и они — заблужденіе? Въ серединѣ сороковыхъ годовъ Гоголь переживаетъ послѣдній и жесточайшій кризисъ — кризисъ религіозный. Онъ начинаетъ сомнѣваться въ самомъ интимнымъ и святомъ — въ своей близости ко Христу, въ своей любви къ Богу. А что если правъ Аксаковъ, толкующій о его союзѣ съ дьяволомъ, и онъ дѣйствительно пребываетъ въ грѣ-

ховномъ ослѣпленіи и „прелести“? Гоголь вступаетъ въ послѣдній кругъ своего ада — въ пустыню богооставленности. Раньше онъ говорилъ о Богѣ, потому что ему „невольно говорилось“, потому что это было ему дано свыше; теперь он полонъ опасеній, недовѣрчивости, сомнѣній; какъ внезапно ослѣпшій, боязливо шаритъ вокругъ себя. Въ письмѣ къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому, Гоголь пишетъ: „Я далъ себѣ слово остановиться писать, видя, что нѣтъ на это воли Божьей. Говорить о мелкомъ и ничтожномъ въ жизни не хочется; говорить же о высокомъ, — но тутъ на всякомъ шагу встрѣтишься со Христомъ и можешь наговорить нелѣпостей“. Такъ легко отрекается онъ отъ себя, такъ покорно и смиренно повторяетъ то, что внушили ему его враги.

До чего дойдетъ онъ въ своемъ самоуничиженіи гдѣ остановится его самоубійственное изувѣрство? Въ письмѣ къ Шереметевой Гоголь пишетъ, что онъ „еще ученикъ во всемъ“, что это открытіе его смирило; и прибавляетъ, въ видѣ намека: „и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы охладило меня и въ томъ, въ чемъ бы я никогда не хотѣлъ охлаждаться“.

Отъѣздъ въ Святую Землю откладывался съ мѣсяца на мѣсяцъ; придумывались разные предлоги, а между тѣмъ причина была вполнѣ ясна: у Гоголя пропала охота ѣхать въ Іерусалимъ.

„Не ѣхать въ Іерусалимъ, — пишетъ Гоголь Погодину, — какъ-то стало даже совѣстно. Если нѣтъ внутренняго желанія такъ сильнаго какъ прежде, то все таки слѣдуетъ хоть поблагодарить за все случившееся...“

О тѣхъ же сомнѣніяхъ говоритъ онъ и Шевыреву (письмо изъ Неаполя 2 Декабря 1847 г.):

„Признаюсь, часто даже находитъ на меня мысль: зачѣмъ я поѣду теперь въ Іерусалимъ? Прежде я былъ, по крайней мѣрѣ, въ заблужденіи насчетъ самого себя... Я думалъ, что молитвы мои что-нибудь

будутъ значить у Бога... Теперь думаю: не будетъ ли оскорбленіемъ святыни мой пріѣздъ и поклоненіе мое? Если бы Богу было угодно мое путешествіе, возгорѣлось бы въ груди моей и желаніе сильнѣе и все бы меня тянуло туда, и не посмотрѣлъ бы я на трудности пути. Но въ груди моей равнодушно и черство...“

Обратимъ вниманіе на преувеличенность самоуничиженія; Гоголь не знаетъ середины: или онъ избранникъ Божій, святой или такой грѣшникъ, одно поклоненіе котораго оскверняетъ святыню. Тутъ и юродство, и гордыня на изнанку, и самоистязаніе.

Мысль эта развивается: Гоголь начинаетъ думать, что онъ особенный, необыкновенный грѣшникъ, что и въ грѣхѣ онъ не такой, какъ всѣ люди. Вотъ что онъ пишетъ отцу Матвѣю (9 Мая 1847 г.): „Вы видите сами, что обо мнѣ нужно молиться болѣе, чѣмъ о всякомъ другомъ человѣкѣ. Если Богъ меня не вразумитъ своимъ разумомъ, что я буду тогда? Участь моя будетъ страшнѣе участи всѣхъ прочихъ людей“. Странная смѣсь смиренія и высокомѣрія: какъ будто Гоголь гордится глубиной своего паденія. И въ спасеніи и въ гибели онъ единственный и первый: или самый святой или самый грѣшный.

Въ письмѣ къ Шереметевой былъ намекъ на „охлажденіе“. Это значило, что Гоголь былъ готовъ разстаться и съ послѣднимъ, что у него оставалось — съ вѣрой.

* * *

Письмо къ отцу Матвѣю отъ 12 Января 1848 года — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ человѣческихъ документовъ. Принеся священнику Константиновскому кроткую „исповѣдь своего писательства“, Гоголь заканчиваетъ: „стану наблюдать за собой, буду молиться“.

И слово „молиться“ приводитъ его къ страшнымъ признаніямъ.

„Но, увы, молиться не легко. Какъ молиться, если Богъ не захочетъ?... И вотъ вамъ моя исповѣдь уже не въ писательствѣ. Исписалъ бы вамъ страницы во свидѣтельство моего малодушія, суевѣрія, боязни. Мнѣ кажется даже, что во мнѣ и вѣры нѣтъ вовсе. Признаю Христа Богочеловѣкомъ только потому, что такъ велитъ мнѣ умъ мой, а не вѣра. Я изумился его необъятной мудрости и съ нѣкоторымъ страхомъ почувствовалъ, что невозможно земному человѣку вмѣстить ее въ себѣ... Вотъ все, но вѣры у меня нѣтъ. Хочу вѣрить и несмотря на все это, я не дерзаю теперь идти поклониться Святому Гробу“.

* * *

Послѣдній мѣсяцъ въ Неаполѣ передъ отплытіемъ въ Палестину Гоголь провелъ въ состояніи мистическаго ужаса. Мысль, что онъ, послѣдній изъ грѣшниковъ, „дерзаетъ“ ѣхать въ Святую Землю, наполняла его душу трепетомъ. Послѣ „пораженія“ онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Дѣйствительно, „сердце его было разбито и дѣятельность его отнялась“. (Слова Гоголя въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 10 Іюня 1847). За нѣсколько дней до отъѣзда онъ пишетъ матери паническое письмо:

„Молитесь и больше ничего... Намъ остается только молиться и просить у Бога, чтобы онъ научилъ насъ, какъ молиться Ему о спасеніи нашемъ. Прошу васъ отправить молебенъ и, если можно, даже не одинъ (во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться), о благополучномъ моемъ путешествіи. Чувствую, что нѣтъ силъ молиться самому... Я требую отъ васъ всѣхъ помощи, какъ погибающій братъ проситъ у братьевъ. Соедините ваши моленія и помогите вос-

крылиться къ Богу моей молитвѣ". При этомъ письмѣ на особомъ листкѣ приложена была молитва, которую онъ просилъ читать на молебнѣ.

Затѣмъ онъ посылаетъ сто рублей серебромъ отцу Матвѣю — половину для раздачи бѣднымъ съ тѣмъ, чтобы они молились за него, другую же половину на три молебна, и одновременно поручаетъ благочестивой старушкѣ Шереметевой отслужить молебенъ о благополучномъ его путешествіи.

Въ концѣ Января 1848 года Гоголь отбываетъ въ Святую Землю. Только черезъ два года послѣ своего путешествія онъ исполняетъ просьбу Жуковскаго и дѣлится съ нимъ своими впечатлѣніями о Палестинѣ. Онъ былъ разочарованъ: та земля, которая во времена Спасителя была цвѣтущимъ садомъ, теперь пустыня; Іерусалимъ и Виѳлеемъ похожи на безпорядочно сложенныя груды камней; тощій Іорданъ осѣненъ кустиками ивъ. Святую Землю Гоголь видѣлъ, какъ во снѣ: на разсвѣтѣ онъ выступалъ въ путь по пустынѣ, чтобы на закатѣ прибыть въ какой нибудь городокъ, Тиръ или Сидонъ. Он запомнилъ Елеонскую гору, Мертвое море. Вотъ и все.

„Мое путешествіе въ Палестину, — пишетъ онъ, — точно было совершено мною затѣмъ, чтобы узрѣть собственными глазами, какъ велика черствость моего сердца". И дальше Гоголь прибавляетъ нѣсколько строкъ, пронзительныхъ въ ихъ трагической простотѣ:

„Гдѣ-то въ Самаріи сорвалъ полевой цвѣтокъ, гдѣ то въ Галилеѣ другой, въ Назаретѣ, застигнутый дождемъ, просидѣлъ два дня, позабывъ, что сижу въ Назаретѣ, точно какъ бы это случилось въ Россіи на станціи".

Надежда писателя на то, что душа его, убитая соотечественниками, воскреснетъ у гроба Господня, не оправдалась. Онъ безчувственъ, молитвы его безкрылы, онъ какъ во снѣ.

„Молился кое-какъ о себѣ... А вы попрежнему не переставайте молиться обо мнѣ. Напоминаю вамъ объ этомъ потому, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо чувствую безсиліе моей молитвы“. (Матери. Іерусалимъ, 19 Февраля 1848 г.).

„Все это (принятіе Св. Тайнъ у Гроба Господня) свершилось силою чьихъ-то молитвъ, чьихъ именно — не знаю; знаю только, что не моихъ. Мои же молитвы даже не въ силахъ были вырваться изъ груди моей, не только взлетѣть, и никогда еще такъ ощутительно не видѣлась мнѣ моя безчувственность, черствость и деревянность“. (Графу А. П. Толстому. 25 Апрѣля 1848 г.).

---

9. Духовное просвѣтленіе (1848—1851).

Пятаго Февраля Гоголь пріѣхалъ въ Іерусалимъ, а въ концѣ Апрѣля онъ былъ уже въ Россіи; едва только ступилъ на русскую землю въ Одессѣ, какъ тотчасъ же написалъ смиренное письмо отцу Матвѣю. Въ немъ онъ снова жалуется на свою черствость, на опасность своего положенія, на соблазны духа искусителя и прибавляетъ:

„Скажу Вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима“, и проситъ молиться за него: „Слезы, въ эту минуту упавшія на этотъ листъ бумаги, просятъ васъ о томъ же.“

Изъ Одессы Гоголь поѣхалъ къ роднымъ въ Васильевку, гдѣ пробылъ всю весну и лѣто. Только первые три-четыре дня онъ чувствовалъ себя хорошо; потомъ начались сильныя жары, Гоголь заболѣлъ желудкомъ, боялся холеры; отъ „адской духоты“ нервы его разстроились, занимался онъ съ трудомъ; его грызла тоска. По свидѣтельству Кулиша, „въ послѣднее пребываніе Гоголя дома веселость уже оставила его. Онъ впадалъ въ очевидное уныніе и выражалъ свои мысли только короткимъ восклицаніемъ: „И все вздоръ и все пустяки“.

А вотъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника сестры Гоголя Елизаветы Васильевны:

„1848 г. 9 Мая, именины брата.

Какъ онъ перемѣнился! Такой серьезный сдѣлался; ничто, кажется, его не веселитъ, и такой холодный и равнодушный къ намъ! Какъ мнѣ это было больно! 22 Августа. Сегодня братъ хотѣлъ уѣхать, но, слава Богу, отсрочилъ еще до понедѣльника. Вчера мы всѣ плакали. Тоска ужасная. Какъ я его сильно люблю, хотя часто и непріятности дѣлаетъ . . .“

Въ Сентябрѣ Гоголь пріѣзжаетъ въ Москву. Онъ напуганъ политическими событіями (революціонныя броженія въ Европѣ) и переноситъ свое личное уныніе на все человѣчество. Кажется ему, что весь міръ охваченъ безуміемъ, что все гибнетъ и распадается. Данилевскому (24 Сентября 1848 г.) он пишетъ: „Никто не въ силахъ вынести страшной тоски этого рокового переходнаго времени, и почти у всякаго ночь и тьма вокругъ. А между тѣмъ слово молитва до сихъ поръ еще не раздалось ни на чьихъ устахъ.“ Та же мысль развивается въ письмѣ къ отцу Матвѣю: „А между тѣмъ въ теперешнее время, когда отовсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть только и нужно дѣлать, что молиться . . . Слышишь одну необходимость повторять: „Господи, не введи меня во искушеніе и избави от лукаваго“.

Тревожное состояніе Европы, эпидеміи и голодъ въ Малороссіи, собственная черствость и страхъ за свою душу, — все это питало въ Гоголѣ предчувствіе конца свѣта. Въ письмахъ его попадаются такія выраженія, какъ: „отовсюду грозятъ бѣды“, „всеобщее разрушеніе“, „потрясающая безтолковщина времени“, „время опасное“, „время безпутное и сумасшедшее“, „время содомное“ и т. д. Но къ зимѣ душевное состояніе его рѣзко измѣняется къ лучшему. Аксаковъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что „Гоголь былъ довольно веселъ и читалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ; я никогда не видалъ Гоголя такъ здоровымъ, крѣпкимъ и

бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, т. е. въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1848-го и въ Январѣ и Февралѣ 1849 года. Не только онъ пополнѣлъ, но и тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко . . . Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки . . ." [1]).

Зима 1848—49 гг. была для Гоголя временемъ не только возстановленія физическихъ силъ; параллельно съ этимъ шло душевное успокоеніе; тонъ писемъ становится бодрѣе: можно предполагать, что въ это время онъ понемногу изживалъ свой религіозный кризисъ. Вѣра его, послѣ кратковременнаго шатанія, укрѣпилась; упорной работой надъ самимъ собой онъ освобождался отъ остатковъ эгоцентрической замкнутости. Это періодъ аскетическаго очищенія жизни и душевнаго просвѣтленія.

Въ религіозномъ возрожденіи Гоголя главная роль принадлежитъ о. Матвѣю Константиновскому. Какъ извѣстно, вопросъ объ отношеніяхъ Гоголя и отца Матвѣя очень занималъ біографовъ; было высказано много догадокъ и построено много гипотезъ. Наиболѣе блестящая изъ нихъ принадлежитъ Д. С. Мережковскому. Любитель рѣзкихъ противоположеній, Мережковскій изображаетъ отца Матвѣя мрачнымъ аскетомъ — изувѣромъ, внушившимъ писателю мысль объ уничтоженіи „Мертвыхъ Душъ" и тѣмъ убившимъ сначала его душу, а потомъ и тѣло. Разсказавъ о смерти Гоголя, авторъ заключаетъ: „Борьба была окончена, совершилась „страшная месть": не-человѣкъ побѣдилъ человѣка, посмѣялся надъ тѣмъ, кто думалъ надъ нимъ посмѣяться". Мы знаемъ, что Гоголь въ своихъ про-

1) О той же перемѣнѣ въ Гоголѣ свидѣтельствуетъ княжна В. Н. Репнина (Русскій архивъ, 1890): „Прежде ему ясны были люди; но онъ былъ закрытъ для нихъ и одна иронія показывалась наружу . . . Теперь онъ сдѣлался яснымъ для другихъ; онъ добръ, онъ мягокъ, онъ братски сочувствуетъ людямъ, онъ такъ доступенъ, онъ снисходителенъ, онъ дышетъ христіанствомъ".

изведеніяхъ хотѣлъ посмѣятся надъ чортомъ; значитъ подъ „не-человѣкомъ“ Мережковскій разумѣетъ одновременно о. Матвѣя и чорта или просто считаетъ о. Матвѣя чортомъ. Излишне говорить, что всѣ эти эффекты ни на чемъ не основаны. Приписывать вліянію о. Матвѣя сожженіе второй части „Мертвыхъ Душъ“ вполнѣ произвольно; изображать священника Константиновскаго въ видѣ Савонаролы нельзя, такъ какъ это противорѣчитъ фактамъ. Отецъ Матвѣй былъ не фанатикъ-изувѣръ, а простенькій, застѣнчивый, ничѣмъ не замѣчательный уѣздный батюшка.

Въ „Жизни и трудахъ Погодина“ Н. Барсукова объ о. Матвѣѣ сказано слѣдующее: „Онъ былъ невысокъ ростомъ, немножко сутуловатъ, у него были сѣрые, нисколько не красивые, и даже не особенно выразительные глаза, немножко вьющіеся свѣтло русые съ просѣдью волосы, довольно широкій носъ; однимъ словомъ по наружности и внѣшнимъ пріемамъ это былъ самый обыкновенный мужичекъ, котораго отъ крестьянина села Езька или Діева отличалъ только покрой его одежды... Правда, во время проповѣди (онъ говорилъ прекрасно, восхищавшимъ Гоголя, живымъ народнымъ языкомъ), а также при совершеніи литургіи лицо его озарялось и свѣтлѣло; но то были преходящія послѣдствія внезапнаго восхищенія, по мнованіи которыхъ наружность его принимала свой обычный незначительный видъ“. А вотъ другое свидѣтельство: И. Л. Щегловъ („Гоголь и о. Матвѣй Константиновскій“. Новое время, 1901), сообщаетъ со словъ оптинскаго инока о. Э. В.: „Несокрушимость его (о. Матвѣя) вѣры являла иногда примѣры поистинѣ невѣроятные... Когда по доносу о томъ, будто онъ смущалъ народъ своими проповѣдями, его вызвали къ Тверскому архіерею, и тотъ сталъ кричать на него, грозя упрятать его въ острогъ, о. Матвѣй отрицательно закачалъ головой: „Не вѣрю, ваше преосвященство“. — „Какъ ты смѣешь такъ отвѣ-

чать?“ — загремѣлъ владыка. „Да, не вѣрю, ваше преосвященство, потому что это слишкомъ большое счастіе пострадать за Христа. Я не достоинъ такой высокой чести“. Эти слова такъ озадачили владыку, что онъ съ тѣхъ поръ оставилъ о. Матвѣя въ покоѣ“.

Наконецъ протоіерей Ф. И. Образцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ о. Матвѣѣ (Тверскія Епархіальныя Вѣдомости, 1905) пишетъ:

„Говорятъ, что о. Матвѣй былъ суровый, печальный, строптивый, мрачный фанатикъ. Ничего такого не было въ о. Матвѣѣ. Напротивъ, он всегда былъ жизнерадостенъ; мягкая улыбка очень часто виднѣлась на его кроткомъ лицѣ; никто не слыхалъ отъ него гнѣвнаго слова, никогда онъ не возвышалъ своего голоса; всегда былъ ровный, спокойный, самообладающій. Жизнь велъ строго воздержанную...

Ворота его дома всегда были открыты для странниковъ, — нижній этажъ дома постоянно былъ занятъ ими...

...Проповѣдь о. Матвѣя всегда была импровизированная, на текстъ дневного Евангелія. Простота словъ, живая образность поражали слушателя, искреннее убѣжденіе неотразимо дѣйствовало на сердце“.

Прекрасный проповѣдникъ, простой „народный“ батюшка, совсѣмъ не богословъ, но человѣкъ, заслуживающій уваженія, священникъ, лицо котораго „озаряется“ во время совершенія литургіи, таковъ былъ о. Матвѣй. Гдѣ же тутъ демоническій „не-человѣкъ“?

Просмотримъ теперь письма Гоголя къ о. Матвѣю. Первое письмо — при посылкѣ „Переписки“: просьба дать отзывъ и молиться за автора; отношенія еще самыя далекія: „Не затрудняйтесь тѣмъ, что меня не знаете“, пишетъ Гоголь. Изъ второго письма явствуетъ, что отецъ Матвѣй осудилъ „Переписку“ и написалъ Гоголю, что тотъ дастъ за нее отвѣтъ Богу. Гоголь не соглашается съ такой оцѣнкой, споритъ и доказываетъ,

что намѣреніе его было доброе и что книга его полезна. По возраженіямъ его можно заключить, что о. Матвѣй не одобрилъ, главнымъ образомъ, статью о театрѣ. Но авторъ остался при своемъ мнѣніи. По сравненію съ обличеніями Аксакова, Бѣлинскаго, духовныхъ и свѣтскихъ рецензентовъ замѣчанія о. Матвѣя были незначительны и особаго впечатлѣнія на Гоголя не произвели.

Въ слѣдующемъ письмѣ о. Матвѣй, успокаивая Гоголя, совѣтуетъ ему не оправдываться передъ критиками „Переписки", „слушаться духа, въ насъ живущаго, а не земной телесности нашей" и „поворотиться во внутреннюю жизнь"; въ своемъ отвѣтѣ Гоголь объясняетъ о. Матвѣю, почему онъ занимается литературой. Изъ текста письма отнюдь не слѣдуетъ, что о. Константиновскій внушалъ Гоголю бросить литературу; однако подъ вліяніемъ письма батюшки о духовной жизни Гоголь задумался о совмѣстимости духовнаго пути съ путемъ писательскимъ; и пришелъ къ выводу: „Законъ Христовъ можно исполнять также и въ званіи писателя. Если писателю данъ талантъ, то вѣрю, недаромъ и не на то, чтобы обратить его во злое". Письмо написано съ дружеской откровенностью и любовью къ о. Матвѣю. „О, какъ бы мнѣ хотѣлось открыть вамъ всю душу, — восклицаетъ Гоголь, — быть у васъ въ Ржевѣ, исповѣдаться и сподобиться причащенія Тѣла и Крови Христовой, преподанныхъ рукою Вашей".

Передъ отъѣздомъ въ Іерусалимъ Гоголь снова пишетъ о. Матвѣю; изъ его оправданій ясно становится, къ чему сводились возраженія о. Матвѣя на „Переписку". „Я, точно, моей опрометчивой книгой, — пишетъ Гоголь, — показалъ какіе-то исполинскіе замыслы на что то въ родѣ вселенскаго учительства". Вотъ драгоцѣнное признаніе. Гоголь мечталъ о вселенскомъ учительствѣ, и о. Матвѣй справедливо упрекнулъ его въ гордынѣ. Въ концѣ письма Гоголь прибавляетъ: „Пору-

ченіе Ваше исполняю: Евангеліе читаю и благодарю васъ за это много“. Послѣ возвращенія изъ Святой Земли онъ пишетъ о. Матвѣю изъ Одессы; благодаритъ батюшку за то, что тотъ „положилъ себѣ молиться о немъ всякій день“. „Часто я думалъ: за что Богъ такъ милуетъ меня и такъ много даетъ мнѣ вдругъ“.

Еще одно короткое письмо изъ Москвы отъ 9 Ноября 1848 г. и переписка прерывается на два года. Наконецъ, въ 1850 году Гоголь сообщаетъ о. Матвѣю, что „созданіе его уже обдумано и готово“ и что онъ только ждетъ „орошающаго освѣженія свыше“, а „какъ бы хотѣлось сердцу повѣдать славу Божію“. Въ заключеніе проситъ батюшку молиться, чтобы онъ могъ закончить свой трудъ. Это письмо окончательно разсѣиваетъ всѣ недоразумѣнія, накопившіяся въ литературѣ вокругъ отношеній Гоголя и о. Матвѣя: если бы о. Константиновскій осуждалъ литературную дѣятельность Гоголя и внушалъ ему отказаться отъ художественнаго творчества, тотъ не могъ бы обратиться къ нему за благословеніемъ своему труду.

Мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: познакомившись черезъ графа Толстого съ ржевскимъ священникомъ, Гоголь сразу почувствовалъ духовную высоту этого скромнаго батюшки — мужичка. Отецъ Матвѣй осудилъ „Переписку“ за отсутствіе въ ней подлиннаго христіанскаго смиренія и за претензію автора на вселенское учительство. Онъ сталъ вліять на Гоголя, стараясь приблизить его къ евангельскому идеалу и углубить его внутреннюю жизнь. Въ моментъ религіознаго кризиса Гоголь обратился именно къ о. Матвѣю, признавшись ему, что теряетъ вѣру; о. Матвѣй своими наставленіями и молитвами помогъ Гоголю пережить кризисъ.

* * *

Послѣдніе годы Гоголь прожилъ въ аскетической бѣдности и бездомности, но духъ его, несмотря на развивавшуюся болѣзнь, былъ свѣтелъ и душевное состояніе радостно. Распространенное представленіе о Гоголѣ, какъ о суровомъ аскетѣ, постепенно погружающемся въ мракъ религіознаго помѣшательства, совершенно ложно. Вернувшись въ Россію, писатель постепенно оправляется отъ тяжкихъ потрясеній, пережитыхъ въ связи съ изданіемъ „Переписки"... „Авторская Исповѣдь" не печатается, а сдается въ архивъ: она больше не соотвѣтствуетъ его душевному состоянію. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ пораженія авторъ заявлялъ въ „Исповѣди", что отрекается отъ писательства и собирается поступить на какую-нибудь скромную должность. Вернувшись изъ Святой Земли, онъ отъ этого малодушнаго рѣшенія отказывается и приступаетъ къ писанію второй части „Мертвыхъ Душъ". Еще лѣтомъ въ Васильевкѣ онъ пытался начать работу. Н. Кулишъ разсказываетъ со словъ домашнихъ, что Гоголь по утрамъ работалъ у себя во флигелѣ. „Если кто изъ домашнихъ приходилъ къ нему по дѣлу, онъ встрѣчалъ своего посѣтителя на порогѣ, съ перомъ въ рукѣ, и если не могъ удовлетворить его короткимъ отвѣтомъ, то обѣщалъ исполнить требованіе послѣ; но никогда не приглашалъ войти къ себѣ, и никто не видалъ и не зналъ, что онъ пишетъ."

Но работа на ладъ не пошла. „Брался было за перо, — пишетъ Гоголь Плетневу, — но или жаръ утомляетъ меня или я вовсе еще не готовъ". Только въ концѣ Ноября въ Москвѣ онъ приступаетъ къ писанію: „Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ „М. Д.". Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣе присутствіе русскаго духа" (Н. А. Плетневу, 20 Ноября 1848 г.).

Три года прошло со времени сожженія первой редакціи второго тома. Въ „Перепискѣ" авторъ пытался

доказать необходимость этой жертвы; въ то время появленіе второго тома было бы только вреднымъ: въ немъ выведено было столько прекрасныхъ характеровъ, что русскіе люди могли возомнить о себѣ и расхвастаться. И писатель понялъ, что „бываетъ время, когда нальзя иначе устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, а оно должно было быть едва ли не главнымъ; а потому онъ и сожженъ“.

Итакъ, задачей новой второй редакціи поэмы должно быть не столько изображеніе прекраснаго, сколько указаніе на пути и дороги къ нему. Цель — чисто учительская или точнѣе: методологическая. „Мертвыя Души“ должны были иллюстрировать взглядъ на искусство, изложенный въ „Перепискѣ“. Онъ сводился къ тому, что искусство — путь къ Богу. Художникъ долженъ сначала самъ обратиться къ Христу, а потомъ съ помощью посланнаго ему Богомъ таланта привести къ нему и другихъ. Концепція искусства выражена Гоголемъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Развлеченный милліонами блестящихъ предметовъ, раскидывающихъ мысли на всѣ стороны, свѣтъ не въ силахъ встрѣтиться прямо съ Христомъ. Ему далеко до небесныхъ истинъ христіанства. Онъ ихъ испугается, какъ мрачнаго монастыря, если не подставить ему незримыя ступени къ христіанству... Среди свѣта есть много такого, что для всѣхъ отдалившихся отъ христіанства служитъ незримой ступенью къ христіанству. Такую роль играетъ театръ и искусство вообще“.

Теорія, по которой искусство есть приманка, хитро завлекающая людей въ сѣть христіанства, едва ли соотвѣтствуетъ духу православія. Любопытно, что изъ всей „Переписки“ именно эта статья: „О театрѣ, объ

одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности“ вызвала рѣшительную отповѣдь о. Матвѣя. И это лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его духовной чуткости. Итакъ, поэма должна указать пути и дороги къ Богу. Какой конкретный смыслъ вкладывалъ Гоголь въ эти слова? Переписка послѣднихъ лѣтъ ясно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: писатель, признавая свое незнаніе Россіи, старался изучить ее съ самыхъ различныхъ сторонъ: географической, этнографической, лингвистической, соціальной, государственной и т. д. И одновременно съ этимъ онъ пытался проникнуть въ русскій духъ, въ сущность русскаго національнаго характера. Для этого онъ напряженно работалъ надъ коренной переработкой своей художественной манеры: онъ стремился къ реализму въ описаніи внѣшней обстановки и психологизму въ изображеніи характеровъ.

О томъ, какъ Гоголь осуществлялъ программу письма, помѣщеннаго въ „Перепискѣ съ друзьями“ и озаглавленнаго „Нужно проѣздиться по Россіи“, мы знаемъ изъ воспоминаній А. О. Смирновой и М. А. Максимовича. Лѣтомъ 1849 года писатель гостилъ въ Калугѣ у Смирновой, мужъ которой былъ тогда губернаторомъ. Дорогою Гоголя занимало: какъ ему покажется губернскій городъ, какъ будетъ устроенъ губернаторскій домъ и вообще, каковъ будетъ бытъ губернатора и всего, что его окружаетъ . . . Онъ очень любилъ видѣть за губернаторскимъ обѣдомъ чиновниковъ и говорилъ, что это „такъ слѣдуетъ“. За столомъ онъ всегда разговаривалъ съ чиновниками и былъ съ ними очень любезенъ.

Слѣдующимъ лѣтомъ 1850 года Гоголь ѣдетъ съ Максимовичемъ въ Малороссію. Спутникъ его разсказываетъ, что эта поѣздка на долгихъ была для писателя какъ бы началомъ плана, который онъ предполагалъ осуществить впослѣдствіи. „Ему хотѣлось

совершить путешествіе по всей Россіи, отъ монастыря къ монастырю, ѣздя по проселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Это ему было нужно, во первыхъ для того, чтобы видѣтъ живописнѣйшія мѣста въ государствѣ . . ., во вторыхъ, чтобы изучить проселки Русскаго Царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразіи; въ третьихъ, наконецъ, для того, чтобы написать географическое сочиненіе о Россіи самымъ увлекательнымъ образомъ."

Присоединимъ къ этимъ воспоминаніямъ разсказъ Арнольди о томъ, какъ Гоголь во время своихъ поѣздокъ по Россіи тщательно разспрашивалъ всѣхъ встрѣчныхъ, „а въ городничаго впился, какъ пьявка и не уставалъ разспрашивать его обо всемъ, что его занимало".

Свидѣтельство Максимовича о желаніи Гоголя написать географическое сочиненіе о Россіи подтверждается письмомъ писателя къ А. Ѳ. Орлову. Гоголь проситъ графа ходатайствовать передъ наслѣдникомъ о выдачѣ ему вспомоществованія для того, чтобы онъ могъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренность Россіи и три зимнія пребыванія за границей: это помогло бы ему окончить не только „Мертвыя Души", но и еще одну „необходимую и нужную у насъ книгу". И Гоголь продолжаетъ: „Намъ нужно живое, а не мертвое изображеніе Россіи, та существенная, говорящая ея географія, начертанная сильнымъ живымъ слогомъ, которая поставила бы русскаго лицомъ къ Россіи".

Матеріалы для этого географическаго сочиненія сохранились; они изданы Г. Георгіевскимъ. („Гоголевскіе тексты" II. 1910 г.).

О стремленіи къ психологизму свидѣтельствуютъ герои выведенные въ дошедшихъ до насъ главахъ второй части: Тентетниковъ, Бетрищевъ, Улинька, Хлобуевъ — характеры болѣе сложные и „натуральные", чѣмъ Маниловъ или Собакевичъ. Да и характеръ са-

маго героя поэмы, Чичикова во второй части усложненъ и углубленъ.

Н. Д. Мизко разсказываетъ, что въ бытность свою въ Одессѣ въ 1851 году Гоголь говорилъ ему: „Я описываю жизнь людскую, поэтому меня всегда интересуетъ живой человѣкъ болѣе, чѣмъ созданный чьимъ нибудь воображеніемъ, и оттого мнѣ любопытнѣе всякихъ романовъ и повѣстей біографія или записки дѣйствительно жившаго человѣка“.

* * *

Начиная съ конца 1848 года тянется цѣпь жалобъ на лѣнь, вялость и медленность работы: на Гоголя находитъ то „безплодное и черствое состояніе“, то „уныніе и хандра“, то „умственная спячка“, то „неписательское расположеніе“. И несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, къ началу 1850 года „всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ набросаны: собственно написанныхъ двѣ-три не больше“. (Письмо къ Плетневу отъ 21 Января 1850 г.). Это былъ первый набросокъ; онъ перерабатывался въ теченіи всего 1850 года; въ окончательной формѣ вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ была готова къ лѣту 1851 года. Вотъ что объ этомъ пишетъ Гоголь Плетневу (Іюль 1851 г.): „Пишу тебѣ изъ Москвы, усталый, изнемогающій отъ жару и пыли. Поспѣшилъ сюда съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленія къ печати „Мертвыхъ Душъ“ второго тома и до того изнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ“.

Второй томъ былъ начатъ въ 1840 году. Работа надъ нимъ продолжалась одиннадцать лѣтъ. Но даже и послѣ того, какъ текстъ былъ готовъ къ печати, Гоголь не переставалъ передѣлывать и переписывать его. Незадолго до кончины онъ писалъ С. Т. Аксакову, сообщавшему ему объ окончаніи своихъ „Записокъ ружейнаго

охотника“: „Если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ быть, и я какъ нибудь управлюсь“.

Духовно-аскетическое значеніе работы надъ поэмой въ жизни Гоголя глубоко понято Анненковымъ. „Мертвыя Души“, пишетъ онъ въ „Воспоминаніяхъ“, были подвижническая келья, въ которой Гоголь болѣлъ и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея.“

Редакторъ сочиненій Гоголя В. В. Калашъ въ предисловіи ко второму тому „Мертвыхъ Душъ“ пишетъ слѣдующее: „Взыскательный художникъ и моралистъ вступили въ душѣ Гоголя въ смертельную борьбу и въ результатѣ отъ всего второго тома намъ осталось нѣсколько набросковъ и сбивчивыхъ свидѣтельствъ современниковъ“. Эти слова выражаютъ общепринятый взглядъ изслѣдователей на сожженіе „Мертвыхъ Душъ“. Въ гоголевской литературѣ существуетъ столько распространенныхъ и тѣмъ не менѣе ни на чемъ не основанныхъ взглядовъ, что не слѣдуетъ ничего принимать на вѣру. Утвержденіе В. В. Калаша сводится къ слѣдующему: борьба въ душѣ Гоголя кончилась тѣмъ, что моралистъ убилъ художика и вторая часть поэмы оказалась неудачной; тогда „взыскательный художникъ“ отомстилъ моралисту тѣмъ, что сжегъ „Мертвыя Души“. Слѣдовательно, въ душѣ Гоголя происходилъ конфликтъ между эстетикой и моралью; онъ уничтожилъ свое произведеніе потому, что оно не удовлетворяло его эстетически.

Все это построеніе изъ области чистой фантазіи. Попытаемся вернуться къ дѣйствительности.

1) Если бы Гоголь переживалъ этотъ конфликтъ, онъ не могъ бы не отразиться на его обширной перепискѣ послѣднихъ годовъ. Между тѣмъ въ ней мы не встрѣчаемъ ни намека на что либо подобное. Гоголь

постоянно жалуется на медленность и вялость работы, на отсутствіе вдохновенія и „неписательское“ настроеніе, но никогда не говоритъ, что онъ неудовлетворенъ своимъ произведеніемъ. Напротивъ, онъ твердо вѣритъ въ громадную значительность того, что пишетъ.

2) Со времени изданія „Переписки“ и провозглашенія искусства „невидимыми ступенями къ христіанству“, Гоголь рѣшительно и окончательно рветъ съ эстетикой: всю молодую русскую литературу онъ оцѣниваетъ только съ точки зрѣнія „духовной статистики Руси“, „зеркала дѣйствительности“, „познанія русскаго быта“. Поэтому о „взыскательномъ художникѣ“ вообще нельзя говорить: онъ уступаетъ мѣсто бытописателю-моралисту.

3) Да и была ли вторая часть поэмы дѣйствительно неудачей? Въ томъ видѣ, въ какомъ она до насъ дошла, она несомнѣнно слабѣе первой. Несмотря на отдѣльныя великолѣпныя фигуры, Пѣтуха, Тентетникова, Бетрищева, общее впечатлѣніе — усталости и тусклости. Но не слѣдуетъ забывать, что передъ нами только черновики и надъ ними авторъ собирался еще много работать; кромѣ того лучшія сцены, о которыхъ восторженно отзывались Максимовичъ, Шевыревъ, Смирнова и Арнольди, не сохранились. Нельзя говорить о „блѣдности“ и „идеальности“ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ второй части на основаніи отрывочныхъ набросковъ: друзья Гоголя, слышавшіе поэму въ ея законченномъ видѣ, свидѣтельствуютъ единодушно о ея живости и реализмѣ. Приведемъ нѣсколько отрывковъ.

Вотъ разсказъ Л. И. Арнольди.

„Когда Гоголь окончилъ чтеніе, то онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Ну, что вы скажете? Нравится ли Вамъ?“ — „Удивительно, безподобно“, воскликнулъ я. „Въ этихъ главахъ вы гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ первомъ томѣ;

тутъ вездѣ слышится жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ преувеличенiй, а описанiе сада — верхъ совершенства“.

А. О. Смирнова, вспоминая о чтенiяхъ Гоголя, говорила, что первый томъ совершенно поблѣднѣлъ въ ея воображенiи передъ вторымъ: „Здѣсь юморъ возведенъ былъ въ высшую степень художественности и соединялся съ паѳосомъ, отъ котораго захватывало духъ“.

И, наконецъ, свидѣтельство С. Т. Аксакова, эстетическiй вкусъ и нравственная чуткость котораго не могутъ быть оспариваемы; вотъ что онъ писалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ чтенiя Гоголя: „Такого искусства показывать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ, способнаго что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только я убѣдился вполнѣ, что Гоголь можетъ выполнить свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говоритъ въ первомъ томѣ... Да, много должно сгорѣть жизни въ горнилѣ, изъ котораго истекаетъ чистое золото“.

На основанiи всѣхъ этихъ данныхъ мы заключаемъ: вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ вовсе не была пораженiемъ писателя: нравственный паѳосъ не только не убилъ художника, но напротивъ расширилъ его кругозоръ, привелъ къ пристальному изученiю Россiи и сдѣлалъ его основателемъ натуралистической школы въ нашей литературѣ. А потому, пора перестать оплакивать судьбу великаго писателя, впавшаго въ мрачный мистицизмъ, въ нѣкую mania religiosa, и тѣмъ загубившаго свой талантъ. Предвидимъ одно возраженiе: допустимъ, скажутъ намъ, что вторая часть поэмы объективно не была неудачей; это не

имѣетъ значенія для объясненія загадки сожженія поэмы: совершенно достаточно, если субъективно, самимъ авторомъ она воспринималась, какъ пораженіе.

Это возраженіе опровергается фактами: Гоголь былъ удовлетворенъ результатомъ своей одиннадцатилѣтней работы. Несмотря на постоянныя болѣзни, въ послѣдній годъ своей жизни онъ былъ спокоенъ и радостенъ. Докторъ Тарасенковъ разсказываетъ, что „въ послѣднюю зиму Гоголь былъ постоянно погруженъ въ себя, задумчивъ, неразговорчивъ, какъ всегда, но, казалось, былъ веселѣе обыкновеннаго. Въ послѣднее время онъ въ тайной задушевной бесѣдѣ объявилъ, что онъ довольнѣе своими послѣдними приготовленными трудами“... [1])

Съ другой стороны, психіатрическій анализъ Баженова („Болѣзнь и смерть Гоголя“. Русская мысль, 1902, №№ 1—2) отмѣчаетъ ровное теченіе болѣзни въ 49—50 гг. и улучшеніе къ концу 51-го.

Всѣ, встрѣчавшіе Гоголя въ 1851—52 году говорятъ о немъ, какъ о веселомъ, остроумномъ, подвижномъ человѣкѣ, а не изможденномъ, ушедшемъ отъ міра аскетѣ. Гостя у Смирновыхъ, онъ шалитъ и возится съ дѣтьми, которыхъ обожаетъ; путешествуя на долгихъ съ Максимовичемъ, онъ то и дѣло выскакиваетъ изъ экипажа, бѣгаетъ по полямъ, собирая цвѣты для гербарія сестры; въ домѣ Аксакова онъ готовъ плясать подъ любимыя малороссійскія пѣсни. Къ концу жизни Гоголь представляется намъ духовно просвѣтленнымъ, радостнымъ, внутренне удовлетвореннымъ: плоть свою онъ не умерщвляетъ, міра не проклинаетъ, а напротивъ, страстно любитъ природу, цвѣты, пѣсни, дѣтей; становится проще и добрѣе.

* *
*

---

1) Подтвержденіе словамъ А. Т. Тарасенкова мы находимъ въ дневникѣ Никитенко, который со словъ кн. Д. А. Оболенскаго пишетъ, что Гоголь „былъ доволенъ своимъ трудомъ“.

Въ 1851 году лѣтомъ Гоголь ѣдетъ изъ Москвы вь Васильевку на свадьбу своей сестры; не доѣхавъ до Калуги заболѣваетъ и вмѣсто того, чтобы продолжать путь въ Малороссію, отправляется въ Оптину Пустынь, въ монастырь, въ которомъ онъ побывалъ въ 1850 году и который оставилъ въ душѣ его „самое благодатное воспоминаніе". Проведя тамъ нѣсколько дней, онъ возвращается въ Москву. О почтительной любви Гоголя къ старцамъ Оптиной Пустыни можно судить по его письмамъ къ іеромонаху Филарету и къ Отцу Петру Григорову [1]).

Въ Іюлѣ Гоголь гоститъ въ Спасскомъ у А. О. Смирновой. „Однажды хозяйка нашла его въ необыкновенномъ состояніи. Онъ держалъ въ рукѣ Четьи-Минеи и смотрѣлъ сквозь отворенное окно въ поле. Глаза его были какіе-то восторженные, лицо оживлено чувствомъ высокаго удовольствія: онъ какъ будто видѣлъ передъ собою что-то восхитительное. Когда А. О. заговорила съ нимъ, онъ какъ будто изумился, что слышитъ ея голосъ, и съ какимъ-то смущеніемъ отвѣчалъ ей, что читаетъ житіе такого-то святого".

Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ монахами Оптиной Пустыни, чтенія Евангелія и Четьи-Миней и аскетическаго труда надъ „Мертвыми Душами" Гоголю открывается новый образъ христіанства; онъ преодолѣваетъ въ себѣ ту концепцію „христіанскаго хозяйства", которая

---

1) „По словамъ современниковъ, Гоголь въ Оптиной пустыни былъ два раза, хотя весьма вѣроятно, что онъ былъ гораздо больше. Особенно сильно приковывали къ себѣ вниманіе Гоголя старцы Моисей, Антоній и Макарій ... Высокій и подвижническій умъ старца Макарія болѣе всего привлекалъ къ себѣ душу Гоголя ... По воспоминаніямъ современниковъ отношенія между Гоголемъ и старцемъ Макаріемъ были самыми искренними. Всѣ вопросы и сомнѣнія своей души Гоголь несъ на разрѣшеніе инока, который съ дружеской готовностью выслушивалъ и давалъ совѣты и указанія". (Д. П. Богдановъ: „Оптина пустынь и паломничество въ нее русскихъ писателей". Историческій вѣстникъ. 1910.)

была ничѣмъ инымъ, какъ сведеніемъ чичиковской жажды наживы къ „прекрасному источнику“. Онъ не думаетъ больше, что идеальный христіанинъ долженъ быть непремѣнно хозяиномъ, который не имѣетъ права отказываться отъ богатствъ. Въ послѣдній годъ жизни Гоголь благодаритъ Бога за то, что онъ скиталецъ, все имущество котораго вмѣщается въ одномъ чемоданѣ, что онъ „бездомный странникъ“ и бѣднякъ. Теперь онъ возлюбилъ бѣдность и проповѣдуетъ не обогащеніе, а безкорыстіе. „Довольство во всемъ намъ вредно, — пишетъ онъ къ матери въ Апрѣлѣ 1851 года, — человѣкъ такъ способенъ оскотиниться, что даже страшно желать ему жить въ безнуждьи и довольствѣ“. О томъ-же пишетъ онъ къ сестрѣ Елизаветѣ: „Милая сестра моя, люби бѣдность. Тайна великая скрыта въ этомъ словѣ: кто полюбитъ бѣдность, тотъ уже не бѣденъ, тотъ богатъ“.

Къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни относится окончаніе „Размышленій о божественной литургіи“, задуманныхъ въ 1845 году. Много лѣтъ изучалъ Гоголь богословскую литературу и чинъ Литургій Восточной Церкви. По словамъ доктора Тарасенкова, незадолго до смерти „онъ окончательно отдѣлалъ и тщательно переписалъ свое завѣтное сочиненіе, которое было обрабатываемо имъ въ продолженіи почти 20-ти лѣтъ (?); наконецъ, послѣ многихъ передѣлокъ, переписокъ, онъ остался имъ доволенъ, собирался печатать, придумалъ для него форматъ книги: маленькій, въ осьмушку, который очень любилъ, хотѣлъ сдѣлать это сочиненіе народнымъ, пустить въ продажу по дешевой цѣнѣ и безъ своего имени, единственно ради поученія и пользы всѣхъ сословій. Это сочиненіе названо „Литургія“.

Работа Гоголя и до нашихъ дней является однимъ изъ самыхъ проникновенныхъ и духовныхъ толкованій Литургіи.

Авторъ „Мертвыхъ Душъ“ шелъ къ Богу не пу-

темъ любви, а путемъ страха. Онъ видѣлъ въ Немъ грознаго карателя и боялся вѣчнаго наказанія. Но послѣ религіознаго кризиса, на концѣ жизненнаго пути онъ пришелъ ко Христу — Искупителю. Во вступленіи къ „Размышленіямъ о божественной Литургіи" Гоголь пишетъ: „Вопли услышались: явился въ міръ, Имъ же міръ бысть: среди насъ явился въ образѣ человѣка . . . не въ гордомъ блескѣ и величіи, не какъ каратель преступленій, и не какъ судія, приходящій истребить однихъ и наградить другихъ. Нѣтъ, послышалось кроткое лобзаніе брата . . ."

Въ этихъ словахъ — „Нынѣ отпущаеши" Гоголя. Чувство Христовой милости и всепрощенія наполняетъ его духовной радостью.

Второй своей сестрѣ Ольгѣ Гоголь пишетъ за два мѣсяца до смерти: „Намъ слѣдуетъ ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. Не быть радостнымъ, не ликовать духомъ — даже грѣхъ. . . . Вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной пѣснью благодаренія Богу."

Нельзя безъ волненія читать слова, писанныя Гоголемъ Жуковскому за три недѣли до кончины:

„Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и чтобы я хоть сколько нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ Красотѣ Небесной".

Въ этотъ день, 2 Февраля 1852 года Гоголь достигъ вершины своего духовнаго пути. Въ его торжественныхъ словахъ — увѣнчаніе дѣла всей жизни: „пропѣть гимнъ Красотѣ Небесной . . ."

---

10. Смерть.

Въ концѣ Января 1852 года О. М. Бодянскій навѣстилъ Гоголя и засталъ его за работой, полнымъ силъ и энергіи; Гоголь пригласилъ его на музыкальный вечеръ и обѣщалъ за нимъ заѣхать. Но вечеръ не состоялся. 26 Января умерла жена А. С. Хомякова, сестра покойнаго друга Гоголя поэта Языкова. Эта смерть потрясла Гоголя; послѣ панихиды, глядя на лицо покойницы, онъ сказалъ: „Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти; жизнь не была бы такъ прекрасна, если бы не было смерти“.

Хомяковъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душей, особенно Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: „Все для меня кончено.“

Съ этого момента, разсказываетъ Кулишъ, онъ почувствовалъ, что боленъ тою самою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его, именно, что на него „нашелъ страхъ смерти“.

Гоголь пророчески изобразилъ свою смерть въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“; съ дѣтства онъ панически боялся таинственнаго зова среди бѣла дня, „послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть“, и умеръ по той же причинѣ, по которой умеръ Афанасій Ивановичъ.

„Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: „Афанасій Ивановичъ“. . .

„Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его: онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и, наконецъ, угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя“.

Это — точный діагнозъ болѣзни самого автора: Гоголь умеръ, потому что его позвала умершая Хомякова; онъ тоже „покорился“ и тоже „истаялъ, какъ свѣчка“.

Повѣривъ въ неминуемость смерти, писатель сталъ готовиться къ ней подвижнически: говѣлъ на масляницѣ; „передъ принятіемъ Святыхъ Даровъ у обѣдни палъ ницъ и долго плакалъ“. Большую часть ночей проводилъ безъ сна въ молитвѣ.

„Ночью съ пятницы на субботу (8—9 Февраля) онъ изнеможенный уснулъ на диванѣ, безъ постели и съ нимъ произошло что-то необыкновенное, загадочное: проснувшись вдругъ, послалъ за приходскимъ священникомъ, объяснилъ ему, что недоволенъ недавнимъ причащеніемъ и проситъ тотчасъ же опять причастить и соборовать его, потому что онъ видѣлъ себя мертвымъ, слышалъ какіе-то голоса и теперь почитаетъ себя умирающимъ. Повидимому послѣ посѣщенія священника онъ успокоился, но не прерывалъ размышленій, глубоко его потрясавшихъ“ (А. Т. Тарасенковъ). Плетневъ писалъ Жуковскому: „Пропуская лишь нѣсколько капель воды съ краснымъ виномъ, онъ продолжалъ стоять колѣнопреклоненный передъ множествомъ поставленныхъ передъ нимъ образовъ и молиться. На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ тихо и кротко: „оставьте меня, мнѣ хорошо“. Друзья обратились къ авторитету митрополита Филарета и тотъ отъ имени Церкви велѣлъ больному подчиниться врачамъ, но онъ отказался.

* * *

Въ ночь на 12 февраля Гоголь сжигаетъ „Мертвыя Души“. По словамъ Погодина, придя въ комнату, „онъ велѣлъ подать изъ шкафа портфель. Когда портфель былъ принесенъ, онъ вынулъ оттуда связку тетрадей, перевязанныхъ тесемкой, положилъ ее въ печь и зажегъ свѣчой изъ своихъ рукъ . . . Послѣ того, какъ обгорѣли углы у тетрадей, Гоголь замѣтилъ это, вынулъ связку изъ печки, развязалъ тесемку и, уложивъ листы такъ, чтобы легче было приняться огню, зажегъ опять и сѣлъ на стулѣ передъ огнемъ, ожидая пока все сгоритъ и истлѣетъ. Тогда онъ, перекрестясь, воротился въ прежнюю свою комнату, поцѣловалъ мальчика, легъ на диванъ и заплакалъ“.

На другой день Гоголь сказалъ А. Н. Толстому: „Вообразите, какъ силенъ злой духъ! Я хотѣлъ сжечь бумаги, давно уже на то опредѣленныя, а сжегъ главы „Мертвыхъ Душъ“, которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память послѣ своей смерти“.

Докторъ Тарасенковъ, лечившій Гоголя, разсказываетъ о сожженіи нѣсколько иначе:

„Когда почти все сгорѣло, онъ долго сидѣлъ задумавшись, потомъ заплакалъ, велѣлъ позвать графа, показалъ ему догорающіе углы бумагъ и съ горестью сказалъ: „Вотъ это я сдѣлалъ! Хотѣлъ было сжечь нѣкоторыя вещи, давно на то приготовленныя, а сжегъ все! Какъ лукавый силенъ, — вотъ онъ къ чему меня подвинулъ! А я было тамъ много дѣльнаго уяснилъ и изложилъ: это былъ вѣнецъ моей работы: изъ него могли бы всѣ понять и то, что неясно было у меня въ прежнихъ сочиненіяхъ... А я думалъ разослать друзьямъ на память по тетрадкѣ: пусть бы дѣлали что хотѣли. Теперь все пропало“. Графъ, желая отстранить отъ него мрачную мысль о смерти съ равнодушнымъ видомъ сказалъ:

„Это хорошій признакъ — и прежде вы сжигали

все и потомъ писали еще лучше. Значнтъ и теперь это не передъ смертью. Вѣдь вы можете все припомнить". „Да, — отвѣчалъ Гоголь, положивъ руку на лобъ, — могу, могу, у меня все это въ головѣ", и повидимому сдѣлался спокойнѣе, пересталъ плакать" [1]).

Обратимся къ разсказу Н. Кулиша. „Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ. На это онъ согласился съ радостью и выслушалъ всѣ Евангелія, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, а утромъ въ четвергъ 21 Февраля его не стало [2]).

1) А. В. Никитенко, со словъ князя Д. А. Оболенскаго, записалъ въ дневникѣ: „Гоголь кончилъ „Мертвыя Души" за границей и сжегъ ихъ. Потомъ опять написалъ и на этотъ разъ остался доволенъ своимъ трудомъ. Но въ Москвѣ стало посѣщать его религіозное изступленіе и тогда въ немъ бродила мысль сжечь и эту рукопись. Однажды приходитъ къ нему графъ А. Н. Толстой, съ которымъ онъ былъ въ постоянной дружбѣ. Гоголь сказалъ ему: „Пожалуйста возьми эти тетради и спрячь ихъ, на меня находятъ часы, когда это все хочется сжечь. Но мнѣ самому было бы жаль. Тутъ, кажется, есть кое-что хорошаго". Графъ Толстой изъ ложной деликатности не согласился. Онъ зналъ, что Гоголь предается мрачнымъ мыслямъ о смерти и т. п. и ему не хотѣлось исполненіемъ просьбы какъ бы подтвердить его ипохондрическія опасенія. Спустя дня три графъ опять пришелъ къ Гоголю и засталъ его грустнымъ: „А вотъ, сказалъ ему Гоголь, вѣдь лукавый меня таки попуталъ: я сжегъ „Мертвыя Души". Онъ не разъ говорилъ, что ему представлялось какое-то видѣніе. Дня за три до кончины онъ былъ увѣренъ въ своей скорой смерти".

2) За нѣсколько часовъ до смерти Гоголь „бормоталъ, что-то невнятное, какъ бы во снѣ, и повторялъ нѣсколько разъ: „Давай, давай. Ну что же?" Часу въ одиннадцатомъ онь закричалъ громко: „Лѣстницу, поскорѣй давай лѣстницу!" Казалось ему хотѣлось встать (А. Т. Тарасенковъ).

„Однимъ изъ послѣднихъ словъ, сказанныхъ имъ еще въ полномъ сознаніи, были слова: „Какъ сладко умирать!" (Шевыревъ).

„Долго глядѣлъ я на умершаго: мнѣ казалось, что лицо его выражало не страданіе, а спокойствіе, — ясную мысль, унесенную въ гробъ" (А. Т. Тарасенковъ).

За нѣсколько дней до смерти Гоголь съ усиліемъ написалъ:

„Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное.

Помилуй меня грѣшнаго, прости Господи. Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста.

Какъ поступать, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ. И страшнѣе исторіи всѣхъ событій Евангель...“

* *
*

Врачи разошлись въ діагнозѣ болѣзни Гоголя; по-видимому это была нервная горячка на почвѣ истощенія и остраго малокровія мозга. Другими словами Гоголь просто уморилъ себя голодомъ. Хомяковъ объяснялъ его кончину страхомъ смерти, „религіознымъ помѣшательствомъ“. Но можно предположить и иное. Гоголю было послано свыше откровеніе о смерти, онъ пересталъ бороться за жизнь, послѣдніе драгоцѣнные дни употребилъ на христіанское приготовленіе къ великому таинству.

Вернемся теперь къ вопросу о сожженіи „Мертвыхъ Душъ“. Въ событіи этомъ есть тайна, которая навсегда останется тайной. Мы уже говорили, что гипотеза о конфликтѣ моралиста съ художникомъ должна быть отстранена. Почему же Гоголь сжегъ свою поэму?

На панихидѣ по Хомяковой Гоголь говоритъ мужу покойницы: „Все для меня кончено“. Какъ Афанасій Ивановичъ, онъ слышитъ голоса, предсказывающіе ему смерть. Онъ увѣренъ, что скоро умретъ, настолько уверенъ, что почти перестаетъ питаться. Мірскія дѣла для него не существуютъ; двѣ мысли дѣлятъ между собой его сознаніе: достойно, по христіански, приготовиться къ смерти и распорядиться своимъ имуществомъ. Гоголь жилъ въ полной бѣдности, но у него были рукописи. Какъ слѣдовало съ ними посту-

пить? Въ концѣ Января въ Москву пріѣзжаетъ отецъ Матвѣй и остается до 5 Февраля. Въ теченіе этого времени Гоголь нѣсколько разъ съ нимъ подолгу бесѣдуетъ. Объ этихъ бесѣдахъ сохранился разсказъ самого отца Константиновскаго, переданный прот. Образцовымъ (Тверскія Епархіальныя Вѣдомости, 1902 г.). Гоголь читалъ отцу Матвѣю вторую часть „Мертвыхъ Душъ“ и тотъ совѣтовалъ не опубликовывать тѣхъ главъ, гдѣ былъ изображенъ священникъ. „Это былъ живой человѣкъ, — разсказывалъ батюшка, — котораго всякій узналъ бы, и прибавлены такія черты, которыхъ во мнѣ нѣтъ, да и къ тому же съ католическими оттѣнками, и выходилъ не вполнѣ православный священникъ“. Болѣе снисходительно, но все же неодобрительно отнесся о. Матвѣй къ изображенію генералъ-губернатора.

По дошедшимъ до насъ отрывкамъ второго тома мы можемъ судить о справедливости критики о. Матвѣя. Дѣйствительно генералъ — губернаторъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ образовъ въ поэмѣ. Еще болѣе естественно нежеланіе о. Матвѣя видѣть въ печати изображеніе священника, въ которомъ странно сплетались его личныя черты съ „католическими оттѣнками“. Съ мнѣніемъ о. Матвѣя Гоголь не согласился; можно предположить даже, что, находясь въ крайнемъ нервномъ возбужденіи онъ отвѣчалъ на критику о. Матвѣя въ самомъ рѣзкомъ тонѣ: не успѣлъ тотъ уѣхать, какъ Гоголь, раскаявшись въ своей горячности, пишетъ ему извинительное писмо.

„Отцу Матвѣю. 6 Февраля 1852 г. Москва.

Уже написалъ было къ вамъ одно письмо еще вчера, въ которомъ просилъ извиненія въ томъ, что оскорбилъ васъ; но вдругъ милость Божія, чьими-то молитвами, посѣтила и меня жестокосердаго и сердцу моему захотѣлось васъ благодарить крѣпко, такъ крѣпко. Но объ этомъ что говорить. Мнѣ стало только жаль,

что я не помѣнялся съ вами шубой. Ваша лучше бы меня грѣла. Обязанный вамъ вѣчной благодарностью и за гробомъ,

вашъ весь Николай."

Однако, несмотря на это сердечное письмо, совѣту о. Матвѣя Гоголь все-таки не послѣдовалъ, а черезъ пять дней послѣ его отъѣзда принялъ совсѣмъ другое рѣшеніе: онъ сдѣлалъ А. Н. Толстому предсмертное распоряженіе о своихъ произведеніяхъ, поручая часть ихъ напечатать, а часть отдать на просмотръ митрополиту Филарету. Это значитъ, что неудовлетворенный мнѣніемъ о. Матвѣя, Гоголь рѣшаетъ обратиться къ высшему церковному авторитету: къ тому же среди его рукописей находилась вполнѣ отдѣланная работа: „Размышленія о божественной Литургіи". Кажется естественнымъ, что писатель, не будучи богословомъ, хотѣлъ представить это сочиненіе на судъ пастыря церкви. Разговоръ съ Толстымъ происходилъ 10 Февраля, а въ ночь на 12-ое Гоголь сжигаетъ рукописи. Событіе это можетъ быть объяснено въ двухъ планахъ, между собой не соприкасающихся, а потому и не противорѣчащихъ другъ другу. Первый планъ — психологическій; ночью Гоголь внезапно чувствуетъ, что умираетъ; страхъ смерти затемняетъ его сознаніе. Къ этому присоединяется приступъ его обычной нервной болѣзни: гиперболической работы воображенія. О симптомахъ ея Гоголь разсказывалъ Ѳ. В. Чижову въ 1849 году. „У меня все разстроено внутри: я, напримѣръ, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся; тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начинаетъ развивать — и все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучатъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы".

Если такой ничтожный поводъ могъ вызвать въ воображеніи Гоголя „страшные призраки", то что должно

было происходить въ его несчастной душѣ при приближеніи смерти? Въ эту минуту каждая неотдѣланная строка, каждый неудачный образъ, каждое двусмысленное слово разростались кошмаромъ. Возможно, что припомнились и неодобрительныя слова о. Матвѣя и ужъ теперь прозвучали угрозой вѣчныхъ мукъ. Намѣреваясь уничтожить эти главы, Гоголь въ состояніи невмѣняемости сжигаетъ и нѣсколько другихъ. Когда онъ приходитъ въ себя, и замѣчаетъ свою ошибку, то говоритъ Толстому: „Я хотѣлъ сжечь бумаги, давно уже на то опредѣленныя, а сжегъ главы „Мертвыхъ Душъ“, которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память послѣ моей смерти“. В. Гиппіусъ („Гоголь“. Ленинградъ, 1924) убѣдительно доказываетъ, что у насъ нѣтъ основаній считать эти слова Гоголя мистификакаціей. Бросилъ въ огонь тетради, перевязанныя тесемкой, не посмотрѣлъ, сжегъ по ошибкѣ и то, что не хотѣлъ сжигать. Если бы хотѣлъ сжечь всю вторую часть, то почему „забылъ“ въ шкафу рукопись съ четырьмя первыми и одной изъ послѣднихъ главъ поэмы?

Наконецъ, Погодинъ, въ статьѣ о послѣднихъ дняхъ Гоголя, помѣщенной въ „Москвитянинѣ“ непосредственно послѣ смерти писателя, приводитъ слова, сказанныя имъ слугѣ Семену, сейчасъ же послѣ сожженія: „Иное надо было сжечь, а за другое помолились бы за меня Богу, но Богъ дастъ, выздоровѣю и все поправлю“. Это свидѣтельство вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ Тарасенкова о разговорѣ Гоголя съ графомъ Толстымъ.

Несомнѣнно, что Гоголь совершилъ сожженіе въ состояніи умоизступленія; очнувшись, онъ раскаивался въ немъ и плакалъ.

Таково объясненіе въ планѣ психологическомъ; но возможно и другое объясненіе, въ планѣ мистическомъ; оно вполнѣ законно, такъ какъ относится къ

мистику, который, подобно всѣмъ духовидцамъ, переживалъ состоянія благодати и безблагодатности, имѣлъ видѣнія свѣта и тьмы, и съ сознательнаго возраста велъ упорную и тяжкую борьбу со злыми духами. Не признать реальнаго вмѣшательства дьявола въ жизнь Гоголя значитъ зачеркнуть весь духовный его путь.

Ту особенность своего душевнаго состоянія, о которой Гоголь разсказывалъ Чижову и которую мы назвали гиперболической работой воображенія, писатель воспринималъ также и въ образахъ мистическихъ. Неудачу „Переписки" онъ объяснялъ „чудовищной преувеличенностью", до которой были доведены въ ней нѣкоторыя по существу правильныя мысли. И въ этомъ видѣлъ онъ вмѣшательство темной силы. „А дьяволъ, которой тутъ, какъ тутъ, писалъ Гоголь отцу Матвѣю въ 1848 году, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что было даже и безъ умысла учительствовать".

Въ трагическую ночь на 12 Февраля въ душѣ Гоголя свершилась послѣдняя борьба съ дьяволомъ. Дьяволъ „раздулъ до чудовищной преувеличенности", до „страшныхъ призраковъ" его сомнѣнія въ пользѣ своего литературнаго наслѣдія. Онъ подсунулъ ему тетрадки, перевязанныя тесемкой, онъ заставилъ его бросить ихъ въ огонь.

„Вообразите, какъ силенъ злой духъ!" сказалъ Гоголь А. П. Толстому. А въ предсмертной молитвѣ написалъ: „Прости Господи. Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго Креста".

Послѣднее испытаніе было пережито. Гоголь причастился, соборовался и сподобился христіанской кончины.

---

11. Заключеніе.

Оглядываемся на путь, пройденный нами по слѣдамъ Гоголя. Одно впечатлѣніе преобладаетъ надъ всѣми: жизнь Гоголя полна таинственнаго смысла и трагическаго величія. Правъ Иванъ Аксаковъ, сказавшій о Гоголѣ: „Жизнь его представляетъ такую великую, грозную поэму, смыслъ которой останется долго неразгаданнымъ“.

Думаемъ, что смыслъ жизни Гоголя не будетъ никогда разгаданъ; онъ лежитъ въ той области, на порогѣ которой изнемогаютъ всѣ человѣческіе домыслы.

Но какой скорбный, какой страшный путь! Какими непрерывными, многообразными и изощренными страданіями куплено его величіе! Жизнь Гоголя — сплошная пытка, самая страшная часть которой, протекавшая въ планѣ мистическомъ, находится внѣ нашаго зрѣнія. Человѣкъ, родившійся съ чувствомъ космическаго ужаса, видѣвшій вполнѣ реально вмѣшательство демоническихъ силъ въ жизнь человѣка, воспринимавшій міръ sub specie mortis, боровшійся съ дьяволомъ до послѣдняго дыханія, — этотъ же человѣкъ „сгоралъ“ страстной жаждой совершенства и неутолимой тоской по Богу. Душа Гоголя — сложная, темная, предѣльно одинокая и несчастная; душа патетическая и пророческая; душа, претерпѣвшая нечеловѣческія испытанія и пришедшая ко Христу.

Въ Гоголѣ дано наивысшее напряженіе противоположностей, наибольшее раздвоеніе.

„Я не знаю, — пишетъ С. Т. Аксаковъ, — любилъ ли кто Гоголя. Я думаю, нѣтъ; да это и невозможно. Вотъ до какой степени Гоголь для меня не человѣкъ, что я, которой въ молодости ужасно боялся мертвецовъ, не могъ произвести въ себѣ этого чувства во всю послѣднюю ночь“.

И тотъ же С. Т. Аксаковъ заявляетъ: „Я признаю Гоголя святымъ, это истинный мученикъ нашего времени и въ то же время мученикъ христіанства“.

И „не человѣкъ“,— и „святой“; это масштабъ души Гоголя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.